

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 10. № 5/2024

DISCOURSE

Volume 10. No. 5/2024

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2024

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetsckaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Аршин К. В. Как возможна социальная философия: переход от постмодерна к метамодерну	5
Плебанек О. В. Концепт когнитивного пространства в контексте когнитивной секьюритологии	15
Лукьянов Н. Е., Изгарская А. А. Миросистемные предпосылки террористических угроз: к вопросу о методологии исследования вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве	31

СОЦИОЛОГИЯ

Абрамова М. А. Перспективы развития генеалогии в России как социокультурного института	43
Огороднова А. М. Эстетика негативной коммуникации: конфликты журналистов и чиновников	54
Пашковский Е. А., Милецкий В. П. Джазовая музыкальная среда в современном Санкт-Петербурге	65
Zhang Hailun, Lebedintseva L. A. Current Situation, Existing Problems and Prospect of the Study of Social Stratification in Contemporary China	78

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ильичева И. Л. Ассоциативное поле «Брестская область» как способ моделирования фрагмента языкового сознания жителей Брестского региона	91
Дьячков Д. А. Компенсация как способ адаптации имен собственных для сохранения юмористического эффекта на примере перевода на русский и английский языки комиксов о приключениях Астерикса	102
Росянова Т. С. Терминологические особенности изучения языка хореографии (на материале терминов ирландских танцев)	115
Трофимова Н. А., Коваленко Д. Д. Сохранение авторской тональности как инструмент оценки качества перевода	129

Из редакционной почты

Пфаненштиль И. А., Никуленков В. В., Молодых Л. Л. Патриот, философ, историк: памяти Михаила Петровича Яценко	141
--	-----

Правила представления рукописей авторами	145
---	-----

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Arshin K. V. How Social Philosophy is Possible: the Transition from Postmodern to Metamodern	5
Plebanek O. V. The Concept of Cognitive Space in the Context of Cognitive Securitology	15
Lukyanov N. E., Izgarskaya A. A. World-Systems Ground of Terrorist Threats: on the Issue of Methodology for Studying Armed Conflicts in the Post-Soviet Space	31

SOCIOLOGY

Abramova M. A. Prospects for the Development of Genealogy in Russia as a Socio-Cultural Institution	43
Ogorodnova A. M. Aesthetics of Negative Communication: Conflicts of Journalists and Officials	54
Pashkovsky E. A., Miletskiy V. P. Jazz Musical Environment in Modern Saint Petersburg	65
Zhang Hailun, Lebedintseva L. A. Current Situation, Existing Problems and Prospect of the Study of Social Stratification in Contemporary China ...	78

LINGUISTICS

Ilyicheva I. L. Associative Field “Brest Region” as a Way to Model a Fragment of the Linguistic Consciousness of Residents of the Brest Region	91
Diachkov D. A. Compensation as a Means of Proper Names Adaptation to Preserve a Humorous Effect Using the Example of Russian and English Translations of Comics about the Adventures of Asterix	102
Rosyanova T. S. Terminological Features of Studying the Language of Choreography (Based on Irish Dance Terms)	115
Trofimova N. A., Kovalenko D. D. Preservation of the Author’s Tonality as a Tool for Evaluating Translation Quality	129

Оригинальная статья
УДК 101; 13; 14
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-5-14>

Как возможна социальная философия: переход от постмодерна к метамодерну

Константин Валерьевич Аршин

*Институт философии РАН, Москва, Россия,
Kosta-10@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>*

Введение. Установление господства постмодернизма в качестве ключевой парадигмы философского знания поставило вопрос о предмете социальной философии как философской дисциплины, изучающей проблемы социальности применительно к человеку. С одной стороны, это привело к кризису социальных наук, поскольку социальная философия утратила статус метанауки в структуре социального знания. С другой стороны, увеличило предметное поле социальной философии, включив в него объекты, на которые никогда не был направлен интерес социальных философов (неодушевленные предметы, животные).

Методология и источники. Основой методологии работы выбраны методы критического анализа и компаративистики, что позволяет описать логику развития проблемы утраты социальной философией единства своего предмета в рамках событий как реальной, так и интеллектуальной истории.

Результаты и обсуждение. В статье осуществлена попытка описания возможных трансформаций тематического поля социальной философии в процессе перехода от постмодерна к метамодерну. Автор, анализируя признанную проблему современной социальной философии (ее фрагментированность, отсутствие объекта исследования), демонстрирует возможность ее дефрагментации в период метамодерна при обращении исследовательского интереса к таким вопросам, как изучение человека как социального существа, влияние новых технологий на трансформацию человека и социального, переосмысление социального в условиях взрывного развития технологий, наконец, изучение влияния диалектики социальных эмоций на общество и человека.

Заключение. Автор приходит к выводу, что в текущем состоянии фрагментированная социальная философия не готова к предметному переориентированию, что означает необходимость качественных изменений в предмете социальной философии.

Ключевые слова: постмодерн, метамодерн, социальная философия, обществознание, утопия, фрагментация

Для цитирования: Аршин К. В. Как возможна социальная философия: переход от постмодерна к метамодерну // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-5-14.

© Аршин К. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

How Social Philosophy is Possible: the Transition from Postmodern to Metamodern

Konstantin V. Arshin

*North-West Institute of Management, branch of RANEPA, St Petersburg, Russia,
Kosta-10@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3172-5763>*

Introduction. The establishment of the dominance of postmodernism as a key paradigm of philosophical knowledge raised the question of the subject of social philosophy as a philosophical discipline that studies the problems of sociality in relation to a person. On the one hand, this led to a crisis in the social sciences, since social philosophy lost its status as a metascience in the structure of social knowledge. On the other hand, it expanded the subject field of social philosophy, including in it objects to which the interest of social philosophers had never been directed (inanimate objects, animals).

Methodology and sources. The basis of the methodology of the work is the methods of critical analysis and comparative studies, which allows us to describe the logic of the development of the problem of the loss of the unity of its subject by social philosophy within the framework of events of both real and intellectual history.

Results and discussion. The article makes an attempt to describe possible transformations of the thematic field of social philosophy in the process of transition from postmodernity to metamodernity. The author, analyzing the recognized problem of modern social philosophy (its fragmentation, the absence of an object of study), demonstrates the possibility of its defragmentation during the metamodern period when research interest is turned to such issues as the study of man as a social being, the influence of new technologies on the transformation of man and the social, the rethinking of the social in the explosive development of technology, and finally, the study of the dialectics of social emotions on society and man.

Conclusion. The author comes to the conclusion that in its current state, fragmented social philosophy is not ready for subject reorientation, which means the need for qualitative changes in the subject of social philosophy.

Keywords: postmodern, metamodern, social philosophy, social science, utopia, fragmentation

For citation: Arshin, K.V. (2024), "How Social Philosophy is Possible: the Transition from Postmodern to Metamodern", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 5–14. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-5-14 (Russia).

«Как можно писать стихи или философствовать после Освенцима» [1, с. 41] – фраза, которую приписывают одному из ярчайших представителей Франкфуртской школы Теодору Адорно. Действительно ли эта фраза принадлежала ему или все-таки Адорно ее не говорил не так важно. Главное, что в ней отразился весь ужас человеческого существования начала XX в. Ее художественным аналогом можно назвать картину Эдварда Мунка «Крик», на которой изображен расплывающейся и как бы сливающийся с природой исходящий криком человек. Будучи написанной в 1893 г. картина эта очевидным образом предвосхитила те исторические события, которые развернутся в Европе буквально через 21 год.

Первая и Вторая мировые войны, а вернее сказать, Тридцатилетняя война (1914–1945) XX в. [2] показала все возможные формы жестокости, на которые способен человек по отношению к себе подобным. И крик изображенного на картине Мунка – это последний крик человека, для которого ответ на третий вопрос И. Канта «На что я могу надеяться?»

лишился смысла, а значит, ответ на четвертый, самый главный вопрос философии «Что такое человек?» никогда не будет найден.

Мясорубка Первой мировой войны, бессмысленная по своей сути, стала порталом, через который иррационализм вошел в жизнь наиболее просвещенной части человечества. Порыв жизни А. Бергсона, сверхчеловек Ф. Ницше, либидо З. Фрейда, декадентский упадок переродившейся в цивилизацию культуры Запада О. Шпенглера, активистская философия Дж. Джентиле, сожаления об утраченной Франции Ш. Морасса, наконец, работы представителей Консервативной революции (Э. Никиш, Х. Фрайера, Э. Юнгера и Ф. Юнгера, А. Мёллера ван ден Брука и ряда других мыслителей) преопределили господство иррационализма в философской и социально-философской мысли.

Но последний удар по рационализму был нанесен отнюдь не ими, а опытом Второй мировой войны, ставшей первой в истории человечества войной, имевшей не только тотальный (театры военных действия развернулись в Европе, Ближнем Востоке, Атлантическом и Тихом океанах, Азиатско-Тихоокеанском регионе), но и крайне рационалистический характер: использование механизированных танковых корпусов, железных самолетов, огромных линкоров, авианосцев и подводных лодок. В сражениях участвовали миллионные армии, а от бомбежек и террора, развернутого сторонами на оккупированных территориях, гибли миллионы людей. Использовались концлагеря для военнопленных и гражданских и, наконец, холокост евреев, в котором было уничтожено практически все восточноевропейское еврейство. Нельзя забывать и о перестройке общества на военный лад, что было характерно не только для СССР и Германии, но и для Великобритании, Японии и США. В предельном случае это превращало человека в винтик рациональных по своей сути военных машин, в столкновении которых эти винтики ломались, дробились и умирали. В таких условиях человеческая жизнь, а тем более человеческое достоинство, стоили немного, поскольку отдельный человек, с точки зрения рациональных военных машин, не представлял какой-либо ценности.

Вторая мировая война стала именно тем водоразделом, который разделил человеческую историю на «До» и «После» господства рационализма. Именно Вторая мировая война как вершина рационалистической философии лишила категорию «прогресса» ее положительных коннотаций. В этой связи то, на чем зиждилась философия Нового времени (а именно представлении о прогрессе человеческого разума, абсолютного духа, общества) оказалось разрушенным и выкинутым на «свалку истории». Ведь именно под речитатив о прогрессе и рационализме миллионы евреев шли в концентрационные лагеря и газовые камеры, которые сами по себе были воплощением технического рационализма [3]. Даже в апреле 1945 г. в условиях проигранной войны нацисты продолжали уничтожать евреев, и фактическая иррациональность их действий скрывалась под личиной абсолютной рациональности [4].

Тридцатилетняя война XX в. дискредитировала рационализм эпохи модерна, сделав его основой страданий миллионов людей. Пренебрежение чувствами и переживаниями конкретных людей, превращение их в атомизированную молчаливую массу, эмоциями которой управляет один человек, превращение этой массы в инструмент рационализации общества в духе «высокого модернизма», как представил его в своей книге социальный теоретик Джеймс К. Скотт [5], положило конец вере западного общества в прогресс. Окончательную же точку поставили проекты модернизации новых государств, которые были сформированы в рамках по-

литики деколонизации 1950–60-х гг. Оказалось, что проект Просвещения, строящийся на понятиях рационализма и прогресса (как общественного, так и прогресса человеческого разума), не только оказался провальным, но чреват превращением человеческого существа не более чем в прах, который выгребали из печей Освенцима, дабы они не засорились [6].

В 1979 г. выходит работа французского философа Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» [7], в которой был провозглашен переход от «больших нарративов», или метанарративов проекта Просвещения, к постмодернизму, предполагающему отказ от представления об истине как категории характеризующей прогресс науки, критику самой науки, как воплощения тоталитаризма (наука множественна, как множественна истина, и стоит на службе у капитала и государства) и равенства конкурирующих друг с другом малых нарративов.

Для науки это означало утрату всяческих ориентиров. Ведь если ранее ее стремление к познанию истины было очевидным, а господствующим методом проверки научности был метод верификации, который базировался на сопоставлении результатов научного исследования с эмпирическими фактами [8], то в условиях господства постмодернизма оказалось, что этот метод уже не работает. Необходим был новый метод, который и был предложен К. Поппером, – метод фаллибилизма. В его основе лежало не стремление сопоставить теоретические данные с эмпирическими и на этой основе делать заключение о научности того или иного положения, а предположение, что стремление к абсолютной истине лежит через последовательную фальсификацию научных положений. Иными словами, если в основе научной теории лежит возможность ее опровержения (пусть даже возможного лишь в будущем), то такая теория должна рассматриваться как научная [9].

В приложении к социальной теории эпистемология Поппера означала отказ от каких бы то ни было утопий и стремления их практического воплощения. Идеалом Поппер считал политическую самостоятельность людей, обладающих статусом гражданина, поскольку именно граждане обладают возможностью критиковать правительство и элиминировать политические программы, которые их чем-то не устраивают (как ученые элиминируют фальсифицированные научные теории). Такое общество Поппер назвал открытым [10]. В настоящее время термин открытое общество практически превратился в субститут термина либерально-демократическое общество и западные государства. Для самого Поппера вряд ли возможность подобной подмены была очевидна. Но как бы то ни было, в настоящее время это так [11].

Проникновение постмодернизма и установление господства антисциентизма в философии вообще и социальной философии в частности привело к фрагментации философии, которая более практически никем не рассматривается как метанаука, лежащая в основе всех (как гуманитарных, так и естественных) наук, но как некое учение о достойной жизни (от Античности до Нового времени такое представление о философии было характерно лишь для этики, но никак не для философии вообще). Такая же фрагментация постигла и социальную философию, что ввергло ее в жесточайший кризис. Один из ведущих отечественных социальных философов К. Х. Момджян в статье еще 2012 г. обозначил причины наступления этого кризиса. С его точки зрения в основе кризиса современной социальной философии лежат – антисциентизм, постмодернизм, «химера <...> антропологизма» и ренессанс прагматизма, «который пытается превратить социальную философию в то, что американцы

называют *usefull knowledge*» [12, с. 61]. Все это ведет к появлению господства дефляционной теории истины, когда истина понимается как нечто избыточное в рамках осуществления языковых игр. В этих условиях, «истинность некоего предложения – это его утверждение, а ложность – его простое отрицание» [13, с. 60]. Безусловно, при подобном отношении к истине она теряет свое содержание как «образ проекции» предмета, на который направлен взгляд исследования. Как следствие истина не просто делается излишней, но просто умирает. На замену ей приходит интерпретация.

В подобных условиях сетования К. Х. Момджяна на фрагментацию социальной философии, в чем он винит фактически победу когерентной и прагматической теории истины над классической теорией, можно рассматривать как последнюю попытку вернуть социальной философии статус научности, т. е. сделать ее пусть не наукой, поскольку как было заявлено выше философия – это метанаука, но методологическим основанием всех социальных наук. Однако представляется, что данная попытка будет неизбежно провальной, поскольку интерпретация уже заняла то место, которое занимала истина. Это значительно расширяет предметную область социальной философии вплоть до исследований леса [14] и защиты животных [15], т. е. нечеловеческих объектов. Причем, что касается последних, то вопрос стоит уже не в части изучения социальных форм взаимодействия общественных животных (обезьян, пчел, термитов и т. д.), но просто животных, которых необходимо защищать уже от человека, причем под эту борьбу подводится серьезная методологическая база акторно-сетевой теории [16], объектно-ориентированной онтологии [17], теории ассамбляжей [18].

Таким образом очевидно, что постмодернизм практически разрушил социальную философию как науку о предельных основаниях совместного бытия людей (то есть социальности) вне зависимости от того, объясняли ли социально-философские теории социальность с точки зрения валюативных или рефлексивных оснований [19]. Представляется, что логическим концом постмодернистского понимания социальности стала позиция ныне широко известного израильского социального теоретика Ю. Харари, который в книге «*Homo Deus. Краткая история будущего*» [20] выразил позицию крайнего индивидуализма, заявив об антисоциальности человека будущего, а также необходимости подготовки себя уже сейчас к перерождению в *Homo Deus* посредством индивидуалистических практик (например, йоги, медитирования и т. д.).

Эпоха постмодерна практически умертвила социальную философию в ее модернистской версии как метанауки о закономерностях развития общества и человека как социального существа. Рассмотрение человека как вершины эволюции, причем как биологической, так и социальной и культурной, уступило место, как уже было показано, методологическому подходу, в котором человек был лишь одним из многих объектов исследования (как одушевленных, так и неодушевленных).

Однако многие философы утверждают, что постмодернизм в настоящее время скорее мертв, чем жив. На смену ему идет эпоха метамодернизма [21], которая представляется диалектическим единством положений модернизма и постмодернизма. Чем же это обернется для социальной философии? Этот вопрос достаточно важен, но описать ее будущее не представляется возможным. В данном случае возможно лишь представление тенденций, путь к которым прокладывает эпоха метамодернизма:

1. Гуманизация социальной философии. В данном случае под гуманизацией понимается обращение к человеку как основному субъекту социальности, а именно как ее активному творцу и пользователю. Это означает необходимость формирования новых теорий социальности, которые, несмотря на отношение к человеку как приоритету (знаменитое кантовское отношение к человеку исключительно как к цели, но не средству), сохраняет интерес к окружающему миру (животные, неодушевленные предметы), взаимодействие с которым делает человека человеком.

2. Появление новых технологий, в том числе человекоподобных. В данном случае речь идет о технологиях искусственного интеллекта и роботах. Уже сегодня искусственный интеллект поражает воображение (вспомнить хотя бы как искусственный интеллект обыграл чемпиона мира по го – игре, которая, как казалось, неподвластна искусственному интеллекту). Каким он станет завтра не знает никто. Жизнь неживых форм, к которым относятся искусственный интеллект и роботы, их превращение в элементы социальности, а возможно, и грубое вторжение в социальность должно быть осмыслено. Например, вопрос, возможно ли воспитание человека роботом или искусственным интеллектом, притом, что он будет заботиться, играть, кормить и делать все то же, что делает мать для ребенка. Примеры воспитания ребенка животными показывают, что воспитанный таким образом ребенок никогда не станет человеком. Станет ли человеком ребенок, воспитанный роботами, и какую форму социальности он приобретет?

3. Переосмысление самой категории социального. Постмодерн полностью разрушил социальное в том смысле, как его понимали в эпоху модерна, где социальное по преимуществу носило субстанциальный характер, что позволяло говорить о холизме социального. В период постмодерна социальное редуцировалось до того, в отношении чего справедливой является фраза из статьи Ю. Эльстера «*Marxisme et individualisme méthodologique*», в которой он утверждает, «что любое социальное явление, – будь то процесс, структура, институт, хабитус, – может быть объяснен действиями и свойствами индивидов, которые в нем участвуют» [22, с. 65], что фактически является наукообразным переложением слов британского политика М. Тэтчер, согласно которым не существует такого феномена как общество, а существуют только мужчины и женщины, взаимодействующие друг с другом. Другой современный социолог Д. Урри в книге «Социология за пределами обществ» указал на необходимость разработки новой социологии, в центре которой должно стоять не понятие общества, а понятия сетей, мобильности и горизонтальных движений [23]. Наконец, французский социолог А. Турен [24] призвал отказаться от понятия общества как тоталитарного понятия и сконцентрироваться на изучении социальных отношений и социальных изменений. В новой эпохе, в которой вероятно появятся мыслящие машины, которые будут существовать наряду с человеческими существами, вопрос о категории социального встанет в полный рост. Ранее приведены примеры точек зрения современных социологов, согласно которым социология должна избавиться от проблем, связанных с изучением понятий «общество» и «социальное». Но если эти понятия не интересны социальной теории, то для социальной философии они выступают в качестве фундаментальных, отказ от изучения которых фактически делает невозможным для той же социальной теории понять содержание, структуру и функции социальных отношений, за изучение которых она в лице ряда современных социологов так ратует.

4. Изучение социальных эмоций человека, которые так или иначе влияют на развитие общества. В настоящее время количество таких работ крайне ограничено. Из наиболее известных и новаторских можно назвать «Страх» К. Робина [25], «Зависть» Г. Щёка [26], а также ряд работ П. Сорокина, в которых он исследует альтруизм как базовую социальную эмоцию, развитие которой необходимо для реконструкции социального на новых основаниях.

В настоящее время не уделяется должного внимания изучению социальных эмоций, того как они формируются, что влияет на их генезис (в положительную либо отрицательную стороны), наконец, как они влияют на социум. Необходимость понимания генезиса и развития социальных эмоций тем более важна в рамках упомянутого развития технологий искусственного интеллекта и робототехники. Кроме того, именно исследование темы социальных эмоций сможет стать той первичной базой, которая объединит валюативный и рефлексивный подход к социальной философии. В то время как внимание первого будет направлено на изучение ценностных оснований пребывания человека в обществе (и соответственно оснований социальных эмоций человека), второй будет направлен на изучение объективных условий (собственность, власть, государство, неравенство) формирования социальных эмоций человека и их обратного влияния на трансформацию объективных условий существования человека как социального существа.

Подводя итог всем приведенным аргументам, нельзя не солидаризоваться с мнением американского социолога И. Валлерстайна [27], согласно которому меняющийся социум требует новой общественной науки, которая будет свободна от давления социальных доктрин, разработанных как в период модерна, так и постмодерна, поскольку они не могут объяснить влияние современных технологических и социальных трансформаций. Новая общественная наука будет на это способна. Однако каким образом это будет сделано пока остается неразрешимым вопросом, поскольку переход от постмодерна к метамодерну только начался.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рябов П. В. Экзистенциализм. Период становления. М.: РИПОЛ классик, 2019.
2. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / пер. с нем.: А. Антоновский и др. М.: Логос, 2003.
3. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ.; под ред. Ю. Кузнецова. М.: Социум, 2020.
4. Бауман З. Актуальность холокоста / пер. с англ. С. Кастальского, М. Рудакова. М.: Европа, 2010.
5. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005.
6. Хоркхаймер М, Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
7. Lyotard J.-F. *la condition postmoderne*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1997.
8. Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001.
9. Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук / пер. с англ. Д. Г. Лахути. М.: Едиториал УРСС, 2008.
10. Поппер К. Нищета историцизма / пер. с англ. С. А. Кудриной. М.: Прогресс, 1993.
11. Павлов А. В. Либерализм и открытое общество // Социум и власть. 2011. № 4. С. 13–19.

12. Момджян К. Х. Кризис фрагментации в современной социальной философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2012. № 1. С. 61–71.
13. Муха О. Я. Критерии истинности и научности постмодернистского знания // Вестн. ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2012. № 39 (1). С. 58–66.
14. Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии / пер. с нем. Н. Штильмарк. М.: Изд-во ВШЭ, 2018.
15. Пинкер С. Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше / пер. с англ. Г. Бородиной, С. Кузнецовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
16. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ.; под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Изд-во ВШЭ, 2014.
17. Harman G. *Towards Speculative Realism: Essays and Lectures*, Winchester: Zero Books, 2010.
18. Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К. С. Майоровой. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
19. Аршин К. В. Проблема статуса и предмета социальной философии: актуальные вопросы // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 140–151.
20. Харари Ю. Н. *Homo Deus*. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбат, 2022.
21. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело: Изд-во РАНХиГС, 2019.
22. Elster J. *Marxisme et individualisme méthodologique // Sur l'individualisme. Théories et méthodes*. Birnbaum P., Leca J. (eds.), Paris: Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 1986. P. 60–76.
23. Urry, J. (2000), *Sociology beyond Societies. Mobilities for the twentyfirst century*. London: Routledge.
24. Touraine A. *La sociologie est-elle encore l'étude de la société? // Les scientifiques parlent...* Jacquard A. Paris: Hachette, 1987. P. 189–234.
25. Робин К. Страх. История политической идеи / пер. с нем. А. Гергиева, М. Рудакова. М.: Территория будущего: Прогресс-Традиция, 2007.
26. Шёк Г. Зависть. Теория социального поведения / пер. с англ. В. Кошкина. М.: ИРИСЭН, 2008.
27. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2004.

Информация об авторе.

Аршин Константин Валерьевич – кандидат философских наук (2010), докторант Института философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия. Автор 74 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, национализм, миграционные исследования, мир-системный анализ, неомарксизм.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.04.2024; принята после рецензирования 06.05.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.*

REFERENCES

1. Ryabov, P.V. (2019), *Ehkzistentsializm. Period stanovleniya* [Existentialism. Formative period], RIPOL klassik, Moscow, RUS.
2. Nolte, E. (2003), *Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus*, Transl. by Antonovskii, A. et al., Logos, Moscow, RUS.
3. Nisbet, R. (2020), *History of the Idea of Progress*, Transl. by Kuznetsov, Yu. (ed.), Sotsium, Moscow, RUS.

4. Bauman, Z. (2010), *Modernity and the Holocaust*, Transl. by Kastal'skii, S. and Rudakov, Evropa, Moscow, RUS.
5. Scott, J. (2005), *Seeing Like a State*, Transl. by Gusinskii, E.N. and Turchaninova, Yu.I., Universitetskaya kniga, Moscow, RUS.
6. Horkheimer, M. and Adorno, T.W. (1997), *Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente*, Transl. by Kuznetsov, Medium, Yuventa, Moscow, SPb., RUS.
7. Lyotard, J.-F. (1997), *la condition postmoderne*, Les Éditions de Minuit, Paris, FRA.
8. Apel, K.-O. (2001), *Transformation der Philosophie*, Transl. by Kurennoi, V. and Skuratov, B., Logos, Moscow, RUS.
9. Popper, K.R. (2008), *Evolutionary epistemology*, Transl. by Lachuti, D.G., Editorial URSS, Moscow, RUS.
10. Popper, K.R. (1993), *The Poverty of Historicism*, Transl. by Kudrina, S.A., Progress, Moscow, RUS.
11. Pavlov, A.V. (2011), "Liberalism and the open society", *Society and power*, no. 4, pp. 13–19.
12. Momdzhyan, K.Kh. (2012), "The crisis of fragmentation in modern social philosophy", *Moscow Univ. Bulletin. Series 7. Philosophy*, no. 1, pp. 61–71.
13. Mucha, O.Ya. (2012), "Criteria of truthfulness and the scientific quality in post-modern knowledge", *St. Tikhon's Univ. Review. Ser. I: Theology. Philosophy*, no. 39 (1), pp. 58–66.
14. Küster, H. (2018), *Geschichte des Waldes. Von der Urzeit bis zur Gegenwart*, Transl. by Shtil'mark, N., Izd-vo VShE, Moscow, RUS.
15. Pinker, S. (2021), *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*, Transl. by Borodina, G. and Kuznetsova, S., Alpina non-fiction, Moscow, RUS.
16. Latour, B. (2014), *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, Transl. by Gavrilenko, C., Izd-vo VShE, Moscow, RUS.
17. Harman, G. (2010), *Towards Speculative Realism: Essays and Lectures*, Zero Books, Winchester, UK.
18. DeLanda, M. (2018), *A new philosophy of society: The theory of assemblages and social complexity*, Transl. by Maiorova, K.S., Gile Press, Perm, RUS.
19. Arshin, K.V. (2020), "The problem of status and subject of social philosophy: current issues", *Izvestiya Tula State Univ. Humanitarian sciences*, no. 4, pp. 140–151.
20. Harari, Yu.N. (2022), *Homo Deus. A Brief History of Tomorrow*, Transl. by Andreev, A., Sindbat, Moscow, RUS.
21. Pavlov, A.V. (2019), *Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob'yasnyayut nashe vremya* [Post-Postmodernism: How social and cultural theories explain our time], Delo; Izd-vo RANKhiGS, Moscow, RUS.
22. Elster, J. (1986), "Marxisme et individualisme méthodologique", *Sur l'individualisme. Théories et méthode*, Birnbaum, P. and Leca, J. (eds.), Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, Paris, FRA, pp. 60–76.
23. Urry, J. (2000), *Sociology beyond Societies. Mobilities for the twentyfirst century*, Routledge, London, UK.
24. Touraine, A. (1987), "La sociologie est-elle encore l'étude de la société?", *Les scientifiques parlent...* Jacquard, A., Hachette, Paris, FRA, pp. 189–234.
25. Corey, R. (2007), *Fear the history of a political idea*, Transl. by Gergieva, A. and Rudakov, M., Territoriya budushchego: Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.
26. Schoeck, H. (2008), *Envy. A Theory of Social Behaviour*, Transl. by Koshkin, V., IRISEN, Moscow, RUS.
27. Wallerstein, I. (2004), *The end of the world as we know it. Social Science for the Twenty-First Century*, Transl. by Inozemtsev, V.L., Logos, Moscow, RUS.

Information about the author.

Konstantin V. Arshin – Can. Sci. (Philosophy, 2010), Doctoral Candidate, RAS Institute of Philosophy, 12 bldg. 1 Goncharnaya str., Moscow 109240, Russia. The author of 74 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, nationalism, migration studies, world-systems analysis, neo-marxism.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 18.04.2024; adopted after review 06.05.2024; published online 20.11.2024.*

Оригинальная статья
УДК 17:304.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-15-30>

Концепт когнитивного пространства в контексте когнитивной секьюритологии

Ольга Васильевна Плебанек

*Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия,
plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>*

Введение. В статье обсуждаются концептуальные основы новой области знания – когнитивной секьюритологии. Актуальность исследования связана с тем, что основными средствами когнитивных войн являются современные цифровые технологии, при этом объектом воздействия технических систем являются ментальные системы, поэтому возникает необходимость совмещения технического понятийного аппарата и гуманитарного. Целью статьи является уточнение понятия «когнитивное пространство» и разграничение понятий информационного и когнитивного пространств.

Методология и источники. Одним из базовых понятий когнитивной безопасности является понятие когнитивного пространства, которое уже разрабатывалось в лингвистике, но в связи с междисциплинарным характером когнитивной секьюритологии нуждается в уточнении. Помещение в поле лингвистического анализа категории когнитивного пространства сужает его содержание и не дает возможности определить его смысловые границы. Новизна анализа категории «когнитивное пространство» заключается в том, что в основу концептуального анализа категории когнитивного пространства положена концепция самоорганизующихся систем и структурно-функциональный подход. Концепция автопоэзиса предполагает, что все элементы и структуры системы, в том числе и когнитивные, возникают в целях обеспечения самосохранения, а структурно-функциональный подход позволяет определить содержание и функции объекта.

Результаты и обсуждение. Информационное и когнитивное пространства представляют собой пересекающиеся, но не совпадающие поля, различающиеся по своим доменам, но имеющие одну общую задачу – обеспечение устойчивости социальной системы.

Заключение. Современная эпоха характеризуется глобальным противостоянием цивилизационных систем и переходом противоборства в фазу прокси-войн, в которых основная роль отводится когнитивно-психологическому воздействию. Когнитивно-психологическое воздействие на противника не только осуществляется на превентивном и преемтивном этапе противоборства, но зачастую заменяет и другие формы войны. Когнитивно-психологическое воздействие становится возможным и осуществляется посредством разрушения когнитивного пространства, где функционируют специфические для общественной системы смыслы и идеалы, формирующие цели и модели деятельности.

Ключевые слова: социальная философия, информационное пространство, когнитивное пространство, информация, смыслы, культуротип, когниции

Для цитирования: Плебанек О. В. Концепт когнитивного пространства в контексте когнитивной секьюритологии // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 15–30. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-15-30.

© Плебанек О. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Concept of Cognitive Space in the Context of Cognitive Securitology

Olga V. Plebanek

*University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia,
plebanek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0184-7188>*

Introduction. The article discusses the conceptual foundations of a new field of knowledge – cognitive securitology. The relevance of the study is due to the fact that the main means of cognitive warfare are modern digital technologies, while the object of influence of technical systems is mental systems, therefore there is a need to combine technical and humanitarian conceptual apparatus. The purpose of the article is to clarify the concept of “cognitive space” and distinguish between the concepts of information and cognitive spaces.

Methodology and sources. One of the basic concepts of cognitive security is the concept of cognitive space, which has already been developed in linguistics, but due to the interdisciplinary nature of cognitive securitology needs to be clarified. Placing the category of cognitive space in the field of linguistic analysis narrows its content and does not make it possible to determine its semantic boundaries. The novelty of the analysis of the category “cognitive space” lies in the fact that the conceptual analysis of the category of cognitive space is based on the concept of self-organizing systems and the structural-functional approach. The concept of autopoiesis assumes that all elements and structures of the system, including cognitive ones, arise in order to ensure self-preservation, and the structural-functional approach allows us to determine the content and functions of the object.

Results and discussion. Information space and cognitive space are intersecting but not coinciding fields, differing in their domains, but having one common task – ensuring the stability of the social system.

Conclusion. The modern era is characterized by a global confrontation between civilizational systems and the transition of the confrontation into the phase of proxy wars, in which the main role is given to cognitive-psychological influence. Cognitive-psychological influence on the enemy is not only carried out at the preventive and preemptive stages of confrontation, but also often replaces other forms of war. Cognitive-psychological influence becomes possible and is carried out through the destruction of the cognitive space in which meanings and ideals that are specific to the social system function, which form goals and models of activity.

Keywords: social philosophy, information space, cognitive space, information, meanings, cultural type, cognitions

For citation: Plebanek, O.V. (2024), “The Concept of Cognitive Space in the Context of Cognitive Securitology”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 15–30. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-15-30 (Russia).

Современные технологии помимо повышения благосостояния человечества принесли миру и новые риски и угрозы в виде гибридных войн, прокси-войн и информационно-когнитивных войн (cognitive warfare). Все эти виды противостояний основаны на комплексных технологиях, включающих как арсенал естественно-научного и технического, так и социально-гуманитарного знания. Из-за того, что принципиальной особенностью научного знания являются дисциплинарные границы, существует проблема совмещения понятийного и теоретического аппарата наук различной природы. Одной из таких точек, в которых сочленяются естественные, точные и гуманитарные науки, является категория информацион-

ного/когнитивного пространства. Часто представители различных отраслей науки идентифицируют эти понятия как синонимы, но также часто не видят смысла в одном из них, полагая либо одно, либо другое достаточным инструментарием для развития теории. Обе позиции являются ошибочными, и мы попытаемся, с одной стороны, наметить линию разграничения этих понятий, с другой стороны, обозначить точку, в которой соединяются предметные области различных научных дисциплин. Находить эти сопряжения логично в наддисциплинарном масштабе с прояснения сущности познавательной деятельности вообще.

Логика развития познавательной деятельности вообще и конституирования научного познания в частности находится в непосредственной связи с необходимостью обеспечения жизнеспособности популяции – необходимостью обеспечения безопасности и конкурентоспособности конкретного социума. Так становление самого научного знания, которое возникло только как естествознание, стало следствием необходимости обеспечить естественные физические потребности человека – увеличить производство продуктов питания, а также его физическую защиту посредством технических усовершенствований. Корреляцию развития познавательной деятельности и повышения жизнеспособности популяции хорошо иллюстрирует увеличение средней продолжительности жизни. Современная антропология дает средний возраст палеолитических людей, вычисленный по анализу остеологических находок, в пределах 20–23 лет [1]; с переходом к производящей технологии (земледелие) этот показатель растет и достигает примерно 30 лет в античности и средневековье; в промышленную эпоху он достигает 40 лет. Преодоление рубежа, когда главный антропоцидный фактор из природной среды переместился в социальную, стало тем триггером, который вызвал конституирование группы социальных наук. И именно рост технического могущества человека поставил проблему: необходимо защитить человечество от антропоцидных идеологий (и техники на службе деструктивных идеологий) и от идеологически и психически девиантных индивидуумов, которые могут использовать и используют резко возросшую мощь технических средств во вред социальной системе. Так возникла психология (наука в первую очередь о поведении, а уж потом когнитивная психология – наука о мышлении) и науки о продуктах человеческого мышления и их функциях в человеческой среде – гуманитарные науки. При всех отличиях в предмете и методе между естественными и гуманитарными науками единство их связано с единством задач познавательной деятельности, возникшей у живых организмов как механизм адаптации и преодоления рисков.

Итак, чтобы разобраться с содержанием интересующих нас понятий, принадлежащих к разным областям научного знания – информационное пространство (техническое знание) и когнитивное пространство (гуманитарное знание) – необходимо начинать с вопроса о функции, выполняемой познавательной деятельностью в существовании живых систем. Понятие системы (а не организма) здесь возникло не случайно. Эволюционная биология не завершила дискуссии о механизмах эволюции, но позиция современной науки заключается в том, что существуют механизмы как геноцентричного отбора¹, так и эпигенетические механизмы [4]. И самый известный популяризатор идеи геноцентризма в своей другой, не менее известной

¹ Книга Р. Докинза (1976) «Эгоистичный ген» (The Selfish Gene) [2] сделала широко известной геноцентричную концепцию эволюции. Идею геноцентричной эволюции, позволяющей объяснить с позиций биологии такие явления социальной жизни, как альтруизм, nepoтизм и др., начал разрабатывать еще в 30-е гг. XX в. Роналд Фишер (Fisher R. A. The Genetical Theory of Natural Selection. 1930 [3]). Но Докинз является талантливейшим популяризатором науки.

книге «Расширенный фенотип» [5] далее показал, что эволюционное влияние гена выходит за пределы организма, заставляя организмы формировать экониши, создавая адаптивную среду. Это означает, что адаптивные средства живого выходят далеко за пределы организма, включая группу индивидуумов и даже саму среду, с которой взаимодействуют.

Основной закон существования живого – обеспечение безопасности организма, транслирующего свой генотип последующим поколениям. Критерием эволюционной успешности той или иной формы живого является способность вида к численному увеличению, занятию всех возможных экологических ниш и длительность существования во времени [6]. По мере усложнения биоты усложняются и средства обеспечения безопасности, эволюционируя от организмических средств – покровы, способность к движению и т. д., к использованию внеорганизмических средств защиты – способности прогнозирования, созданию искусственных объектов и построению эффективных коллективных стратегий выживания. Человеческие популяции подчиняются тем же законам существования, что и все популяции живых существ: эволюционно успешные формы организации человеческих сообществ стремятся к численному увеличению, распространению на все пригодные для жизни и эксплуатации территории и максимальной трансляции своей жизненной модели во времени.

Обыватель полагает (независимо от того, того стоит ли он твердо на позициях эволюционизма или считает, что вначале было Слово), что функцией когнитивных систем является получение информации об окружающем мире, а информация является отражением метафизических свойств мира, и поэтому то и другое имеют объективный и константный характер. Именно такое представление о когнитивных системах создает основание для смешения и отождествления информационного и когнитивного пространства. Однако уже само содержание понятий информации и когниции не позволяет их отождествлять. В самом общем виде, под информацией понимаются «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [7]. С возникновением информационной технологии потребовалось развести понятия *данные* и *информация*, хотя в неспециализированном дискурсе эти понятия могут употребляться как синонимы. Под данными стала пониматься информация в формализованном виде, с одной стороны, с другой стороны, информация – это интерпретация данных, которые представляют собой сведения о состоянии объекта, значениях его состояния.

Что касается словосочетания *информационное пространство*, то его содержание зависит от дисциплинарного поля дискурса. В информатике под информационным пространством понимаются определенные локусы сетей, где субъект получает (ищет) информацию – сайты, база своего компьютера, интернет-пространство, т. е., единство материальных и технологических средств. Технологическому подходу противостоит гуманитарный: в организационном смысле под информационным пространством понимается мир семантической деятельности человека, сопряженный с онтологическим миром, но противопоставленный физическому, объектному пространству; система кодифицирования и распространения знаний в социуме [8]. В этом аспекте и возможно сочленение двух понятий *информационное пространство* и *когнитивное пространство*.

Знания – это данные, наделенные смыслом. Смысл появляется в процессе когниции. Под когницией понимается процесс преобразования сенсорной (невербальной, вербальной и в иной форме) информации в знание. В свою очередь знание – это понимание полученной информации

об объекте, т. е. отражение информации в сознании человека. Когнитивный процесс представляет собой совокупность ментальных процессов различного уровня, посредством которых *осуществляется обработка и трансформация информации в знание*. Особенностью знания, в отличие от информации, является наличие в нем не только объективной составляющей (данных), но и субъективной – целей субъекта познавательной деятельности и его отношения к объекту. Причем часть когнитивных процессов является необходимым свойством всего живого², но некоторые уровни когниций являются атрибутивным свойством только вида, обладающего сознанием и разумом. Высшие формы когнитивных процессов заключаются в порождении не информации (данных о реальном мире), а смыслов – отношения к объектам реального мира, идей, концептов, идеалов, целей и т. д. Когнитивные процессы включают информационные процессы, под которыми понимаются *«процессы получения, создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и использования информации»* [10], тогда как когнитивные процессы в своих высших формах создают смыслы – мотивы и цели деятельности.

В соответствии с этой концепцией, эффективность наших действий, нашей деятельности находится в зависимости от способности означивать объекты и процессы и существовать в этой искусственной, знаково-символической среде. Существование знаково-символических систем позволяет нам согласовывать свои действия, обеспечивает социальные взаимодействия, и в первую очередь именно знаки и символы побуждают нас действовать и действовать особым образом, а не сами вещи, естественное содержание которых может совсем не совпадать с тем содержанием, которое придает им действующий субъект. Например, некоторые волокна, естественный смысл которых заключается в распространении прикрепленного к нему семени (хлопок), будучи сплетенными, окрашенными и привязанными к куску дерева, собирают большое количество людей вместе (знамя), толкают их на агрессивные действия по отношению к другим людям (война), тем самым позволяя уже их семени (этим людям, объединившихся под окрашенными особым образом волокнами) распространяться на другие территории (эволюционная эффективность моделей поведения).

Человек отличается от других видов живых существ тем, что его видовая стратегия выживания является:

а) артификационной (или техногенной) – защита от рискогенных природных и социальных агентов осуществляется посредством искусственных средств защиты, создание и использование которых требует искусственных же средств взаимодействия;

б) консолидированной – в силу самого длительного периода созревания взрослой особи, связанного с необходимостью формирования когнитивного аппарата, которое происходит постнатально и в конкретной знаково-символической среде, осуществление защиты всегда является делом коллектива;

в) коммуникационной – в соответствии первыми двумя факторами безопасность индивида находится в зависимости от совершенства коммуникативных средств;

² Чилийские нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела [9] выдвинули концепцию, согласно которой когнитивное явление представляет собой результат действия живого (любого) существа, и этот процесс (порождения когнитивных явлений) является «причиной возникновения живых существ, подобных нам, способных порождать описания и размышлять над ними, что является реализацией их эффективной деятельности как живых существ в области их существования». С тех пор эта концепция получила название концепции автопоззиса и вошла как парадигмальное основание во все отрасли современного знания. Порождение новых когнитивных средств и есть процесс самоорганизации. Концепт когнитивного пространства в контексте когнитивной секьюритологии

г) знаково-символической – все предшествующие специфические для вида *Homo Sapiens* особенности обеспечения безопасности могут осуществляться только в знаково-символической среде, посредством которой формируются цели долгосрочной и краткосрочной деятельности, регулируются взаимодействия и проектируются технические объекты.

Вследствие того, что именно знаково-символические средства обеспечивают эффективность функционирования всей системы безопасности, на поздних стадиях развития техногенной среды решающее значение имеют когнитивные механизмы безопасности. Это не только способность человека создавать технические средства защиты/нападения. Главным образом это способность человека к саморефлексии (как отдельных представителей популяции, так и социальных групп, наделенных ответственностью за безопасность популяции), способность создавать дальнесрочные стратегии деятельности, способность создавать общие цели и консолидирующие идеалы и ценности, позволяющие объединить большие группы людей, что само по себе увеличивает защищенность популяции и способствует трансляции генотипа и культуротипа в пространстве и во времени.

Общественная система, создающая наиболее эффективные хозяйственные технологии (от присваивающих типов хозяйства до шестого технологического уклада³), обеспечивает себе лучшее удовлетворение физических и социальных нужд и уже поэтому является более конкурентоспособной. Но полную конкурентоспособность и защищенность популяции как в естественной, так и в социальной среде способны обеспечить когнитивно-ментальные механизмы: сплоченность и согласованность деятельности, суггестивно-информационное воздействие, которое всегда играло важную роль в обеспечении выживаемости группы и обеспечивается когнитивными средствами. Однако речь идет и о более масштабных процессах – о формировании в человеческой популяции когнитивных стратегий.

Начало исследований эволюции популяционного мышления было положено в начале XX в. антропологами К. Леви-Строссом [13] и Л. Леви-Брюлем [14], которые исследовали так называемое первобытное мышление, а также К. Г. Юнгом, выявлявшим культурные различия в мышлении [15, 16]. В настоящее время картина становления популяционного мышления дополнилась и имеет серьезную эмпирическую верификацию. В самом общем виде, современная позиция когнитивной науки заключается в следующем:

– мыслительные (когнитивные) стратегии формировались в человеческой популяции в процессе производственной деятельности и обслуживании деятельности [17] (т. е. не появление новых форм мышления способствует появлению новых технологий, а наоборот – изменение деятельности требует изменения мышления);

– рациональное мышление в человеческой популяции формировалось в западном культурном круге, в античной цивилизации в процессе обслуживания ремесленной технологии и формирования рациональных способов принятия решений в условиях полисной демократии, а завершено формирование синистрального модуса мышления⁴ в процессе перехода к промышленной технологии (когда и произошло окончательное отделение науки от философии [18, 19]);

³ Понятие шестого технологического уклада было предложено в работах С. Ю. Глазьева [11], но уже есть попытки прогнозировать седьмой технологический уклад, содержанием которого являются когнитивные технологии [12].

⁴ Левополушарный модус мышления (от лат. *sinistrum* – левый), основной характеристикой которого является абстрактно-логические процедуры взаимодействия с действительностью.

– в незападных культурных системах, где доминирует земледельческий тип хозяйства и соответствующие социальные институты, адекватной мыслительной стратегией является так называемый декстральный⁵, правополушарный модус мышления, поэтому в этих культурных системах закрепился интуитивно-эмоционально-образный способ взаимодействия с действительностью [20]. Но при трансформации культуры и переходе к индустриальной технологии неизбежно в популяции синистральный модус мышления становится доминирующим;

– рациональное мышление возникло в связи с нуждами обслуживания механических объектов и поэтому имеет принципиальные ограничения (как и интуитивно-образное), а появление новых, сложных и сверхсложных объектов деятельности – ИИ и смена характера взаимодействия с действительностью (становление и доминирование новой технологии) потребует соответствующего изменения когнитивной стратегии [21].

Все это означает, что существуют культурные системы, в которых доминирует определенный тип когнитивности, и эта связь обусловлена свойствами естественной и артифицированной среды в которой существует популяция. При этом культурные системы занимают не только реальное географическое пространство, и это пространство определяется не местоположением относительно нулевого меридиана, а социо-культурогенезом. Так называемые «западные» культурные системы (а вместе с ними и пространство доминирующего когнитивного стиля) могут находиться к востоку от условной линии, отделяющей культурный Запад от Востока, и наоборот, – так называемые «восточные» культурные системы (и пространство доминирования соответствующего когнитивного стиля) могут находиться на западе от условной линии противостояния Востока и Запада⁶. Например, один из основателей нейролингвистического программирования, Э. Холл [22], показал, что современные Израиль, Новая Зеландия и Австралия в эмпирических исследованиях демонстрируют западный когнитивный стиль, тогда как Россия, Венгрия и даже Ирландия демонстрируют восточный.

Взаимозависимость характера деятельности и доминирования когнитивного стиля – это только один аспект формирования когнитивных систем. По мере укрупнения общностей встает вопрос регулирования социальных взаимодействий в связи с тем, что естественные средства регуляции – инстинкты и рефлексy, а также обусловленная социобиологическими законами иерархия – уже не отвечают потребностям увеличившейся социальной системы. Современные исследования в лингвистике и в целом когнитивные науки привели к выводу о том, что именно язык как коммуникативное средство детерминировал появление разума и самосознания [23], так как только в языке стал возможен переход от чувственного восприятия внешней реальности к саморефлексии (невозможно анализировать результаты собственных действий и собственное состояние посредством чувственных ощущений и образов, вне понятийного мышления). Поэтому позиция современной науки заключается в том, что границей возникновения сознания и разума является язык, и именно язык ответственен за возникновение разума, тогда как когнитивные процессы в целом присущи всему животному миру [24]. И если когнитивные процессы как общая категория, отражающая восприятие действительности в целом, не обязательно нуж-

⁵ От лат *dextrum* – правый.

⁶ Условная линия, разделяющая Западный мир и Восточный восходит к распаду Римской империи на Западную и Восточную, но реальное разделение когнитивных пространств началось гораздо раньше – с возникновением различий в хозяйственно-технологических системах, определяющих совокупность ментальной среды.

дается в абстрактных понятиях, то разум как частное и особенное проявление когнитивной деятельности существует только в понятийной форме.

Появление разума как результата оязычивания среды означает появление общностей, объединенных общей историей взаимодействий, а поэтому и общей знаково-символической, языковой средой, в которой циркулируют порожденные этой средой понятия. При этом понятия, формируемые в конкретной естественной и социокультурной (хозяйственно-технологической) среде, при переводе с одного языка на другой имеют не совпадающие в полной мере содержания, что хорошо знакомо лингвистам, переводчикам и специалистам по межкультурной коммуникации. Посредством языка мы в своем мышлении создаем действительность, в которой существуем, так как слова – понятия – это не сами вещи, а знаки, которые координируют и детерминируют нашу деятельность, которые принуждают нас к деятельности. И чем эффективнее коммуникация и координация, тем выше степень безопасности и конкурентоспособности популяции в естественной и социальной среде.

Расширенные группы людей, чтобы быть в состоянии реагировать на возникающие угрозы, должны не столько иметь полноту информации об этих угрозах (относительная полнота информации всегда бывает доступна только части группы, принимающей решения), сколько мотив для совместной деятельности. В связи с необходимостью общего понимания наиболее важных констант бытия и согласованного поведения больших групп людей, в которых помимо понятий кодируется информация, формируются понятия, в которых содержатся символы, принуждающие к согласованным совместным действиям: гроб Господень, Родина-Мать, Алая и Белая розы, Белое движение, Серп и Молот, Священный Джихад, Зеленое движение и т. д. Эти понятия имеют совершенно различное информационное содержание для разных общностей: для строителей коммунизма Белое движение – представители и защитники отжившего режима, объективно препятствующие становлению нового справедливого мира, а для представителей Белого движения и социальных систем, основанных на традициях, – это защитники кодекса чести, присяги, люди, ответственные за наследие предков (именно эту роль берут на себя сегодня бывшие «красные»). Понятно, что когнитивное пространство тех и других не совпадает, хотя они и могут находиться в одном физическом пространстве и даже в одной информационной среде.

На стадии функционирования масштабных макрообщностей (цивилизаций) эффективность организационных структур (политико-правовых, производственных, этно-культурных и т. д.) все больше зависит а) от согласованности когнитивных процессов, б) единства в понимании основных ценностей и смыслов, в) от адекватности выработанных абстрактных категорий и символов условиям, в которых существует популяция, и условиям, в которых предстоит обеспечивать жизнеспособность. В зависимости от того, насколько понятийный аппарат эффективен как средство коммуникации и мотивации, расширенный социум может быть самоуправляемым и саморегулируемым, и его жизнеспособность зависит не столько от циркуляции информации – доступность и полнота информации важна только для уровней принятия решений, сколько от единства когнитивных средств – общего понимания тех важных категорий, которые принуждают к согласованным действиям.

Основанием для вывода о том, что основной функцией языка, детерминировавшей его возникновение, является не информационная (накопление и трансляция информации), а

коммуникационная (и сервильная по отношению к ней мотивационная), является и такой эмпирически установленный факт, что «вербальными средствами в процессе коммуникации передается лишь 7 % (!) общей информации. Оставшиеся 93 % приходятся на невербальные средства коммуникации, куда входят просодические компоненты речи (38 % – голосовые интонации) и визуальные (кинестезические) средства, к которым относятся мимика, жесты, движения глаз, позы тела (55 % общей передаваемой информации)» [25]. Вместе с тем с ростом популяции и усложнением социальной системы, возрастает роль Слова именно как мотивирующего и координирующего средства, тогда как информация – сами «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира» [26] – могут быть усвоены, но не иметь того значения для индивидуума, которое они имеют для всей популяции, или усвоены, но иметь различное значение для индивидуума и для всей популяции.

Вариативность технологической культуры и специфика месторазвития⁷ общественных систем находит свое отражение в языке, который, в свою очередь, формирует человеческое мышление. В языке кодируется не безличная, объективная и универсальная информация, а те смыслы, которые важны для обслуживания и эффективного применения конкретной социальной системы в конкретных естественных и социальных (которые тоже являются естественной средой) обстоятельствах. Предельно универсальная, а потому абстрактная информация существует только для реализации специфических задач науки. Это информация, транслируемая в виде формул и абстрактных символов. Но эта коммуникативная система, адекватная для кодирования количественных характеристик реальности (состояния объектов, выражаемых числом), неэффективна для трансляции качественных свойств реальности, которые находятся в зависимости от состояния и потребностей самого субъекта. Сенсорные системы организмов формировались именно в связи с потребностями субъекта, но в связи с подлинными свойствами объектов. Так ощущения горького и сладкого, боли и удовольствия сигнализируют нам не о сущности объекта, а о полезности или опасности объекта для конкретного организма – то, что является невкусным для одного существа может представлять жизненный интерес для другого. Эта специфичность живых систем является фактором, определяющим специфичность когнитивных систем – одна и та же информация может иметь разный смысл для различных субъектов.

Итак, важные положения, на которые следует обратить внимание в поисках разграничения информационного и когнитивного пространств:

– способность получать данные об окружающей действительности – это способность, присущая всему живому и обеспечивающая жизнеспособность живого; обладание информацией как данными, отражающими свойства действительности, детерминирует деятельность и создает необходимые условия для планирования деятельности;

– способность преобразовывать информацию в знания посредством формирования абстрактных понятий, отражающих не свойства объектов, а смыслы – способность, обеспе-

⁷ Понятие «месторазвитие» введено в науку работами евразийцев для обозначения совокупных свойств географического пространства, определяющих качественную сторону существования и развития общества [27]. Термин оказался удачным и вошел в современную науку, так как отражает системный характер формирования человеческой культуры, сознания, мышления.

ченная целым рядом когнитивных процессов, которые формировались в результате самоорганизации живых организмов – возникла в процессе усложнения технологий и вследствие необходимости организовывать большие группы людей; отличие информации (данных) от знаний (смыслов) заключается в отношении к ней (ним) людей;

– отношение людей к объективным сведениям о мире (информации) определяется системным характером среды, в которой существует человек; к элементам этой системы относятся: а) характер и уровень сложности доминирующей технологии, обеспечивающей жизнедеятельность социума, б) достаточность или недостаточность основного ресурса, соответствующего доминирующей технологии, в) пространственные характеристики среды, которые способствуют или препятствуют циркулированию информации, г) степень интегрированности социальной группы в макросоциальные процессы, которая определяет уровень конкурентности в социальной системе, и др. элементы;

– информация отражает объективную составляющую сведений о мире, а когниции отражают субъективную составляющую детерминантов деятельности (начиная с низших уровней – сортировки на полезную и индифферентную информацию простых организмов); информационное пространство соотносится в своем материальном аспекте с технико-технологическим ресурсом – наличием технических средств трансляции (от письма до интернет-сетей), а когнитивное пространство соотносится в материальном аспекте с носителем смыслов – социальной системой.

Понятия информационного и когнитивного пространства, по-видимому, вошли в научный язык не одновременно. Понятие информационного пространства – пространства, в котором создается, перемещается и потребляется информация – стало предметом научного анализа в 90-е гг. XX в., когда встала проблема организации технических систем и совмещения их с субъектом когнитивных процессов. До возникновения технических систем, обеспечивающих циркуляцию информации за пределы лингвистических, культурных и ментальных границ это понятие не имело смысла. Начало исследований информационного пространства было положено в трудах М. Буазо [8] и Г. Ньюби [28], которые сфокусировались на организационно-техническом аспекте. Ньюби позднее и предложил концепцию, в которой сопрягаются, но не сливаются когнитивные и информационные пространства [29]. Он предлагал строить архитектуру информационных систем в соответствии со спецификой когнитивной системы пользователя.

Но в обозначении некоторых пределов, в которых циркулирует информация, еще раньше нуждались лингвисты в связи с трудностями, возникающими в процессе перевода и развитием теории языка, а также специалисты в теории управления и межкультурных коммуникаций.

После Второй мировой войны Э. Холл [30] разрабатывал для Госдепартамента США программы адаптации дипломатов и менеджеров в странах американских интересов. Из этих разработок возникла теория межкультурных коммуникаций, а в дальнейшем теория нейролингвистического программирования. Холл и другие представители Cultural studies⁸ указали на частичную непроницаемость для информационных потоков социо-культурных

⁸ Cultural studies – научное направление в социо-гуманитарных исследованиях, предметом которого являются культурные процессы в современном обществе.

пространств или искажение транслируемой информации в процессе коммуникации. Эти исследования показали, что когнитивные пространства не совпадают ни с информационным, ни с лингвистическим пространствами, так как (ранее уже говорилось) значительная часть информации транслируется невербальным путем, но при этом конструирует или деформирует поступающую информацию. Теория межкультурных коммуникаций и теория нейролингвистического программирования наряду с лингвистикой стали теоретическим источником теории когнитивного пространства. Категория когнитивного пространства была введена в лингвистике А. Дж. Греймасом [31] в 80-е гг. XX в., который указал на две составляющих когнитивного пространства – знания и полагания. Для формирования теории когнитивного пространства значимой стала монография «Когнитивное пространство» П. Певерелли [32]. Певерелли вводит термин «Cognitive Space», рассматривая проблему сотрудничества между Западом и Востоком, которая была поставлена еще в 50-е гг. XX в. Э. Холлом.

В настоящее время в науке утвердилось следующее содержание понятия когнитивного пространства: «когнитивное пространство представляет собой иерархически сложное полиструктурное образование, включающее в себя когнитивные, семантические, семиотические, прагматические, психолингвистические, психофизиологические конститuenty, которые, с одной стороны, обеспечивают его многоуровневую организацию, с другой стороны, служат фильтрами восприятия входящей информации и векторами преломления исходящей информации в процессе коммуникации» [33]. Возникает вопрос: зачем же нужны эти «фильтры» восприятия информации и в процессе чего они возникли? Не естественнее ли было бы предположить, что чем более универсальна транслируемая информация, тем эффективнее она используется? Зачем нужны эти когнитивные барьеры в свободной циркуляции информации?

Частично ответ на эти вопросы уже дан ранее: понятия как смыслы складываются в процессе жизнеобеспечивающей деятельности. Некоторые понятия содержат в себе качественный аспект информации об объектах действительности, значимый только для этой социальной системы, только в контексте конкретной технологии обеспечения жизнеспособности популяции. А некоторые понятия содержат в себе указания на цели совместной деятельности (смыслы-мотиваторы), которые также актуальны только для конкретной социальной системы в конкретных естественных и социальных условиях. Вместе с тем мир социального бытия неоднороден, также как и мир естественных объектов. Физический мир представляет собой совокупность простых и сложных, замкнутых и открытых, стабильных и саморазвивающихся систем. Социальное бытие также состоит из систем разного уровня сложности, имеющих различный вектор социальной динамики, которые состоят друг с другом в конкурентных отношениях. Способность социальной системы решать стоящие перед ней проблемы находится в зависимости от адекватности понятийного аппарата – субстрата когнитивных процессов. Но тогда и, во-первых, жизнеспособность общественной системы находится в прямой зависимости от целостности когнитивного пространства, разрушение которого приводит к снижению эффективности когнитивных процессов. Во-вторых, разрушение когнитивного пространства (и это важнее) снижает эффективность целеполагания – рушатся общие идеалы, стереотипы (которые помогают быстрее и активнее реагировать на угрозы), распадаются консолидирующие смыслы. Социальная система, границы когнитивного пространства которой размыты, не имеет возможности активно и согласованно действовать в ситуации рисков и

угроз. Тогда как социальная система, которая активно раздвигает границы информационного пространства, имеет возможность эффективнее противостоять угрозам.

Таким образом, когнитивное пространство образуется в процессе усложнения социальной системы и создания материальных (техника), идеациональных (знания и технологии) и ментальных (цели, идеалы и мотивы) средств решения возникающих проблем. Когнитивное пространство функционирует на основе принципа рефлексивности – с одной стороны, формирует мышление и через него деятельность и поведение – с другой. Деятельность человека трансформирует среду как материальную, так и ментальную – когнитивную, т. е., когнитивное пространство формирует личность и формы ее деятельности (как когнитивной, так и предметно-практической), и вместе с тем изменение характера деятельности совокупности личностей изменяет и характер когнитивного пространства.

Подводя итог разграничению информационного и когнитивного пространств, определим в самом общем виде их домены. Информационное пространство – это пространство, в котором создается, перемещается и потребляется информация, и его домен – это данные. Когнитивное пространство – это регулятивная система на индивидуальном уровне, это пространство доминирования смыслов, идей, стратегий мышления определенной социокультурной общности; его домен – смыслы. Точкой пересечения двух доменов являются знания, которые представляют собой одновременно и совокупность данных о мире, и полагания, посредством которых мы взаимодействуем с миром, так как сами данные не инициируют это взаимодействия.

Современная эпоха характеризуется также повышенной рискогенностью и летальностью технических и когнитивных средств от деструктивных идеологий до средств нейрорлингвистического программирования, что ставит задачу формирования такого когнитивного пространства, в котором существовали бы единые для человечества смысло-жизненные ценности и единое понимание ценностных категорий. Для решения этой задачи – формирования когнитивного пространства, в котором возможно осуществление коммуникации в общей знаково-символической системе с общим представлением о наиболее важных константах бытия – необходима разработка модели когнитивного пространства. В настоящее время проблема разграничения понятий когнитивного пространства и смежных с ним – картины мира, ментального пространства, информационного пространства и т. д. – уже ставится в научных исследованиях [34], однако пока не существует ни общепринятого определения этого понятия, ни даже предварительной модели когнитивного пространства. Тема когнитивной безопасности поднята в коллективной монографии [35], однако, понятие когнитивного пространства обсуждается пока в контексте лингвистических проблем, а не в контексте теории безопасности.

Вместе с тем, чтобы эффективно осуществлять противодействие когнитивным разрушительным воздействиям на общественную систему, разрабатывать систему психологической защиты, необходимо опираться на понимание структуры когнитивного пространства, знание элементов, из которых оно состоит, и его принципиальные отличия от информационного пространства, которое может перекрывать границы социума, но не выполнять функции согласования позитивной деятельности социальных контрагентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Waldron T. The effects of urbanisation on human health // Diet and crafts in towns. The evidence of animal remains from the Roman to the post-Medieval periods / D. Serjeantson, T. Waldron (eds.). Oxford: British Archaeological Reports, 1989. P. 55–73.
2. Dawkins R. The selfish gene. Oxford: Oxford Univ. Press, 1976.
3. Fisher R. A. The Genetical Theory of Natural Selection. Oxford: At the Clarendon Press, 1930.
4. Сапольски Р. Кто мы такие? Гены, наше тело, общество / пер. с англ. А. Петровой. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
5. Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена / пер. с англ. А. Гопко. М.: Астрель: CORPUS, 2013.
6. Шмальгаузен И.И. Проблемы дарвинизма. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Наука, 1969.
7. Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М.: Ин-т развития информ. общ-ва, 2009.
8. Boisot M. Information Space: A Framework for Learning in Organizations, Institutions and Culture. London: Routledge, 1995.
9. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
10. ГОСТ Р 51583-2014. Защита информации. Порядок создания автоматизированных систем в защищенном исполнении. М.: Росстандарт, 2014.
11. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
12. Василенко В. А. Технологические уклады в контексте стремления экономических систем к идеальности // Соціально-економічні проблеми і держава. 2013. Т. 8, № 1. С. 65–72.
13. Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994.
14. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / пер. с фр. Е. Кальщикова. СПб.: Европейский Дом, 2002.
15. Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философий / пер. с нем. М.: Медиум, 1994.
16. Юнг К. Г. Различие восточного и западного мышления // Философские науки. 1988. № 10. С. 93–110.
17. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
18. Плебанек О. В. Когнитивная стратегия как технология обеспечения жизни // Информационно-Коммуникация-Общество: материалы Всеросс. науч. конф., Санкт-Петербург, 27–28 янв. 2011 г. / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб., 2011. С. 220–223.
19. Беломестнова Н. В., Плебанек О. В. Сознание и культура в естественно-научной картине мира // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 43–53.
20. Ниддам Дж. Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке: сб. ст. / пер. с англ.; общ. ред. Столетова В. Н. М.: Прогресс, 1966. С. 155–160.
21. Плебанек О. В. Антропологические тренды глобального мира // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов, Екатеринбург, 2–5 июля 2015 / ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. Екатеринбург, 2015. С. 331–332.
22. Hall E. T. Beyond Culture. NY: Anchor Books, 1989.
23. Бурлак С. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
24. Пинкер С. Как работает мозг / пер. с англ. О. Ю. Семиной. М.: Кучково поле, 2017.
25. Гуревич Л. С. О правомерности использования термина «когнитивное пространство» в лингвистических исследованиях // Вестн. ЧитГУ. 2008. № 5 (56). С. 134–140.
26. Информационно // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
27. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

28. Newby G. B. Metric Multidimensional Information Space // Proceedings of The Fifth Text REtrieval Conference, Gaithersburg, Maryland, USA, Nov. 20–22, 1996. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Metric-Multidimensional-Information-Space-Newby/6f07b5f6bee1f9bc901c2d5638993be8cac8c66e> (дата обращения: 16.10.2023).

29. Newby G. B. The Strong Cognitive Stance as a Conceptual Basis for the Role of Information in Informatics and Information System Design // J. of the American Society for Information Science and Technology. 2001. Vol. 52. Iss. 12. P. 1026–1048. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.1172>.

30. Hall E. T. The Silent Language. Greenwood: Fawcett, 1968.

31. Greimas A. Ju. Towards a Semiotics of the Natural World // On Meaning: Selected Writings in Semiotic Theory / Transl. by P. J. Perron, F. H. Collins. Minneapolis: Univ. of Minnesota, 1987. P. 17–47.

32. Peverelli P. J. Cognitive Space: A social cognitive approach to Sino-Western cooperation. Delft: Eduron, 2000.

33. Гуревич Л. С. Когнитивное пространство метакоммуникации: основы прагмасемантического изучения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Военный ун-т. М., 2011.

34. Егорова М. А. «Когнитивное пространство» и его соотношение с понятиями «ментальное пространство», «когнитивная база», «концепто-сфера», «картина мира» // Вестн. Иркутс. гос. линг. ун-та. 2012. № 3. С. 61–68.

35. Кефели И. Ф. Прологомены когнитивной безопасности. СПб.: Петрополис, 2023.

Информация об авторе.

Плебанек Ольга Васильевна – доктор философских наук (2016), доцент (2004), профессор, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, д. 14, ул. Смолячкова, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 160 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, социальная философия, глобалистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 04.07.2024; принята после рецензирования 22.07.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.

REFERENCES

1. Waldron, T. (1989), "The effects of urbanisation on human health", *Diet and crafts in towns. The evidence of animal remains from the Roman to the post-Medieval periods*, in Serjeantson, D. and Waldron, T. (eds.), British Archaeological Reports, Oxford, UK, pp. 55–73.

2. Dawkins, R. (1976), *The selfish gene*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK.

3. Fisher, R.A. (1930), *The Genetical Theory of Natural Selection*, At The Clarendon Press, Oxford, UK.

4. Sapolsky, R. (2018), *Monkeyluv: And Other Essays on Our Lives as Animals*, Transl. by Petrova, A., Al'pina non-fikshn, Moscow, RUS.

5. Dawkins, R. (2013), *The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene*, Transl. by Gopko, A, Astrel': CORPUS, Moscow, RUS.

6. Shmal'gauzen, I.I. (1969), *Problemy darvinizma* [Problems of Darwinism], 2nd ed., Nauka, Leningrad, USSR.

7. Khokhlov, Yu.E. (ed.) (2009), *Glossarii po informatsionnomu obshchestvu* [Glossary on the Information Society], In-t razvitiya in-formatsionnogo obshchestva, Moscow, RUS.

8. Boisot, M. (1995), *Information Space: A Framework for Learning in Organizations, Institutions and Culture*, Routledge, London, UK.

9. Maturana, H. and Varela, F. (2001), *El árbol del conocimiento: las bases biológicas del entendimiento humano*, Transl. by Danilov, Yu.A., Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.

10. Rosstandart (2014), GOST R 51583-2014. *Zashchita informatsii. Poryadok sozdaniya avtomatizirovannykh sistem v zashchi-shchennom ispolnenii* [Information protection. Sequence of protected operational system formation. General provisions], Standartinform, Moscow, RUS.

11. Glaz'ev, S.Yu. (1993), *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of long-term technical and economic development], VlaDar, Moscow, RUS.
12. Vasilenko, V.A. (2013), "Technological structures in the context of the striving of economic systems for ideality", *Socio-Economic Problems and the State*, vol. 8, no. 1, pp. 65–72.
13. Lévi-Strauss, C. (1994), *La pensée sauvage*, Transl. by Ostrovskii, A.B., Respublika, Moscow, RUS.
14. Levy-Bryhl, L. (2002), *La Mentalité Primitive*, Transl. by Kal'shchikov, E., Evropeiskii Dom, SPb., RUS.
15. Jung, C.G. (1994), *Zur Psychologie Westlicher und Östlicher Religion*, Transl., Medium, Moscow, RUS.
16. Jung, C.G. (1988), "The Difference between Eastern and Western Thinking", *Russian J. of Philosophical Sciences*, no. 10, pp. 93–110.
17. Leont'ev, A.N. (1975), *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Conscience. Personality], Politizdat, Moscow, RUS.
18. Plebanek, O.V. (2011), "Cognitive strategy as a life assurance technology", *INFORMATION-COMMUNICATION-SOCIETY*, SPb., RUS, Jan. 27–28, 2011, pp. 220–223.
19. Belomestnova, N.V. and Plebanek, O.V., (2012), "Consciousness and culture in the natural science picture of the world", *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 43–53.
20. Needham, Jo. (1966), "Society and science in the East and in the West", *The science of science*, Transl., in Stoletov, V.N. (ed.), Progress, Moscow, RUS, pp. 155–160.
21. Plebanek, O.V. (2015), "Anthropological trends of the global world", *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii* [XI Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia], Ekaterinburg, RUS, July 2–5, 2015, pp. 331–332.
22. Hall, E.T. (1989), *Beyond Culture*, Anchor Books, NY, USA.
23. Burlak, S. (2019), *Proiskhozhdenie yazyka: Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origin of language: Facts, research, hypotheses], 2nd ed., Alpina non-fikshn, Moscow, RUS.
24. Pinker, S. (2017), *How the Mind Works*, Transl. by Semina, O.Yu., Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
25. Gurevich, L.S. (2009), "On appropriateness of "cognitive space" term usage in linguistic research", *Vestnik ChitGU*, no. 5 (56), pp. 134–140.
26. Prokhorov, A.M. (ed.) (2000), "Information", *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [Big encyclopedic dictionary], 2nd ed., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, Moscow, RUS.
27. Savitskii, P.N. (1997), *Kontinent Evraziya* [The Continent of Eurasia], Agraf, Moscow, RUS.
28. Newby, G.B. (1996), "Metric Multidimensional Information Space", *Proceedings of The Fifth Text Retrieval Conference*, Gaithersburg, Maryland, USA, November 20–22, 1996, available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Metric-Multidimensional-Information-Space-Newby/6f07b5f6bee1f9bc901c2d5638993be8cac8c66e> (accessed 16.10.2023).
29. Newby, G.B. (2001), "The Strong Cognitive Stance as a Conceptual Basis for the Role of Information in Informatics and Information System Design", *J. of the American Society for Information Science and Technology*, vol. 52, iss. 12, pp. 1026–1048. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.1172>.
30. Hall, E.T. (1968), *The Silent Language*, Fawcett, Greenwood, USA.
31. Greimas, A.Ju. (1987), "Towards a Semiotics of the Natural World", *On Meaning: Selected Writings in Semiotic Theory*, Transl. by Perron, P.J. and Collins, F.H., Univ. of Minnesota, Minneapolis, pp. 17–47.
32. Peverelli, P.J. (2000), *Cognitive Space: A social cognitive approach to Sino-Western cooperation*, Eduron, Delft, NDL.
33. Gurevich, L.S. (2011), "The cognitive space of metacommunication: fundamentals of pragmasemantic study", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, Military University, Moscow, RUS.
34. Egorova, M.A. (2012), "'Cognitive space' as juxtaposed to 'mental space', 'cognitive base', 'concept sphere' and 'world view'", *Vestn. Irkutsk. gos. ling. un-ta*, no. 3, pp. 61–68.
34. Kefeli, I.F. (2023), *Prolegomena of cognitive security*, Petropolis, SPb., RUS.

Information about the author.

Olga V. Plebanek – Dr. Sci. (Philosophy, 2016), Docent (2004), Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, University associated with IA EAEC, 14 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. The author of more than 160 scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, social philosophy, globalism.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 04.07.2024; adopted after review 22.07.2024; published online 20.11.2024.

Оригинальная статья
УДК 167.7; 323.28; 323.173
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-31-42>

Миросистемные предпосылки террористических угроз: к вопросу о методологии исследования вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве

Николай Евгеньевич Лукьянов¹, Анна Анатольевна Изгарская²✉

^{1,2}Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

¹nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>

²✉ aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Введение. Цель статьи – систематизация миросистемных предпосылок террористических угроз, уточнение места терроризма внутри теоретических конструкций движения капитала в миросистеме и вызревания противоречий в цикле ее функционирования.

Методология и источники. Используя предложенный Т. К. Хопкинсом метод «движение фигура-фон», авторы рассматривают миросистему в качестве фона для исследования терроризма. Переключение фокуса восприятия позволяет отчетливо видеть связи терроризма с миросистемой. Помимо миросистемного подхода в качестве теоретических оснований использована геополитическая концепция Р. Коллинза и концепция развития террористических организаций М. Креншоу.

Результаты и обсуждения. Для выявления связей терроризма с противоречиями миросистемы выполнен ряд перефокусировок. В результате было показано, что гегемон и государства ядра добиваются успеха, поддерживая «цивилизованный» порядок в миросистеме, декларируя ценности центристского либерализма, но потребность в защите своих интересов часто вынуждает их использовать менее дорогое и эффективное, но нелегитимное средство – террор. Просистемные элиты периферий могут использовать террор в борьбе за власть с целью последующего подключения к сетям кумулятивных векторов ядра. Ряд предпосылок обнаружен при смещении фокуса с терроризма на движение капитала в миросистемном цикле. Движение капитала из ядра на периферию сопровождается увеличением социального неравенства и ростом национальных и этнических различий, способных питать сепаратистские идеологии терроризма. Отток капитала из экономик неядерных областей повышает возможности политической силы, бросившей гегемону и государствам ядра вызов, мобилизуя население под антисистемными лозунгами, способными питать международный терроризм. Полученные теоретические конструкции позволили кратко описать предпосылки террористической активности на территории СССР и постсоветском пространстве.

Заключение. Авторы подчеркивают, что полученные теоретические выводы нуждаются в дополнительной верификации. Следующим шагом в исследовании причин терроризма должен стать анализ механизмов формирования террористических организаций на основе конкретных случаев.

Ключевые слова: миросистема, терроризм, метод «движение фигура-фон», геополитическая теория, идеологические сети, кумулятивный вектор

Для цитирования: Лукьянов Н. Е., Изгарская А. А. Миросистемные предпосылки

© Лукьянов Н. Е., Изгарская А. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

террористических угроз: к вопросу о методологии исследования вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 31–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-31-42.

Original paper

World-Systems Ground of Terrorist Threats: on the Issue of Methodology for Studying Armed Conflicts in the Post-Soviet Space

Nikolai E. Lukyanov¹, Anna A. Izgarskaya²✉

^{1, 2}*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia*

¹*nikolaylukyanov70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4068-8340>*

²✉*aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>*

Introduction. The purpose of the article is to systematize the world-system prerequisites for terrorist threats, to show the place of terrorism within the theoretical structures of the movement of capital in the world-system and the maturation of contradictions in the functioning of its cycle.

Methodology and sources. The authors use the “Figure-ground movement” method proposed by T. K. Hopkins and consider the world-system as a background for the study of terrorism. Refocusing perception makes it possible to more clearly see the connections between terrorism and the world-system. The geopolitical concept of R. Collins and M. Crenshaw’s concept of the development of terrorist organizations are used as theoretical foundations in addition to the world-system approach.

Results and discussion. A series of successive refocuses were carried out to identify the connections between terrorism and the contradictions of the capitalist world-system. As a result, it was shown that the hegemon and the core states achieve success by maintaining a «civilized» order in the world-system by declaring the values of centrist liberalism. However, it must be recognized that states often use less expensive than the introduction of regular troops, but illegitimate means of terror to protect their interests. Terror can be used in the struggle for power when core states include their economies in a network of cumulative vectors. A number of prerequisites were discovered after a refocus from terrorism to the movement of capital in the world-system cycle. The movement of capital from the core to the periphery increases social inequality and causes the growth of national and ethnic differences that can feed separatist ideologies of terrorism. The outflow of capital from the economies of non-core areas increases the ability of the political force that has challenged the hegemon and the core states to mobilize the population under anti-system slogans that can fuel international terrorism. Based on the obtained theoretical models, the prerequisites for terrorist activity on the territory of the USSR and in the post-Soviet space were briefly described.

Conclusion. The authors emphasize that the resulting theoretical models require additional verification. The next stage in the study of the causes of terrorism should be an analysis of the mechanisms of formation of terrorist organizations based on specific cases.

Keywords: world-system, terrorism, “figure-ground movement” method, geopolitical theory, ideological networks, cumulative vector

For citation: Lukyanov, N.E. and Izgarskaya, A.A. (2024), “World-Systems Ground of Terrorist Threats: on the Issue of Methodology for Studying Armed Conflicts in the Post-Soviet Space”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 31–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-31-42 (Russia).

Если мы будем рассматривать глобализацию и терроризм как феномены, ограниченные во времени и пространстве, мы можем прийти к выводам столь же эфемерным, как те, к которым приходят газеты. В общем и целом, нам не удастся понять значения этих явлений, истоков их происхождения, путей развития и, что самое главное, их места внутри более крупных конструкций.

И. Валлерстайн. «Миросистемный анализ: введение»

Введение. После распада СССР терроризм вошел в жизнь населения бывших советских республик во всем своем разнообразии. Он бросал вызов новым политическим элитам, будучи одетым то в партизанскую форму цвета хаки, то в черный хиджаб смертницы, то в пестрый наряд толпы, готовящей «коктейль Молотова» и управляемой кем-то с «темной стороны демократии» (М. Манн). Терроризм с успехом заменил ушедшую в небытие коммунистическую угрозу и после событий 11 сентября 2001 г. был назван главным источником международной опасности для демократического мира. Он озадачил политических аналитиков и профессиональных ученых множественностью проявлений и безрезультативностью усилий государств по умиротворению его кровавых бесчинств. При этом в политической риторике и научных статьях часто имплицитно присутствует мысль, что терроризм является чуждым, возникшим за пределами «цивилизованного общества», отголоском «примитивного», «варварского» мира. В данной работе мы исходим из противоположного тезиса. Обращаясь к теме терроризма на постсоветском пространстве с позиции взаимосвязей геополитики и миросистемного подхода, мы не претендуем на обобщение результатов исследований наших предшественников и не спешим с конкретными рекомендациями для политических элит. Главная задача этой работы находится в области методологии. Сместив фокус исследовательской оптики в область миросистемных противоречий, попытаемся поместить терроризм внутри «более крупных структур» [1, с. 44] и показать, что он является частью миросистемы, созданной ее «цивилизованным» ядром. С этих позиций кратко обозначим предпосылки террористических угроз на постсоветском пространстве.

Методология и источники. В основании современной капиталистической миросистемы находится система международного разделения труда, которая формирует и поддерживает взаимосвязи поляризованных структур, ядра, полупериферии и периферии, представляющих собой неравные социально-экологические ниши выживания включенных в них обществ. Миросистема должна выступать фоном для исследования терроризма. Сосредоточенность ученых на отдельных случаях проявления активности террористических организаций часто приводит к недооценке значения этого фона и исчезновению существенных связей изучаемого предмета с совокупностью процессов, обуславливающих его генезис. Миросистемный анализ позволяет осуществлять «перефокусировку», которую в качестве базового метода предложил использовать один из ведущих методологов миросистемного подхода Т. К. Хопкинс. Он описывал этот метод как «движение фигура-фон», при котором исследователь «перефокусируется, и то, что было фигурой, становится фоном, а когда он снова перефокусируется, бывшее фоном, становится фигурой» [2, р. 149]. В результате взаимообусловленность «фигуры» и «фона», связи явления и его предпосылок, становятся более отчетливыми.

В качестве инструмента анализа используем теорию геополитической динамики Р. Коллинза [3], которая дополняет экономоцентрированный арсенал методов миросистемной парадигмы [4]. Геополитическая теория в центр исследования ставит государство, его способность конкурировать за территорию и осуществлять над ней контроль. С этих позиций терроризм и партизанские войны Р. Коллинз рассматривает как «оружие слабых, когда повстанцы не могут победить в классических битвах против более крупных и хорошо вооруженных сил» [3, с. 18]. Помимо этого, на основе этой теории мы получаем возможность описать геополитические неудобства постсоветских государств как «буферных». Границы таких государств на большем протяжении блокированы границами держав, которые являются центрами мирового или регионального могущества, способными в процессе конкуренции создавать кумулятивное притяжение «буферных» пространств. Для постсоветских государств Россия является одним из таких центров. Р. Коллинз отмечал, что «буферные государства по-прежнему будут переживать внутренние раздоры вокруг слабых правительств, кроме тех случаев, когда авторитарные режимы станут сателлитами России как регионального гегемона» [3, с. 17]. Умиротворяющая функция гегемона зависит от его способности создавать мощные идеологические сети, которые им формируются на основе лидирующих экономических позиций в регионе и военно-политическом могуществе, достаточном для оказания покровительства элитам «буферных» государств. Идеологические сети снимают остроту этнических и национальных противоречий, которые питают соответствующие виды терроризма. Совокупность таких преимуществ и интеграционных процессов будем называть «кумулятивный вектор». Согласие общества с выбранным элитами кумулятивным вектором снижает вероятность внутреннего конфликта, в случае же слабой государственной власти и воздействия на страну нескольких векторов общество испытывает кризисные состояния, способствующие росту террористических угроз.

Онтологии миросистемного подхода и геополитической теории недостаточно для анализа терроризма. Миросистемный подход главным образом оперирует понятиями, описывающими явления глобального масштаба, а геополитическая теория работает на уровне государств и межгосударственных отношений. Анализ терроризма требует онтологии микроуровня, а именно онтологии групп и сетей¹. Будем использовать онтологию, представленную в концепции развития террористических организаций М. Креншоу (M. Crenshaw). Она понимает террористическую организацию как корпорацию, которая борется в условиях конкуренции и вооруженного противостояния за выживание. Преследуя интересы своих бенефициаров (членов группировки, лиц, предоставляющих финансирование, групп населения и др.), организация ставит цели и использует средства агрессии в зависимости от ситуации. Условия среды, которые в долгосрочной перспективе приводят к возникновению террористической активности (высокая степень социального неравенства, репрессии со стороны правительства, ущемление прав социальных групп и т. д.), М. Креншоу называет «предпосылками». События, дающие начало террористической деятельности, она называет «катализаторами» [5, р. 381]. Следует отметить, что в работах М. Креншоу отсутствует систематизация предпосылок. Основания для

¹ Выбор концепции, содержащей такую онтологию, требует сравнительного анализа и является отдельной задачей. Перспективным выглядит сравнение концепций организационной парадигмы [5–10] и инструменталистского подхода [11–13].

такой систематизации следует искать в содержании общих социальных теорий, в роли которых могут выступить миросистемный подход и геополитика.

Результат и обсуждение. Для выявления связей терроризма с противоречиями миросистемы выполним ряд последовательных перефокусировок. Во-первых, переместим фокус с широко транслируемой идеи «защиты цивилизованного общества от терроризма» на онтологию безопасности в капиталистической миросистеме. Капитализм – «социальная система, которая требует “политики безопасности” для “обеспечения соблюдения правил” перед лицом как социальной борьбы за преобразование параметров системы, так и перед лицом хронической “небезопасности”, которая является неизбежным результатом накопления капитала» [14, р. 21]. Капитализм объявляет войну терроризму, угрожающему ему как социальной, иерархически организованной системе, целью которой является производство и накопление капитала. Однако мир капитала сам способен прибегать к террору и выходящему за рамки международного права насилию (пыткам, похищениям людей) как к менее дорогим, эффективным, но нелегитимным средствам защиты и продвижения своих интересов². В процессе расширения миросистемы ее гегемон декларирует набор ценностей центристского либерализма [1, с. 148–174] и при поддержке просистемных государств устанавливает нормы международного права, которые сам вынужден нарушать. Например, в 1988 г. при активном содействии США в целях борьбы с советскими войсками, дислоцированными в Афганистане, была создана «Аль-Каида»³. Но после инициированных этой организацией взрывов американских посольств в Кении и Танзании (7 августа 1998 г.), после теракта 11 сентября 2001 г. она возглавила список врагов свободного мира. Война с терроризмом на территории Афганистана велась методами, которые, включая пытки в Гуантанамо, по своей жестокости им не уступали. К террору как средству защиты своих интересов способно прибегать не только государство-гегемон. Террор по отношению к своим политическим оппонентам используют в борьбе за власть просистемные элиты периферий в процессе их включения в кумулятивный вектор, инициированный ядром. Ярким примером здесь может быть массовый террор военной диктатуры А. Пиночета в Чили. Следует подчеркнуть, методы терроризма значительно дешевле и часто эффективнее использования регулярной армии или каких-либо правовых средств. Эти древнейшие средства борьбы за власть в современном мире объявлены нелегитимным, но входят в арсенал деятельности спецслужб многих современных государств.

Смещение фокуса с миросистемы на требование «защиты цивилизованных обществ от терроризма» позволяет сделать вывод, что под «цивилизованными» понимаются просистемные государства и подконтрольные им общества. При этом возникающие на этом фоне просистемные представления о терроризме отличаются не только убежденностью в том, что национальные и международные меры по антитеррору должны служить укреплению передовых основ господствующих социальных отношений, но и верой в необходимость совершенствования существующих институтов правопорядка, пенитенциарной системы, средств надзора, управления и контроля. В результате формируются эпистемологические рамки исследования терроризма как явления, чуждого либеральным демократиям.

² Использование сторонниками демократии средств террора в борьбе с инаковостью получило глубокое осмысление в работах М. Манна [15].

³ Организация «Аль-Каида» запрещена на территории Российской Федерации.

Б. Маккуэйд и С. Шредер называют такие рамки «ловушкой», которая «поглощает исследователей, сосредоточенных на реформировании институтов безопасности, оставляя нетронутыми другие практики управления и накопления капитала» [14, p. 19].

Ряд предпосылок обнаруживается при смещении фокуса с терроризма на этапы миросистемного цикла. Миросистемный цикл состоит из четырех этапов: послевоенного формирования благоприятного баланса сил для восхождения гегемонии; системной реорганизации (воссоздания международной системы разделения труда на новых началах); укрепления новых центров и конфигураций силы; предложения новых форм миропорядка противоборствующими с гегемоном центрами. Первые два этапа описывают расширение системы, третий и четвертый объясняют вызревание противоречий и отток капитала из экономик восставших против ядра центров в менее опасные области [16].

Перенесем фокус исследования с множественных и хорошо изученных в научной литературе этнических, националистических, сепаратистских террористических организаций на движение капитала в расширяющейся миросистеме. При расширении миросистемы капитал движется из ядра на периферию, формируя кумулятивные векторы. В результате глобальный разрыв между ядром и периферией сокращается, а социальное неравенство внутри обществ увеличивается. Оно растет как в ядре, откуда капитал уходит, так и в неядерных обществах [17, p. 141]. Рост внутринационального неравенства в неядерных обществах происходит в результате того, что общество «открывается» кумулятивному вектору миросистемы, его экономическая и политическая элиты поддерживают процесс периферизации, обогащаются и создают механизмы, закрепляющие социальное неравенство. Такие элиты неспособны противостоять ядру и утрачивают чувство гражданской солидарности с обществом. В широких массах ситуация оборачивается ростом национальных и этнических различий [17, p. 141]. Социальное неравенство при отсутствии каких-либо легальных инструментов его преодоления становится предпосылкой террористической деятельности. Наиболее уязвимыми здесь оказываются этнические меньшинства внутренних периферий (как ядра, так и неядерных стран), которые в случае отсутствия или ослабления кумулятивного вектора центральной власти способны создать террористические организации с идеологией сепаратизма. Такие процессы были характерны для большинства обществ постсоветского пространства. Ситуация в республиках Кавказа в 1990-е гг. может быть ярким примером вызревания такой предпосылки. Там, где какие-либо возможности преодоления социального неравенства имеются, накал противоречий снижается, и предпосылки не формируются. Например, в прибалтийских странах быстро сформировался кумулятивный вектор взаимосвязей с европейской частью ядра миросистемы⁴. Условий для крупных социальных кризисов не возникло. Русскоязычное население не сформировало серьезную оппозицию, поскольку выбранный вектор способствовал миграции молодежи в Европу, Российскую Федерацию и Беларусь. В прибалтийских государствах отсутствуют террористические организации.

В Беларуси вектор был направлен на укрепление отношений с Россией. Кумулятивный вектор полупериферии не способствовал резкому обогащению белорусских элит и росту со-

⁴ Только у Эстонии в 2011 г. индекс активности терроризма достигал показателя 1.22 (74 место из 163 стран). Показатель снижался, и с 2016 г. в Эстонии случаи терроризма отсутствуют. Все данные по уровню террористической активности в статье приведены на основе информации сайта Vision of Humanity. Global Terrorism Index [18].

циального неравенства [19]. И пока Россия сама активно боролась за более благоприятную нишу в мировой системе разделения труда, существенных противоречий не возникало⁵. Изменение стратегии развития России после 2014 г. привело к образованию в Беларуси сторонников двух разнонаправленных кумулятивных векторов. Однако, не смотря на рост протестных настроений, оппозиция не смогла составить конкуренцию политическому режиму А. Г. Лукашенко. В процессе мирных массовых протестов 2020–2021 гг. оппозиция была подавлена, часть ее представителей была объявлена экстремистами и покинула страну⁶.

Отсутствие единого кумулятивного вектора характерно для Украины и Молдовы, что привело к политическим кризисам, росту экстремизма, боевым столкновениям, возникновению непризнанных территорий. С 2021 г. в Молдове отсутствуют случаи терроризма⁷, а в Украине индекс активности терроризма в 2023 г. составил 1,69.

В кавказском регионе (Азербайджан, Армения, Грузия, южные регионы России) после распада СССР национальные противоречия и сепаратизм стали питательной почвой для межнациональных конфликтов и терроризма. Бывшие «братские» советские республики оказались конкурентами и противниками. При этом Армения и Грузия, в отличие от Азербайджана, ориентированного на взаимодействие с Турцией, устойчивого кумулятивного вектора не имеют. Наблюдаемые изменения политического курса, стремление к укреплению взаимоотношений то с территориально удаленным Западом, то с Россией не способствуют стабильности обстановки и национальному согласию в этих странах. Обращает внимание на себя то, что проникающие в этот регион кумулятивные векторы не способны вернуть умиротворение народам Кавказа. Индексы террористической активности у полупериферийных государств, претендующих здесь на роль кумулятивных центров, высоки: у Турции – 4,17, у России – 3,02.

Большинство государств Средней Азии испытали процессы политической турбулентности в форме массовых беспорядков (в Казахстане), попыток государственных переворотов (в Кыргызстане и Узбекистане), гражданской войны (в Таджикистане). Политическая стабильность в Туркменистане сохранялась в результате применения жестких мер искоренения всякой оппозиции и предупреждения любых зачатков террористической активности. Переход на капиталистические рельсы сопровождался ростом безработицы и социального неравенства. Однако устойчивого кумулятивного вектора у стран Средней Азии, кроме Казахстана⁸, с соседними полупериферийными государствами Китаем и Россией не сформировалось. Отсутствие мощных идеологических сетей, территориальная близость Ирана и

⁵ Большинство случаев, которые можно рассматривать как террористические, власти Беларуси квалифицируют как хулиганство, поскольку они не имели жертв и большого числа пострадавших. Исключением является теракт в минском метро в 2011 г., когда показатель был равен 4,41 (29 место из 163 стран). В последующие годы показатель снижался и в 2016–2023 гг. он равен нулю.

⁶ В Беларуси официально признаны террористическими такие организации, как «Отряды Гражданской Самообороны Беларуси», «Супраицу» и «ВУРОЛ», новостной портал «NEXTA». Их основная деятельность сосредоточена в информационном поле и связана с публикацией антиправительственных материалов, лишь в некоторых случаях с мелкими диверсиями на объектах транспортной инфраструктуры.

⁷ В Молдове самый высокий показатель индекса террористической активности был равен 1,33 в 2011 г. Затем он снижался. На территории Украины в 2011–2014 гг. показатель менялся с 2,09 до 2,65, резко возрастает до 4,46 в 2015 г. и постепенно снижается до 0,56 в 2021 г.

⁸ В Казахстане кумулятивный вектор был направлен на взаимодействие с Россией. Влияние идей радикального ислама было несущественным.

Афганистана способствовали распространению идей радикального ислама, что привело к появлению террористических организаций исламистского толка. Только с течением времени «буферные» для России государства Средней Азии все больше вовлекаются в процессы, инициируемые Китаем, что сопровождается успехом государств в противодействии радикальному исламу. В настоящее время индекс терроризма Казахстана, Туркменистана и Кыргызстана стремится к нулю, в Узбекистане он составляет 0,42, в Таджикистане – 0,87.

Следует указать еще на ряд предпосылок, возникших как наследие военного противостояния советского государства миру капитала. Гонка вооружений, вывод войск из Афганистана и Восточной Европы сформировали значительный арсенал оружия и большое количество имеющих опыт боевых действий, но невостребованных новыми «открытыми» государствами военных. Владение русским языком, знание единой системы вооружения и управления способствовали обмену опытом и вторичному распространению сепаратистских и экстремистских идей. Например, некоторые чеченские боевики приняли участие в гражданской войне в Таджикистане (1992–1997) и в первом конфликте в Абхазии (1992–1993), после Первой чеченской кампании (1994–1996) они были замечены в других конфликтах на Кавказе. Прошлый армейский опыт, особенно командный, делал привлекательными бывшие советские военные кадры для вербовщиков исламистских террористических организаций.

Эпистемологическая «ловушка» в таких случаях проявляется и в «официальной» науке, прежде всего истории, транслирующей без критического анализа приоритеты политической элиты, и в альтернативных исследованиях. Представители альтернативных направлений бывают слепы в оценках происходящего. Например, они способны клеймить правительство своей страны, превозносить ценности «свободного мира», искать в нем поддержку и не замечать, что их национальная политическая и экономическая элиты порождены связями с его ядром.

Теперь сместим фокус с террористических организаций, имеющих статус международных, на третий и четвертый этапы в цикле миросистемы, когда формируются политические силы, способные бросить вызов господствующему порядку и поддерживающим его силам. Конкурирующие с мировым гегемоном полупериферийные центры формируют самостоятельные кумулятивные векторы и способны создавать относительно «закрытые» от ядра экономики⁹. Происходит отток капитала ядра в более безопасные области миросистемы. В результате «глобальный разрыв увеличивается, а национальное неравенство для неядерных стран сокращается» [17, р. 141]. В таких условиях восставшая политическая сила способна мобилизовать массы на противостояние ядру. «Глобальная оппозиция обеспечивает национальную сплоченность» [17, р. 141]. Терроризм здесь появляется как одно из антисистемных средств вооруженного противостояния мировому порядку.

Этот антисистемный терроризм может выступать под лозунгами «футуризма», провозглашая идеи прогресса и борьбы за новую, более совершенную систему социальных отношений, или проповедовать идеи «архаизма», возврата к истинным, часто религиозным, но утраченным или кем-то погранным ценностям великого прошлого. Примерами «футуризма» могут быть всевозможные леворадикальные террористические организации, выступающие под лозунгами социализма и коммунизма. «Архаизм» может быть представлен ис-

⁹ Дж. Арриги описал формирование относительно автономных от ядра или «закрытых» систем как одну из стратегий развития полупериферий [20].

лампистскими международными террористическими организациями, включая «ИГИЛ»¹⁰. Критическое отношение к господствующему миропорядку, абсолютизация отодвинутых на неопределенный период в будущее собственных целей, высокий уровень жертвенности являются основными общими характеристиками идеологий антисистемного терроризма [21]. Беспощадный к своим врагам он на уровне государства способен инициировать массовые «чистки» внутри собственных политических границ. Адепты таких идеологий могут формировать террористические организации и в ядре, и на периферии, но, как правило, всегда поддерживают связь с центром, восставшим против глобального порядка.

Научные основания исследования терроризма на такой основе попадают в создаваемую господствующей моноидеологией эпистемологическую «ловушку», оправдывающую насилие как необходимую героическую жертву или обосновывающую воздаяние врагам во имя великого будущего, в наступлении которого запрещено сомневаться.

Одной из сил, бросивших в XX в. вызов мировому порядку, был СССР. Построив систему разделения труда относительно автономную от мировой Советский Союз был «закрытым» для иностранных инвестиций обществом с низким уровнем социального неравенства. Выступая в качестве альтернативы капиталистическому мироустройству, он смог в 1960–1970-е гг. создать мощнейший кумулятивный вектор для освободившихся от колониализма стран третьего мира. СССР совместно с союзниками поддерживал революционные движения, включая организации, которые использовали террористические методы борьбы в странах третьего мира. Леворадикальные идеологии коммунистического содержания питали террористические организации практически по всему миру, включая Европу (например, Фракция Красной армии, действовавшая в Западной Германии и Берлине с 1970 по 1998 гг.) и США (Коммунистическая организация 19 мая). При этом уровень терроризма в СССР был низким. Террористические акты в большинстве случаев не были связаны с политическими мотивами¹¹, главным мотивом советских граждан, решившихся на преступление (в основном угон самолета), выступало желание покинуть СССР, а предпосылкой – отсутствие других доступных альтернатив, позволявших легально уехать из «закрытой» страны. Пример СССР, с одной стороны, подтверждает идею о том, что мощные идеологические сети кумулятивных векторов, способны объединять и умиротворять национальное и этническое многообразие. С другой стороны, этот пример убедительно показывает, что способность государства осуществлять эффективный контроль территории, не прибегая к шоковым методам управления, является важной составляющей профилактики террористических угроз.

Заключение. На текущем этапе исследования, используя метод «движения фигура-фон» (Т. К. Хопкинс), удалось систематизировать миросистемные предпосылки терроризма, показать его место внутри более крупных теоретических конструкций, установить взаимосвязь террористической деятельности с движением капитала в миросистеме и вызревающими в ней противоречиями. Было показано, что всплеск терроризма на постсоветском пространстве в качестве миросистемных предпосылок имел превращение «братских» обществ в противоборствующие за более благоприятную позицию в миросистеме и территориальный

¹⁰ Организация «ИГИЛ» запрещена на территории Российской Федерации.

¹¹ К политическим терактам в СССР можно отнести взрыв в Мавзолее В. И. Ленина в 1967 г. и взрывы в Москве в 1973 г.

контроль государства; слабость и/или непостоянство идеологических сетей кумулятивных векторов, конкурирующих между собой центров; рост социального неравенства и национальных, этнических различий при движении капитала из ядра в экономику бывших советских обществ; формирование элит, утративших гражданскую солидарность с широкими массами; отсутствие возможностей преодоления социального неравенства; доступность оружия и избыток военных кадров, имевших опыт боевых действий. Следует подчеркнуть, что полученные теоретические выводы имеют гипотетический характер и нуждаются в дополнительной верификации. Помимо этого, предпосылки не являются достаточными факторами для возникновения террористических организаций. Следующим этапом в исследовании причин терроризма должен стать поиск оснований для систематизации «катализаторов» террористической деятельности, анализ механизмов формирования террористических организаций. Обозначенные границы познавательных позиций в исследованиях терроризма могут быть использованы для критического анализа имеющихся политических и научных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006.
2. Hopkins T. K. World-Systems Analysis: Methodological Issues // *World-Systems Analysis: Theory and Methodology*; ed. by T. K. Hopkins, I. Wallerstein. Beverly Hills: Sage, 1982. P. 145–158.
3. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности / пер. с англ. Н. С. Розова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015.
4. Изгарская А. А., Лукьянов Н. Е. Терроризм в современной миросистеме: к проблеме перспектив междисциплинарного исследования // *ДИСКУРС*. 2021. Т. 7, № 6. С. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16.
5. Crenshaw M. The Causes of Terrorism // *Comparative Politics*. 1981. Vol. 13, № 4. P. 379–399. DOI: <https://doi.org/10.2307/421717>.
6. Crenshaw M. Theories of Terrorism: Instrumental and Organizational Approaches // *J. of Strategic Studies*. 1987. Vol. 10, № 4. P. 13–31. DOI: 10.1080/01402398708437313.
7. Crenshaw M. Intimations of Mortality or Production Lines? The Puzzle of "Suicide Terrorism" // *Political Psychology*. 2009. Vol. 30, iss. 3. P. 359–364. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2009.00699.x.
8. Crenshaw M. Terrorism Research: The Record // *International Interactions*. 2014. Vol. 40, iss. 4. P. 556–567. DOI: 10.1080/03050629.2014.902817.
9. Silke A. Terrorism and the Blind Men's Elephant // *Terrorism and Political Violence*. 1996. Vol. 8, iss. 3. P. 12–28. DOI: 10.1080/09546559608427361.
10. Silke A., Schmidt-Petersen J. The golden age? What the 100 Most Cited Articles in Terrorism Studies Tell Us // *Terrorism and Political Violence*. 2017. Vol. 29, iss. 4. P. 692–712. DOI: 10.1080/09546553.2015.1064397.
11. Schelling T. C. *Arms and Influence*. New Haven: Yale Univ. Press. 1966.
12. Schmid A. Root Causes of Terrorism: Some Conceptual Notes, a Set of Indicators, and a Model // *Democracy and Security*. 2005. Vol. 1, iss. 2. P. 127–136. DOI: 10.1080/17419160500321139.
13. Schmid A. The Response Problem as a Definition Problem // *Terrorism and Political Violence*. 1992. Vol. 4, iss. 4. P. 7–13. DOI: 10.1080/09546559208427172.
14. McQuade B., Schrader S. Avoiding the Security Trap. The Contributions of Terence Hopkins and World-Systems as Methodology for Critical Police Studies // *World-Systems Analysis at a Critical Juncture*; ed. by C. R. Payne, R. P. Korzeniewicz, B. J. Silver. NY: Routledge, 2023. P. 17–27. DOI: 10.4324/9781003325109-3.

15. Манн М. Темная сторона демократии / пер. с англ. под ред. В. Малахова, А. Дюкова, С. Карамаева. СПб.: Питер, 2023.
16. Изгарская А. А. Динамика политической гегемонии в циклах современной миросистемы // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 3. С. 96–105. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.96-105.
17. Bergesen A. J., Bata M. Global and National Inequality: Are They Connected? // *J. of World-Systems Research*. 2002. Vol. 8, iss. 1. P. 130–142. DOI: 10.5195/jwsr.2002.277.
18. Global Terrorism Index // *Vision of Humanity*. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (дата обращения: 01.06.2024).
19. По уровню социального неравенства Белоруссия расположилась между Норвегией и Бельгией // *ИА Реалист*. 24.08.2020. URL: <https://realtribune.ru/news-news-4940/> (дата обращения: 02.07.2024).
20. Arrighi G. *The Developmentalist Illusion: A Reconceptualization of the Semiperiphery // Semiperipheral States in the World-Economy*; ed. by W. G. Martin, I. Wallerstein. NY: Greenwood Press, 1990. P. 11–44.
21. Лукьянов Н. Е., Изгарская А. А. Современный антисистемный терроризм и просистемные средства массовой информации в структуре социальной онтологии // *Respublica Literaria*. 2023. Т. 4, № 1. С. 103–116. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.103-116.

Информация об авторах.

Лукьянов Николай Евгеньевич – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор более 32 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, право социального обеспечения, международное частное право, противодействие терроризму, национальная безопасность.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук (2015), ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, политическая философия, миросистемный подход, геополитика, философия образования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.07.2024; принята после рецензирования 12.09.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.*

REFERENCES

1. Wallerstein, I. (2006), *World-System analysis: Introductions*, Transl. by Tyukina, N., Moscow, Territoriya budushchego, RUS.
2. Hopkins, T.K. (1982), "World-Systems Analysis: Methodological Issues", *World-Systems Analysis: Theory and Methodology*, Hopkins, T.K. and Wallerstein, I. (eds.), Sage, Beverly Hills, USA, pp. 145–158.
3. Collins, R. (2015), *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*, Transl. by Rozov, N.S., Moscow, URSS: LENAND, RUS.
4. Izgarskaya, A.A. and Lukyanov, N.E. (2021), "Terrorism in the Modern World-System: Towards the Problem of Prospects for Interdisciplinary Research", *DISCOURSE*, vol. 7, no 6, pp. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-6-5-16.
5. Crenshaw, M. (1981), "The Causes of Terrorism", *Comparative Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 379–399. DOI: <https://doi.org/10.2307/421717>.
6. Crenshaw, M. (1987), "Theories of Terrorism: Instrumental and Organizational Approaches", *J. of Strategic Studies*, vol. 10, no. 4, pp. 13–31. DOI: 10.1080/01402398708437313.
7. Crenshaw, M. (2009), "Intimations of Mortality or Production Lines? The Puzzle of "Suicide Terrorism"", *Political Psychology*, vol. 30, iss. 3, pp. 359–364. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2009.00699.x.
8. Crenshaw, M. (2014), "Terrorism Research: The Record", *International Interactions*, vol. 40, iss. 4, pp. 556–567. DOI: 10.1080/03050629.2014.902817.

9. Silke, A. (1996), "Terrorism and the Blind Men's Elephant", *Terrorism and Political Violence*, vol. 8, iss. 3, pp. 12–28. DOI: 10.1080/09546559608427361.
10. Silke, A. and Schmidt-Petersen, J. (2017), "The golden age? What the 100 Most Cited Articles in Terrorism Studies Tell Us", *Terrorism and Political Violence*, vol. 29, iss. 4, pp. 692–712. DOI: 10.1080/09546553.2015.1064397.
11. Schelling, T.C. (1966), *Arms and Influence*, Yale Univ. Press, New Haven, USA.
12. Schmid, A. (2005), "Root Causes of Terrorism: Some Conceptual Notes, a Set of Indicators, and a Model", *Democracy and Security*, vol. 1, iss. 2, pp. 127–136. DOI: 10.1080/17419160500321139.
13. Schmid, A. (1992), "The Response Problem as a Definition Problem", *Terrorism and Political Violence*, vol. 4, iss. 4, pp. 7–13. DOI: 10.1080/09546559208427172.
14. McQuade, B. and Schrader, S. (2023), "Avoiding the Security Trap. The Contributions of Terence Hopkins and World-Systems as Methodology for Critical Police Studies", *World-Systems Analysis at a Critical Juncture*, Payne, C.R., Korzeniewicz, R.P. and Silver, B.J. (eds.), Routledge, NY, USA, pp. 17–27. DOI: 10.4324/9781003325109-3.
15. Mann, M. (2023), *The Dark Side of Democracy*, Transl. and ed. by Malakhova, V., Dyukova, A. and Karamaeva, S., Piter, SPb., RUS.
16. Izgarskaya, A.A. (2022), "Dynamics of Political Hegemony in the Cycles of the Modern World-System", *Respublica Literaria*, vol. 3, no 3, pp. 96–105. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.96-105.
17. Bergesen, A.J. and Bata, M. (2002), "Global and National Inequality: Are They Connected?", *J. of World-Systems Research*, vol. 8, iss. 1, pp. 130–142. DOI: 10.5195/jwsr.2002.277.
18. "Global Terrorism Index", *Vision of Humanity*, available at: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (дата обращения: 01.06.2024).
19. "In terms of social inequality Belarus is located between Norway and Belgium (2020)", *IA Realist*, 24.08.2020, available at: <https://realtribune.ru/news-news-4940/> (accessed 02.07.2024).
20. Arrighi, G. (1990), "The Developmentalist Illusion: A Reconceptualization of the Semiperiphery", *Semiperipheral States in the World-Economy*, Martin, W.G. and Wallerstein, I. (eds.), Greenwood Press, NY, USA, pp. 11–44.
21. Lukyanov, N.E. and Izgarskaya, A.A. (2023), "Modern Anti-System Terrorism and Pro-System Mass Media in the Structure of Social Ontology", *Respublica Literaria*, vol. 4, no. 1, pp. 103–116. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.103-116.

Information about the authors.

Nikolai E. Lukyanov – Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. Author of more than 32 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, social security law, private international law, countering terrorism, national security.

Anna A. Izgarskaya – Dr. Sci. (Philosophy, 2015), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 100 scientific publications. Area of expertise: social philosophy, political philosophy, world-system approach, geopolitics, philosophy of education.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 24.07.2024; adopted after review 12.09.2024; published online 20.11.2024.

Оригинальная статья

УДК 316.472.4

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-43-53>

Перспективы развития генеалогии в России как социокультурного института

Мария Алексеевна Абрамова

*Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия,
marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>*

Введение. На основе обобщения подходов к определению понятия «социокультурный институт» и выделения присущих ему признаков делается попытка выявления статуса генеалогических исследований в России, интерес к которым захватывает все большее число людей. Основная цель и задача – определение перспектив развития генеалогических исследований в нашей стране и возможности трансформации их статуса до уровня социокультурного института.

Методология и источники. Автор опирается на работы отечественных и зарубежных ученых по проблемам институализации в культуре (М. Вебер, О. Конт, М. Ориу, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, А. А. Радугин, О. А. Радугина и др.), удовлетворения человеком ценностей (Г. В. Ф. Гегель и К. Маркс). Материалами исследования послужили статьи и авторефераты диссертаций по генеалогии с 2000 по 2024 г., контент социальных сетей и подкастов: «ГЕН-ТОК», «История тебя & ГЕНТЕХ», «Живая книга» И. Бивол, электронный журнал «Генеалогия для всей семьи» и другие, видеоматериалы фестивалей «ГЕНТЕХ».

Результаты и обсуждение. При рассмотрении основных признаков социокультурного института и проведения параллели с тем, на каком уровне востребованности находятся генеалогические исследования, автор фокусирует внимание на разнообразии смыслов в содержании деятельности, осуществляемой участниками этого процесса. В ходе обобщения функций, которые могли бы выполнять генеалогические исследования в формировании духовно-нравственных ценностей общества, проведена параллель с положениями Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

Заключение. Результаты исследования позволили заключить, что генеалогические исследования в России являются в настоящее время скорее социокультурной деятельностью, о которой много слышали, но пока мало знают. Она не стала формой привычной, а следовательно, востребованной и понятной для большинства российских семей, но имеет все шансы стать не только фактором их сплочения и формирования исторической памяти, но и традиционной социокультурной деятельностью, являющейся в обществе нормой, а не исключением.

Ключевые слова: генеалогия, генеалогические исследования, социокультурный институт, история Рода, духовно-нравственные ценности, историческое самосознание

© Абрамова М. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Абрамова М. А. Перспективы развития генеалогии в России как социокультурного института // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 43–53. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-43-53.

Original paper

Prospects for the Development of Genealogy in Russia as a Socio-Cultural Institution

Maria A. Abramova

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia,
marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>*

Introduction. Based on a generalization of approaches to defining the concept of “sociocultural institution” and highlighting its inherent characteristics, in this article the author attempts to identify the status of genealogical research in Russia, which attracts an interest from an increasing number of people. The main goal and task set by the author is to determine the prospects for the development of genealogical research in Russia and the possibility of transforming its status to the level of a sociocultural institution.

Methodology and sources. The author relies on the works of domestic and foreign researchers on the problem of institutionalization in culture (such as M. Weber, Au. Comte, M. Hauriou, E. Durkheim, P. Sorokin, A.A. Radugin, O.A. Radugina, etc.), on the problems of human satisfaction of values (G. Hegel and K. Marx). The author also used articles and abstracts of dissertations on genealogy from 2000 to 2024, materials of social networks and podcasts: “GEN-TOK”, “History of you & GENTECH”, “Living Book” by I. Bivol, electronic journal “Genealogy for the whole family”, etc., video materials of GENTECH festivals.

Results and discussion. When considering the main features of a sociocultural institution and drawing a parallel with the level of demand for genealogical research, the author focuses on the diversity of meanings in the content of the activities carried out by participants in this process. Summarizing the functions that genealogical research could perform in the formation of spiritual and moral values of society, the author draw the parallel with the provisions of Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 N 145 “On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation”.

Conclusion. The results of the study allowed us to conclude that genealogical research in Russia is currently more of a sociocultural activity, about which we have heard a lot and know little. It has not become a familiar form, and, therefore, in demand and understandable for the majority of Russian families, but it has every chance of becoming not only a factor in their unity and the formation of historical memory, but also a traditional socio-cultural activity that is the norm in society, and not the exception.

Keywords: genealogy, genealogical research, sociocultural institute, history of the Family, spiritual and moral values, historical self-awareness

For citation: Abramova, M.A. (2024), “Prospects for the Development of Genealogy in Russia as a Socio-Cultural Institution”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 43–53. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-43-53 (Russia).

Введение. Некоторое удивление вызывает тот факт, что достаточно бурное развитие в России с начала XXI в. генеалогических исследований до сих пор недостаточно проанализировано с позиции их роли в формировании духовно-нравственных традиций в обществе, и в том числе как очевидный фактор воспитания патриотизма у подрастающего поколения.

Среди немногих известных публикаций, имеющих характер теоретического обобщения, можно назвать работы А. И. Бакиной, Ю. О. Бакиной, И. Н. Извекова, А. В. Матисона [1]. Так, Андрей Викторович, обобщая подготовленные диссертации по генеалогическим исследованиям в России за 25 лет (с 1991 по 2016 г.), отмечает небольшую группу работ, представляющих попытки философского осмысления историко-родословных исследований и их роли в формировании личности. К сожалению, мы должны констатировать, что за последующие девять лет к указанным им именам новых не добавилось. Появилось много интересных образовательных программ, в которых учителя истории и обществоведения активно используют генеалогический поиск как вид деятельности в процессе обучения и воспитания подрастающего поколения (например, [2, 3]), но каких-либо обобщающих исследований, дающих теоретическую почву для обоснования результативности данной деятельности в формировании духовно-нравственных ценностей общества, а также расширяющегося спектра ее видов, мы не нашли.

Можно предположить, что одной из причин сложившейся ситуации является то, что область оказалась междисциплинарной. Историкам интересно заниматься конкретными генеалогическими поисками. Педагогам важен результат обучения, а изучающим личную семейную историю теоретическое обобщение в принципе неважно. Фактически можно наблюдать удивительную картину. С одной стороны – поток конференций, чтений, марафонов, проводимых генеалогами, родоведами для представления результатов своих исследований, огромное число материалов, имеющих частный (истории Родов) и прикладной характер, описывающих алгоритмы поиска, а затем оформления архивных материалов [4–6]. И ведь на каждом мероприятии участники озвучивают то, насколько важной для общества работой они занимаются, как необходимо вовлекать в этот процесс молодежь. С другой стороны, мы видим, что данная сфера, не пройдя стадии институализации, фактически находится на рубеже между попыткой остаться в разделе теневой экономики (появилось даже понятие «коммерческая генеалогия») или продолжить движение к закреплению себя в роли традиционной социокультурной практики (как это уже делается в Татарстане [7]) или даже социокультурного института.

Данная статья имеет своей целью рассмотрение перспектив развития генеалогических исследований в России как социокультурного института. Сама постановка вопроса и попытка показать возможности трансформации статуса генеалогических исследований до уровня социокультурного института отражают новизну работы.

Методология и источники. Теоретико-методологической основой исследования выступают работы отечественных и зарубежных ученых по проблеме институализации в культуре: М. Вебера, О. Конта, М. Ориу, Э. Дюркгейма, П. Сорокина, П. Бергера, Т. Лукмана, А. А. Радугина, О. А. Радугиной и др. Рассмотрение удовлетворения материальных и духовных потребностей опирается на труды Г. Ф. В. Гегеля и К. Маркса. Материалы исследования, послужившие основой для обобщения: статьи и авторефераты диссертаций по генеалогии с 2000 по 2024 г., контент социальных сетей и подкастов: «ГЕН-ТОК» [8], «История тебя & ГЕНТЕХ» [9], «Живая книга» И. Бивол [10], электронный журнал «Генеалогия для всей семьи» [11] и другие, видеоматериалы фестивалей «ГЕНТЕХ» [12].

Результаты и обсуждение. Термин «институт» для обозначения организации, осуществляющей деятельность в исторически сформировавшемся и функционирующем по-

рядке, выполняющей определенную культурную функцию, порождающейся стихийно и не имеющей специального управления посредством учреждения или организации, впервые был представлен в работе правоведа М. Ориу «Основы публичного права» [13], где он рассматривал общество как совокупность огромного числа институтов. Как отмечает Ю. К. Краснов во вступительной статье к изданию: «Если первоначально тот или иной круг лиц, объединившись для совместных действий, образует организацию, то с момента, когда входящие в нее индивиды проникаются сознанием своего единства, она предстает уже институтом». Отличительным признаком института М. Ориу считал именно направляющую идею» [13, с. 6]. Тот факт, что базовым признаком является идея, объясняет, почему институты, приобретая устойчивый характер, обычно живут значительно дольше, чем создавшие их лица. Для М. Ориу институты были своеобразными идеальными моделями социальных отношений, а государство выступало «не как суверенитет, но как институт институтов» [13, с. 7].

И если М. Ориу выделял два типа институтов: корпоративные (торговые общества, ассоциации, государство, профсоюзы, церковь) и вещные (правовые нормы), то П. Бергер и Т. Лукман подчеркивали в первую очередь их контролирующий характер, который «присущ институционализации как таковой, независимо от того, как созданы какие-либо механизмы санкций, поддерживающих институты» [14, с. 93].

Заимствование термина «институт» социологией привело к использованию институционального подхода для анализа социального бытия. Использование же понятия в культурологии дало возможность не только исследовать социальные процессы, но и рассматривать социокультурные объекты (в согласии с подходом, предложенным П. А. Сорокиным [15]), в том числе взаимодействие людей через призму объединяющей их деятельности, выполняющей социально значимую функцию. Мы, конечно, максимально упростили и привели к первоисточнику (М. Ориу) признаки социокультурного института, выделив несколько его признаков:

- наличие объекта;
- наличие его участников (субъектов), вступающих во взаимодействие, наличие у них общей идеи;
- специфика организации их деятельности, нормы и предписания;
- регулирование участников (субъектов), существование общепринятой системы ценностей, санкций для регулирования участников;
- функции, выполняемые объектом (социальная, регулятивная, контролирующая, интегративная, транслирующая, коммуникативная).

А. А. Радугин и О. А. Радугина в данном ими определении уточняют, что «социокультурный институт представляет собой конструкт культуры, функционирующий в течение жизни ряда поколений, который базируется на общности ценностей, менталитета, идеологии, передающихся из поколения в поколение механизмами традиции и осуществляющий функции социализации, мобилизации и организации социальной и духовной энергии его членов» [16, с. 172]. Таким образом, указанные выше признаки уточнены по функциям, которые он выполняет, а также по длительности существования феномена, поскольку развитие социокультурного института является длительным процессом, затрагивающим жизнь не одного поколения.

Если рассматривать в согласии с перечисленными признаками стихийное развитие генеалогических исследований в России, то можно утверждать, что феномен скорее суще-

ствуется, чем отсутствует и, более того, в последние 15 лет активно развивается. Есть участники данного процесса, есть совместная деятельность данных участников, объединенная общей идеей. Хотя утверждать, что данный феномен появился только что, было бы совсем неверным, поскольку на Руси с генеалогией познакомились в XI в., переведя термин с греческого как «родословие». К концу XVII в. родословие перестает ограничиваться официальными генеалогическими документами и начинает включать красочное описание историй семей. К концу XIX в. в России формируются научные школы генеалогии Н. П. Лихачева и Л. М. Савелова [17]. К сожалению, в 1922 г. генеалогия стала рассматриваться как «нецелеобразная» наука и деятельность. Поэтому период 70-летнего забвения истории предков скорее можно назвать исключением из правила, чем нормой для истории России, а известный всем тезис: «Сын за отца не в ответе», в какой-то мере поясняет информационные разрывы в исторической памяти семей, когда безопаснее было не помнить. Возможно, поэтому Ю. О. Баикина назвала просыпающийся интерес современного общества к генеалогической культуре, к родословной традиции – императивом времени [18, с. 7].

Для анализа по признаку специфичности организации деятельности генеалогов и родоведов, внутренних норм и предписаний, способов регулирования участников (субъектов) мы познакомились с деятельностью различных современных сообществ, содержанием блогов, подкастов, программ конференций, марафонов. Результаты обобщения показали, что взаимодействие участников носит сетевую форму, вследствие чего регулирование деятельности членов групп определяется чаще локальными «нормативными актами» на уровне коммуникативных практик. И если на первом этапе входа ограничений для участников, по сути, нет, то для дальнейшего их продвижения основное, что требуется – это желание, время и финансирование, поскольку даже самостоятельный сбор информации требует оплаты государственных пошлин и услуг по копированию, пересылке информации.

Что касается утверждения авторитетов и внутренней конкуренции среди специалистов, то при достаточно широком спросе извне пространства для неконфликтного их существования пока достаточно. И даже попытки дискредитации качества проведенного исследования по принципу наличия или отсутствия диплома о профессиональном образовании у исполнителя не всегда срабатывают. Так, по комментарию А. Бодылевой, создателя ГЕН-ТОКа, полученное ею образование на факультете технотронных архивов и документов Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета потребовало получения дополнительных знаний и навыков для сбора информации об истории Рода [19]. То есть генеалогические исследования представляют собой достаточно специфическую область, требующую определенного опыта взаимодействия с архивами, знания истории не только региональной России, но и других стран, и многих других компетенций, которые, обучаясь на одном факультете, получить сложно. Это белое пятно в образовательной сфере в последнее десятилетие активно нейтрализуют сами генеалоги и родоведы, организуя курсы для желающих воссоздать историю семьи. И надо отметить, что чем больше появляется желающих как с одной стороны, так и с другой, тем доступнее становится «сакральное» знание и тем меньше шансов манипуляции с ним у желающих коммерциализировать данную область.

В остальном же вход в генеалогические сообщества скорее можно назвать открытым, не предъявляющим к «новичкам» каких-то особых требований. Создатели, наоборот, благо-

склонны к расширению своей аудитории. И более того, судя по широкому спектру возможностей, которые предоставляют генеалогические изыскания для самореализации специалистов, – это достаточно активная зона формирования новых рабочих мест в России. Ведь людям не только важно найти информацию о своих родственниках, но и сохранить ее, а это уже дает простор для развития дизайн-издательских услуг, фотографов, реставраторов фотографий и личных вещей, которые находят потомки в «бабушкиных сундуках», и пр.

Ситуация с нарождающейся индустрией, обеспечивающей генеалогические исследования, с одной стороны, противоречит марксистской трактовке определяющей роли материального производства в развитии общества и ближе к гегелевской концепции, поскольку фактически толчок к появлению новых профессиональных ниш, а также производству ранее нераспространенных аксессуаров сохранения семейных реликвий дали потребности людей, причем не материальные, а именно духовные. С другой стороны – мы понимаем, что если отталкиваться от описания К. Марксом цепочки перехода человека от удовлетворения материальных потребностей к социальным, когда начинает действовать закон возвышения потребностей, то это вполне соответствует реальности многих российских семей, которые не станут заниматься генеалогическими изысканиями, не удовлетворив другие, более примитивные потребности. Иными словами, или уровень благосостояния семей должен быть таким, чтобы появились возможности для формирования фундамента исторической памяти своего Рода, или потребность в поиске основы в тревожные времена должна быть настолько высокой, что даже при неудовлетворительном финансовом состоянии люди будут находить ресурсы для изысканий. Есть, конечно, и третий посыл – это удовлетворение потребности в развитии и самореализации, которое неожиданно происходит за счет того, что человек творчески начинает подходить к процессу и придумывает новые способы сохранения памяти о своих предках. Одним из примеров служит рассказ Е. С. Юдаевой¹ на «ГЕНТЕХ Санкт-Петербург. Фестиваль семейной истории» (30 марта 2024 г.) о создании цифрового образа своей бабушки.

Таким образом, если рассматривать что-то общее в деятельности тех, кто осуществляет генеалогические исследования, то скорее можно выделить идею, чем специфику формы и содержания, поскольку форма проведения исследований зависит от запросов, возможностей в буквальном смысле этого слова, и мы бы добавили от степени творчества участников, фантазия которых иногда способна творить невозможное. Кто-то осуществляет поиски сам, оплачивая только услуги архивов и ЗАГСов, собственный проезд к местам проживания родственников. Кто-то оплачивает услуги коммерческих генеалогов, в том числе и их командировки к месту поиска. И, соответственно, содержание исследования также зависит от запросов ищущих.

Что касается идеи, то вроде бы на поверхности она одна у всех участников процесса – сохранение истории семей. Но для одного это вопрос сохранения истории для своих потомков, для второго – это, скорее, игра в «исторический детектив», а для третьего – вид заработка. Обилие коммерческих предложений по участию в марафонах, получения индивидуальной консультации, составления запросов в архивы по требованию заказчика является тому подтверждением. Есть и те, кто удивительным образом совмещает помощь первым, опираясь на свои идейные соображения, черпая энергию в детективном характере деятель-

¹ Екатерина Юдаева. Научный коммуникатор, автор междисциплинарных проектов, лектор. Области интересов: art & science, death studies, digital humanities (<https://ekaterinayudaeva.tilda.ws/> [20]).

ности, но при этом не забывая восполнять свои финансовые затраты на процесс, поскольку «каждая работа должна быть вознаграждена». Поэтому идея в ее абсолютной конструкции приобретает особые черты в индивидуальном воплощении. Является ли это причиной, по которой можно снижать ценность генеалогических исследований для формирования духовно-нравственных ценностей общества? Мы полагаем, что нет. Для аналогии, рассматривая исследователей в любой другой области, можно также говорить о разнице в их целях прихода в науку. В данном же контексте, фокусируя внимание не на науке в целом, а именно на стихийно увеличивающемся запросе на генеалогические исследования, мы наблюдаем одновременно и расширение научного знания, и усиление его прикладного воплощения. Одним из ярких свидетельств, а также факторов усиления интереса к истории предков является «Бессмертный полк», уже ставший традиционной социокультурной практикой сохранения памяти о тех, кто воевал, и о тех, кто ковал победу в тылу. Увеличение с каждым годом желающих примкнуть к этому шествию, как в реальности, так и посредством социальных сетей, свидетельствует об огромной потребности найти связующую нить с историей своей семьи и показать, насколько потомки гордятся ею. Это и является новым форматом патриотического воспитания и фактически одним из этапов формирования мотивации к проведению собственных генеалогических исследований истории Рода.

Остается последний из признаков – функции социокультурного института, которые выполняют генеалогические исследования. Заметьте, в данном случае мы не говорим о науке генеалогии, мы рассматриваем саму деятельность, которая осуществляется отдельными лицами или группами людей, не всегда имеющих даже одни и те же ценности, устремления идеи и пока не объединенных в рамках одного учреждения (организации). В этом контексте хотелось бы привести несколько фраз из Указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», в котором записано, что «Россия исторически является одной из мировых научных держав: отечественные научная и инженерная школы эффективно решали задачи социально-экономического развития и обеспечения безопасности страны, внесли существенный вклад в накопление человечеством научных знаний и создание передовых технологий» [21]. Вроде бы, очевидный факт внесен в официальный документ. Зачем? Затем, что тридцатилетнее умалчивание его в рамках общеобразовательной подготовки и восхваление достижений других государств привело к формированию поколений, для которых этот факт нужно доказывать и подтверждать. Получение знаний из истории собственных семей является одним из лучших аргументов в споре о том, что России есть чем гордиться. Поддерживая взаимосвязь между знанием истории Рода и чувством патриотизма, П. Флоренский писал: «Надо чувствовать за собою прошлое, культуру, род, родину. У кого нет рода, у того нет и Родины, и народа. Без генеалогии нет патриотизма...» [22, с. 29]. Для сравнения ценности традиции сохранения информации о семье достаточно обратиться в качестве примера к практике сохранения истории поколений в Китае, где сама фамилия уже несет информацию о Роде, его членах, их вкладе в историю культуры страны. Считалось, что чем выше образование у человека, тем больше поколений своих предков он должен знать. У многих семей сохранилась традиция 14 поминальных табличек в семейном склепе. То есть история Рода известна до 14 поколений вглубь. И эта социокультурная практика создает собой стержень формирования не только памяти Рода, истории общества в целом, но и структурирует отношения в современном обществе Китая.

Обобщая остальные пункты данного Указа Президента, можно найти и то, что одним из факторов научно-технологического развития является «размывание дисциплинарных и отраслевых границ в научных исследованиях и разработках», чему, бесспорно, является пример генеалогических исследований, а также то, что «резкое увеличение объема научно-технологической информации» приводит к возникновению «принципиально новых способов работы с ней и усложнению форм организации, аппаратных и программных инструментов проведения научных исследований и разработок» [21].

Конечно, мы понимаем, что данный посыл скорее ориентирован на сферу естественных наук, но, с другой стороны, разве сфера генеалогии не под влиянием этого же увеличения потока информации, а также запросов от увеличивающегося числа исследователей? Разве она не вынуждена разрабатывать новые способы обработки информации для получения результатов? Более того, можно утверждать, что именно в ответ на возрастающее количество и разнообразие запросов многие архивы стараются оцифровать имеющиеся у них документы и даже предоставить к ним открытый доступ. Конечно, эта благоприятная тенденция для многих исследователей раскрывает новые горизонты поиска, сокращает время на розыски, делает их более доступными, что снижает риск дальнейшей коммерциализации генеалогических исследований. Но, с другой стороны, в свете обозначенных Президентом стратегий развития РФ важно и увеличение финансирования архивов для роста возможностей по оцифровке материалов и создания электронных баз данных. Ведь в конечном итоге такие меры будут только способствовать противодействию «социокультурным угрозам, терроризму и экстремистской идеологии, деструктивному иностранному информационно-психологическому воздействию... укреплению обороноспособности и национальной безопасности страны в условиях роста гибридных угроз» [21]. Все вместе это, действительно, не позволит фальсифицировать историю страны и ее вклад в мировые достижения, т. е. создаст «возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом возрастающей актуальности синтетических научных дисциплин, созданных на стыке психологии, социологии, политологии, истории и научных исследований» [21].

При этом, рассматривая генеалогические исследования как некий пример синтеза различных дисциплин, на самом деле мы забываем, что сведения о родстве и родственных связях сопровождали человека с момента осознания себя частью Рода. Поэтому в данном контексте генеалогия, по сути, является протознанием, сохраняющим сведения не столько о происходивших событиях, сколько о родовых и этногенетических преданиях, истории, традициях, которые становятся основой формирования социальной памяти общества. Еще П. Флоренский писал, что любовь к своему конкретному корню – это любовь к корню личности, истории бытия. Это знание семьи и рода для каждого, кто хочет осознать свое место на земле, «только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества, но обычно не понимают этого и родовым самопознанием пренебрегают» [23, с. 19–20].

Заключение. Таким образом, представленный анализ соответствия/несоответствия признакам социокультурного института позволяет сделать вывод, что генеалогические исследования в России действительно имеют все перспективы со временем при определенной поддержке государством хотя бы участвующих в данном процессе бюджетных организаций, таких как архивы, музеи, электронные библиотеки, сформироваться в социокультурный ин-

ститут, задачей которого будет не только привлечение талантливой молодежи, но и патриотическое воспитание в целом, что в конечном итоге станет одной из мер, «направленных на обеспечение преемственности (непрерывности) в интеллектуальном и ценностно-мировоззренческом развитии научных кадров... и ее закрепления в этой сфере» [21].

На данный момент можно заключить, что генеалогические исследования в России являются скорее социокультурной деятельностью, о которой много слышали, но пока мало знают. Она не стала формой привычной, а следовательно, традиционной для большинства российских семей, в которых еще недостаточно мотивации не только для сохранения памяти о потомках, но даже для сохранения гармоничных отношений между несколькими живущими поколениями родственников. В противовес этому мы можем смело утверждать, что общее дело сплачивает любую семью, поэтому, когда ее члены начинают совместное проведение генеалогических поисков, это становится не только прекрасным способом формирования исторической памяти, но и одним из факторов выстраивания коммуникационного пространства между разными поколениями, гармонизирующим семейные отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матисон А. В. Отечественные диссертационные исследования по российской генеалогии (1991–2016 гг.) // Российская генеалогия: научный альманах. Вып. 2. М.: Старая Басманная, 2017. С. 7–17.
2. Занимательная генеалогия для детей всех возрастов. Вып. 1–3 / сост. Е. В. Бибикина. Ярославль: Ремдер, 2006.
3. Ковалева А. Моя семья. Развивающие задания и игра для детей 3–4 лет. М.: Сфера, 2015.
4. Андреев А. Р., Андреев М. А. Создай свою родословную. Как самому без больших затрат времени и средств найти своих предков и написать историю собственного рода. М.: Центрполиграф, 2015.
5. Краско А. В. Школа практической генеалогии. М.: РНБ, 2015.
6. Латышкова О. Моя семья. М.: Белый город, 2014.
7. Саримова Л. Гульнара Габдрахманова: «Мы создаем родословную каждой семьи Татарстана» // Татар Информ. 03.07.2023. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/gulnara-gabdraxmanova-my-sozdayom-rodoslovnuyu-kazdoi-semi-tatarstana-5911089> (дата обращения: 02.04.2024).
8. ГЕН-ТОК. URL: <https://web.telegram.org/k/#@gentalkhistory1> (дата обращения: 02.04.2024).
9. История тебя & ГЕНТЕХ. URL: <https://web.telegram.org/k/#@historyofyou> (дата обращения: 02.04.2024).
10. Бивол И. Генеалогия. Родословная. URL: https://vk.com/wall-124290979_9401 (дата обращения: 02.04.2024).
11. Дорогая Е. Генеалогия для всей семьи. URL: <https://nashe-rodoslovie.ru/> (дата обращения: 02.04.2024).
12. ГЕНТЕХ. URL: <https://genealogicalforum.ru/> (дата обращения: 02.04.2024).
13. Ориу М. Основы публичного права / пер. с фр. М.: ИНФРА-М, 2021.
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
15. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000.
16. Радугин А. А., Радугина О. А. Социокультурный институт как идеальный конструкт культуры // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2, № 1. С. 165–173.

17. Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии в России // История и генеалогия. М.: Наука, 1977. С. 57–79.
18. Баикина Ю. О. Генеалогическая традиция и потенциал семьи в системе факторов формирования духовных ценностей личности: автореф. дисс. ... канд. социол. наук / ТюмГНГУ. Тюмень, 2005.
19. Бодылева А. Генеалогия: как искать, не зная ни дат жизни, ни места рождения. Мой кейс // YouTube. 14.05.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v3faFQJSzRY> (дата обращения: 21.04.2024).
20. Екатерина Юдаева. URL: <https://ekaterinayudaeva.tilda.ws> (дата обращения: 21.04.2024).
21. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 21.04.2024).
22. Флоренский П. Об историческом познании // Сочинения: в 4 т. Т. 3 (2). М.: Мысль, 2000. С. 8–66.
23. Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогическое исследование. Из Соловецких писем. Завещание. М.: Моск. рабочий, 1992.

Информация об авторе.

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук (2004), профессор (2019), ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор более 400 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология образования, кросс-культурные исследования, изучение проблем адаптации молодежи, модели мультикультурализма.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.04.2024; принята после рецензирования 29.05.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.

REFERENCES

1. Matison, A.V. (2017), "Dissertations on Russian genealogy writt en in Russia in 1991–2016", *Rossiiskaya genealogiya: nauchnyi al'manakh* [Russian genealogy: a scientific almanac], iss. 2, Staraya Basmannaya, Moscow, RUS, pp. 7–17.
2. Bibikova, E.V. (2006), *Zanimatel'naya genealogiya dlya detei vseh vozrastov* [An entertaining genealogy for children of all ages], iss. 1–3, Remder, Yaroslavl', RUS.
3. Kovaleva, A. (2015), *Moya sem'ya. Razvivayushchie zadaniya i igra dlya detei 3-4 let* [My family. Educational tasks and games for children 3-4 years old], Sfera, Moscow, RUS.
4. Andreev, A.R. and Andreev, M.A. (2015), *Sozdai svoyu rodoslovnuyu. Kak samomu bez bol'shikh zatrat vremeni i sredstv naiti svoikh predkov i napisat' istoriyu sobstvennogo roda* [Create your family tree. How to find your ancestors yourself without much time and money and write the history of your own family], Tsentrpoligraf, Moscow, RUS.
5. Krasko, A.V. (2015), *Shkola prakticheskoi genealogii* [School of practical genealogy], RNB, Moscow, RUS.
6. Latyshkova, O. (2014), *Moya sem'ya* [My family], Belyi Gorod, Moscow, RUS.
7. Sarimova, L. (2023), "Gulnara Gabdrakhmanova: "We create a pedigree of every family in Tatarstan"", *Tatar Inform*, 03.07.2023, available at: <https://www.tatar-inform.ru/news/gulnara-gabdraxmanova-my-sozdayom-rodoslovnuyu-kazdoi-semi-tatarstana-5911089> (accessed 02.04.2024).
8. *GEN-TOK*, available at: <https://web.telegram.org/k/#@gentalkhistory1> (accessed 02.04.2024).
9. *Istoriya tebya & GENTEKh*, available at: <https://web.telegram.org/k/#@historyofyou> (accessed 02.04.2024).

10. Bivol, I., *Genealogiya. Rodoslovnaya* [Genealogy. Lineage], available at: https://vk.com/wall-124290979_9401 (accessed 02.04.2024).
11. Dorogaya, E. *Genealogiya dlya vsej sem'i* [Genealogy for the whole family], available at: <https://nashe-rodoslovie.ru/> (accessed 02.04.2024).
12. *GENTEKh*, available at: <https://genealogicalforum.ru/> (accessed 02.04.2024).
13. Hauriou, M. (2021), *Principes de Droit Public*, Transl., INFRA-M, Moscow, RUS.
14. Berger, P. and Luckmann, T. (1995), *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*, Transl. by Rutkevich, E., Medium, Moscow, RUS.
15. Sorokin, P.A. (2000), *Social and cultural dynamics: Studies of changes in large systems of art, truth, ethics, law, and public relations*, Transl. by Sapov, V.V., RHGI, SPb., RUS.
16. Radugin, A.A. and Radugina, O.A. (2012), "Sociocultural institute as an ideal cultural construct", *Pushkin Leningrad State Univ. J.*, vol. 2, no. 1, pp. 165–173.
17. Aksenov, A.I. (1977), "An essay on the history of genealogy in Russia", *Istoriya i genealogiya* [History and genealogy], Nauka, Moscow, RUS, pp. 57–79.
18. Baikina, Yu.O. (2005), "Genealogical tradition and the potential of the family in the system of factors of formation of spiritual values of the individual", Abstract of Can. Sci. (Sociology) dissertation, TyumGNGU, Tyumen', RUS.
19. Bodyleva, A. (2020), "Genealogy: how to search without knowing either the dates of life or the place of birth. My briefcase", *YouTube*, 14.05.2020, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=v3faFQJSzRY> (accessed 21.04.2024).
20. *Ekaterina Yudaeva*, available at: <https://ekaterinayudaeva.tilda.ws> (accessed 21.04.2024).
21. "Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 N 145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation"", *President of Russia*, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (accessed 21.04.2024).
22. Florenskii, P. (2000), "On Historical Knowledge", *Sochineniya* [Works], in 4 vol., vol. 3 (2), Mysl', Moscow, RUS, pp. 8–66.
23. Florenskii, P. (1992), *Detyam moim. Vospominaniya proshlykh dnei. Genealogicheskoe issledovanie iz Solovetskikh pisem. Zaveshchanie* [To My Children. Memories of Past Days. Genealogical Research. From the Solovetsky Letters. Testament], Mosk. rabochii, Moscow, RUS.

Information about the author.

Maria A. Abramova – Dr. Sci. (Pedagogy, 2004), Professor (2019), Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of more than 400 scientific publications. Area of expertise: sociology of education, cross-cultural studies, study of problems of adaptation of youth, models of multiculturalism.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.04.2024; adopted after review 29.05.2024; published online 20.11.2024.*

Оригинальная статья
УДК 316.77; 316.334.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-54-64>

Эстетика негативной коммуникации: конфликты журналистов и чиновников

Анна Михайловна Огороднова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
annaogorodnova@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9993-0461>*

Введение. В статье предложен эстетический аспект описания коммуникации между журналистами и политиками. Проблематизируются драматургический, имиджевый, потребительский контексты медиакommunikации, содержащие, по нашему мнению, эстетическую составляющую. Эстетический взгляд на тему, традиционно относимую к политологической или социологической областям знания, позволяет увидеть стороны человеческой деятельности, возможно, менее заметные, но не менее влияющие на воспроизводство социального порядка.

Методология и источники. Анализ ситуаций, описанных в статье, реализован в традиции интерпретативной социологии, рассматривающей социальную коммуникацию как конститутивный фактор поведения и деятельности людей. Используются принципы драматургической социологии И. Гофмана, теоретические наблюдения авторов, работающих в области символической политики, концептуальные рассуждения, изложенные в эссе Ф. Анкерсмита «Политическая репрезентация», в частности применяемый им термин «репрезентация» по отношению к политике.

Результаты и обсуждение. Для анализа были отобраны ситуации, которые могут быть отнесены к категории негативной коммуникации между журналистами и политиками. Последняя определяется как действие, способное провоцировать негативные эмоции и чувства участников коммуникации и таким образом дезориентировать их относительно развития и последствий коммуникативной ситуации. Полученные результаты исследования подтверждают, что понятие «негативная коммуникация» позволяет не только фиксировать эмоциональный модус профессиональной деятельности и межпрофессиональной коммуникации политиков и журналистов, но и предложить эстетический взгляд на профессиональную коммуникацию.

Заключение. Ситуационный анализ конфликтов в профессиональной среде, реализованный в традиции интерпретативной социологии, раскрывает их зрелищность, прогнозируя формы переживания, и позволяет рассматривать их, с одной стороны, как произведения искусства, с другой – как моральные истории для социального воспитания. Эстетическая политическая репрезентация является важнейшей потребностью любого гражданского общества, а ее реализация неразрывно связана с политическим просвещением.

Ключевые слова: негативная коммуникация, эстетика политики, взаимодействие политиков и журналистов, эстетический аспект, коммуникативное давление, политическая репрезентация

Для цитирования: Огороднова А. М. Эстетика негативной коммуникации: конфликты журналистов и чиновников // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 54–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-54-64.

© Огороднова А. М., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Aesthetics of Negative Communication: Conflicts of Journalists and Officials

Anna M. Ogorodnova

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
annaogorodnova@ya.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9993-0461>*

Introduction. The article proposes an aesthetic aspect of describing communication between journalists and politicians. The dramaturgical, image and consumer contexts of media communication, which, in our opinion, contain an aesthetic component, are problematized. An aesthetic look at the topic traditionally attributed to political science or sociological fields of knowledge allows us to see aspects of human activity that are perhaps less noticeable, but no less influential on the reproduction of the social order.

Methodology and sources. The analysis of the situations discussed in the article is implemented in the tradition of interpretive sociology, which considers social communication as a constitutive factor in the behavior and activities of people. The principles of dramaturgical sociology of I. Hoffmann, theoretical observations of authors working in the field of symbolic politics, conceptual reasoning set out in F. Ankersmit's essay "Political Representation" are used, in particular the term "representation" he uses in relation to the politician.

Results and discussion. Situations that can be classified as negative communication between journalists and politicians were selected for analysis. The latter is defined as an action that can provoke negative emotions and feelings of communication participants, and thus disorient them regarding the development and consequences of the communicative situation. The obtained research results confirm that the concept of "negative communication" allows us to capture not only the emotional mode of professional activity and interprofessional communication of politicians and journalists, but also to offer an aesthetic view of professional communication.

Conclusion. Situational analysis of conflicts in a professional environment, implemented in the tradition of interpretive sociology, reveals their spectacularity, predicting the forms of experience, and allows us to consider them, on the one hand, as works of art, on the other, as moral stories for social education. Aesthetic political representation is the most important need of any civil society, and its implementation is inextricably linked with political education.

Keywords: negative communication, aesthetics of politics, interaction of politicians and journalists, aesthetic aspect, communicative pressure, political representation

For citation: Ogorodnova, A.M. (2024), "Aesthetics of Negative Communication: Conflicts of Journalists and Officials", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 54–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-54-64 (Russia).

Введение. Эстетическая интерпретация конфликтов между политиками и журналистами в профессиональной среде означает сдвиг интереса с содержания их профессиональной деятельности к ее форме. На наш взгляд, такая смена исследовательской оптики возможна в рамках игровой коммуникации. Игровое взаимодействие может быть представлено как модель, включающая не только игровые действия. Оно может включать сложные сценарии, где одни участники играют, другие делают ставки, а третьи просто наблюдают, не участвуя [1, с. 169–170]. Нам кажется, что в рамках такой модели раскрываются новые стороны инте-

ресующей нас темы, а именно профессиональной коммуникации политиков и журналистов. Предмет исследования – конфликтное взаимодействие политиков и журналистов как ресурс профессиональной самоидентификации. Коммуникационные игры политиков и журналистов с их высоким накалом и степенью вовлеченности всех сторон позволяют представить структуру профессионального взаимодействия в концентрированной форме. Цель исследования – выявить эстетическую составляющую взаимодействия политиков и журналистов. Методологической базой стали субъектно- и практико-ориентированные теории социальной деятельности при описании профессиональной (само)идентификации политиков и журналистов, в частности взгляд на социальную коммуникацию как на конститутивный фактор поведения и деятельности людей. Эмпирическая база исследования – публикации 2023–2024 гг. в средствах массовой информации, содержащие сюжеты взаимодействия журналистов и политиков, опубликованные в федеральных изданиях, региональной периодической печати и сети Интернет, а также анализ официальных аккаунтов и личных страниц российских чиновников, журналистов и блогеров в социальной сети Вконтакте, Telegram.

Методология и источники. Анализ взаимодействия субъектов политических отношений как эстетического феномена ведет свою историю от античной литературы и драматургии. Эстетические темы можно обнаружить в философии Платона. Рассуждая в своей «Политии» о разуме, философ отмечал: «Разум, будучи прекрасен, кроток и чужд насилия, нуждается в помощниках при своем руководстве, так чтобы в нас золотой род побеждал остальные роды» [2, с. 645].

По мнению французского исследователя Ф. Лаку-Лабарта, анализ античного политического дискурса позволяет обнаружить в нем «функцию эстетизации политики, и поставить радикальный вопрос о возникновении поэтики из политического дискурса, из философского дискурса о политике» [3, с. 7].

Давид Панагия в своей работе «10 тезисов о политической эстетике» использовал для анализа эстетического контекста политики такие понятия, как «явленность (advenience) видимого», «восприятие», «моментальность», «точки зрения и деятельности» [4]. Политический смысл эстетического переживания в его неопределенности и освобождении от власти необходимости. То, что «оно случайно», продолжает свою мысль Панагия, не означает, что мы не должны на это обращать внимания. Напротив, сама по себе демонстрация эстетического опыта уже имеет политическое значение.

Эстетическая сторона политики специально рассматривается Ф. Анкерсмитом, который в своем эссе отмечает, что политика не представляет собой раздел этики, наоборот, суть политики в ее «разорванности» – эстетике [5, с. 191–193]. Ключевой термин, используемый Анкерсмитом, – «репрезентация». Он предлагает применять его, характеризуя не только гражданина, но и его представителя, т. е. политика. Эстетическая политическая репрезентация реализует важнейшую потребность любого гражданского общества, а именно потребность в образе самого себя. Усилия государства по реализации этой потребности связаны с политическим просвещением.

Развивая мысль голландского политического философа, С. Н. Федорченко выделяет шесть направлений осмысления политической реальности как эстетического феномена: рассмотрение политики как особого вида искусства, включающее в себя создание полити-

ческих образов врагов, друзей/союзников, политическую игру и искусство убеждения; выделение политических технологий как стилей, различающих субъектов по объективности их политической реальности (партии, движения, кандидаты, государства и политтехнологии); исследование механизмов манипулятивного воздействия политических произведений (реклама, речи, мифы, пропаганда в кино, мультфильмах, комиксах, играх, театре) на общественное сознание; выявление роли политических произведений в формировании культуры и идентичности в разных странах; исследование учреждений представительной демократии, которое включает в себя анализ политической репрезентации и принципов «эстетической дистанции» между избранниками и избирателями, а также использование методов электронного управления и демократии. Кроме того, важным аспектом является личностное изображение политического актора, включая биографический подход к изучению членов властных элит, кандидатов и политических лидеров [6].

Эстетическое описание политики получило свою реализацию в исследовании политической театральности [7, 8], эстетики власти [9], описании политического дискурса и самопрезентации политиков, изучении символической политики [10–13].

С. П. Поцелуев подчеркивает, что инсценирование и эстетизация как направления символической политики используются в качестве средства несилового признания власти, как целенаправленное продвижение в публичном пространстве политических смыслов через язык, заставляющий работать наше воображение и вызывать яркие эмоции. Вслед за Т. Майер и М. Кампман он предлагает рассматривать политическую театральность как изобразительную деятельность, которая посредством активного тела и/или его медиатизированных образов стремится к достижению рассчитанных эффектов у публики. Использование театральной метафоры при описании политического поведения раскрывает эмоциональную составляющую взаимодействия между политиками и гражданами, позволяет описать тщательно продуманные приемы, с помощью которых можно вызвать у зрителя определенные эмоции (смех, слезы, раздумья и т. д.). Режиссура политического театра значительно более расчетлива, нежели в театре художественном, театрализация политики всегда инструментальна. Современный «политический театр» разыгрывается на четырех взаимосвязанных площадках – своеобразных аренах [14, с. 32–33]:

- 1) арена повседневного общения, где политики взаимодействуют в рамках рутинной политической деятельности;
- 2) арена публичных выступлений политических деятелей перед «живой» аудиторией, учитывая возможности медиа;
- 3) арена публичного представления политики перед широкой аудиторией в средствах массовой информации;
- 4) арена интерактивного политического представления, рассчитанного на всевозможную аудиторию и виртуальное общение.

Как отмечает А. А. Грякалов, «эстетическое при всем его внимании к дигитальным арт-практикам и электронно-сетевому творчеству выступает прививкой против “виртуальной шизофрении”» [15, с. 50], позволяет выйти за пределы навязчивой «лингвостерии» инфосреды и «не дает политическому дискурсу стать “мономаниакальным”» [15, с. 51]. По мнению А. А. Грякалова, эстетическое топологически соотнесено с политическим.

Он вводит понятие «Homo Aestheticus» в своей работе «Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос Homo aestheticus» для определения того, кто интенсивно проживает свой опыт, чьи представления понуждают к пристальному всматриванию и вслушиванию в мир. Исследователь подчеркивает, что «жизненная обращенность эстетического непосредственно коррелирует с политическим – сознанием и существованием» [15, с. 50]. По его мнению, бесспорность политического выявляется именно в эстетическом и придает первому событийный характер, добавляя видимую фактичность.

Еще одно ценное наблюдение, задающее эстетический модус восприятию политики, связано с именем В. Беньямина, который, используя аналогию актерской игры и профессиональной деятельности политиков, отмечает: «Общность проявляется как в содержании указанных видов деятельности, так и в форме их самопрезентации» [16].

Результаты и обсуждение. Информационная среда журналистской деятельности, пожалуй, как никакая другая, ориентирована на формирование образа лица и/или события, способна его усилить или, наоборот, серьезно ослабить. Тем самым именно информационное поле – та территория, на которой политика конструирует «образы настоящего и будущего, привлекая для их обоснования те или иные картины истории. И в этом смысле проекции политики стремятся предстать как эстетически оформленные» [15, с. 51]. Уточняя театральный контекст политического поведения, исследователи пишут: «В медиасреде политик, подобно актеру, превращается в самореферентного актора, который начинает конструировать свой образ и представлять самого себя уже перед “аппаратными средствами”, т. е. перед зрительской аудиторией, но не перед обществом как таковым» [17, с. 88].

Эстетически-визуальный ряд так называемых информационных войн политиков и журналистов наполняет политический дискурс эмотивно-психологическими характеристиками, способствуя дальнейшей виртуализации (дереализации) политической жизни и становясь одним из инструментов символической политики. Любая конфликтная ситуация включает в себя два принципиальных момента: информационно-технический и контентно-психологический. Первый, по мнению Л. Н. Синельниковой, предполагает применение информационно-коммуникационных технологий (электронных СМИ, социальных сетей, теле- и радиовещания) в качестве инструментов информационного влияния, защиту собственных информационно-технических систем, а также возможное выведение из строя или нарушение работы информационных систем противника. Второй момент – собственно информационный, т. е. «контент (новостные и аналитические материалы, аудио-, фото-, видеоинформация), оказывающий влияние на сознание и поведение целевой аудитории. Как правило, этот контент имеет признаки тенденциозности, пропаганды или компромата» [18, с. 96]. Для дискурса информационной войны характерно избыточное внимание к одним информационным поводам и недостаточное – к другим. Ленты новостей включают в себя многочисленные фейки – подделки фото- и видеоматериалов. Реальная информация смешивается с ошибочной, отсутствуют критерии, позволяющие отличить правду от лжи. Как следствие, размываются сложившиеся нормы журналистской этики, что сопровождается резким снижением ответственности за ложную или недостоверную информацию. СМИ конструируют медиареальность. «Эта реальность складывается из интерпретаций произошедших, происходящих или имеющих возможность произойти событий. Каждая из

интерпретаций сама становится событием и, раскручивая эту спираль, влечет за собой другие» [18, с. 96]. Информационные войны, интегрируя эстетическое в политический дискурс, устанавливая взаимную корреляцию эстетических образов и политических событий, разрушают границы вменяемой политической реальности и создают симуляционное смысловое пространство, открытое для дальнейших спекулятивных технологий и практик.

Таким образом, драматургический, имиджевый, потребительский контексты медиакоммуникации делают выпуклой эстетическую составляющую профессиональной коммуникации.

Рассмотрим ряд ситуаций взаимодействия между журналистами и политиками (или чиновниками), выделив в них эстетическую составляющую.

Первая ситуация относится к сентябрю 2023 г. и не завершена до сих пор. Популярный блогер Топаз (более 155 тыс. подписчиков), по совместительству военнотружущий диверсионно-штурмовой разведывательной группы «Русич» Евгений Рассказов [19], обратил внимание на статью председателя комитета Государственной думы РФ, члена фракции «Справедливая Россия – За правду» и лидера партии «Патриоты России» в 2005–2021 гг. Геннадия Семигина о сыне главы Чеченской Республики Адаме Кадырове и российских бойцах, опубликованную на сайте «Патриоты России». Блогер сделал фото статьи, в которой депутат нелестно отзывается о русских солдатах и ставит в пример отдельно взятое спецподразделение, находящееся в составе войск национальной гвардии России, которое дислоцируется в Чеченской Республике, входящей в состав Северо-Кавказского федерального округа (новость в настоящий момент удалена с ресурса) [20]. Сам Семигин позже в разговоре с журналистами заявил, что сайт был взломан. Однако в связи с тем, что новость активно освещалась в СМИ и обсуждалась в социальных сетях, Семигин подал на блогера иск о защите чести. По итогам рассмотрения дела суд вынес решение в пользу политика и обязал Топаза удалить несколько постов, опубликовать их опровержение и признать правоту Семигина в части взлома сайта «Патриоты России». Кроме того, Топазу был назначен штраф в 500 тыс. руб. в пользу Г. Ю. Семигина (из 6,3 млн руб., которые требовала сторона истца из расчета 30 руб. за каждый просмотр читателями порочащих истца текстов). В настоящий момент блогер Топаз в свою очередь подал апелляцию на пересмотр решения суда.

Следующую историю можно назвать «поиск правды в суде». 29 мая 2024 г. было вынесено решение по иску депутата Государственной думы РФ Сарданы Авксентьевой (партия «Новые люди») о защите чести и достоинства. Поводом для обращения в суд стала информация о том, что журналист Антон Красовский в программе «Антонимы» обнародовал данные, что «Авксентьева, будучи мэром Якутска, была причастна к убийству животных». Помимо компенсации в размере 30 тыс. руб., суд обязал журналиста опубликовать опровержение в газете «Коммерсант». 5 июня 2024 г. разные СМИ опубликовали новость о том, что бывший руководитель одного из департаментов телеканала RussiaToday репортер Антон Красовский обратился с призывом к своим подписчикам разделить его финансовое бремя выплаты компенсации по иску депутата Государственной думы РФ Сарданы Авксентьевой и организовал сбор средств на сумму 30 тыс. руб. Пост с обращением появился в его телеграм-канале [21]. Объясняя свою просьбу, он писал, что вот уже 7 месяцев не имеет работы и потому «обращаюсь к своим друзьям, читателям, собаководам. Помогите выплатить граж-

данке присужденную сумму. Не обидьте. Депутатская честь России дорога» [22]. Предваряя свою просьбу, журналист выступил с опровержением приписанных ему слов в адрес бывшего мэра Якутска. На обращение А. Красовского откликнулся главный редактор «Учительской газеты», член Общественной наблюдательной комиссии Москвы Арслан Хасавов. В своем телеграм-канале [23] он заявил, что с уважением относится к судебному решению, испытывает симпатию к позиции фракции «Новые люди», но не менее важной считает поддержку талантливого журналиста, оказавшегося в непростой жизненной ситуации.

Третья история произошла 25 июня 2024 г.: была осуждена на три года журналистка Евгения Мандрыгина (Шелковникова) в результате конфликта с руководством одного из районных военных комиссариатов города Красноярск. Суд, выносивший приговор, не принял во внимание доводы защиты корреспондентки, мотивировав свое решение, в частности, невозможностью ознакомиться с видеозаписью в качестве доказательства ее невиновности из-за якобы «технических сложностей» [24]. В защиту коллеги выступил Союз журналистов, отметив, что журналистка готовила материал для СМИ и находилась в учреждении по заданию редакции, а ее статус профессионального журналиста подтверждается служебным удостоверением. Коллеги выразили надежду, что приговор будет пересмотрен в апелляционной инстанции. Журналистку «приговорили к трем годам принудительных работ по делу о применении насилия к военному комиссару» [24], признав виновной в нанесении ударов последнему микрофоном в висок, а также рукой – по руке. Сама ситуация произошла в военкомате Советского и Центрального районов Красноярск в первый день частичной мобилизации в 2022 г. Разговор с пришедшими в военкомат должен был стать частью новостного телесюжета. Съёмочная группа общалась с гражданами, когда к ним подошел человек в военной форме и камуфляже и потребовал, чтобы Евгения Шелковникова прошла с ним за турникет [24]. Вслед за этим, по словам журналистки, он попытался силой вывести ее в служебное помещение. Все попытки зафиксировать ситуацию на камеру мобильного устройства были пресечены. Эпизод удалось снять оператору, находившемуся на улице. Позже выяснилось, что выполнить редакционное задание журналистке помешал военный комиссар Виктор Нечипоренко. Перегородив Евгению путь, он не позволил ей покинуть помещение, затем составил жалобу о нападении и нанесении увечий и передал ее прибывшим на место происшествия сотрудникам правоохранительных органов. В своих показаниях он заявил, что средство связи журналистка уронила сама. На заседании подсудимая явку с повинной подписать отказалась, объяснила, что отмахивалась от мужчины правой рукой, а микрофон держала в левой, и представила медицинские справки о полученных гематомах. Ее показания, а также ссылка защиты на ст. 49 закона «О средствах массовой информации» о праве журналиста выполнять свой профессиональный долг судом не были приняты во внимание. Судья оставила без внимания и постановление военного следственного отдела, согласно которому холл военного комиссариата определяется как общественное место, правом пребывания в нем обладает неограниченный круг лиц, и нахождение на этой территории журналистам не запрещено законом. Потерпевший, в свою очередь, ссылался на то, что съемка и аудиозапись на территории военных частей, организаций и учреждений, в том числе и военкоматов, запрещены. Все очевидцы, которые, за одним исключением, оказались сотрудниками военкомата, подтвердили показания военкома. Красноярские журналисты рас-

сказали, что военкомат Советского и Центрального района города уже не раз попадал в информационную повестку. Так, в октябре 2022 г. в окно здания была брошена бутылка с зажигательной смесью. Преступник был пойман, суд назначил ему наказание в виде 10 лет лишения свободы. По словам Виктора Нечипоренко, накануне данного происшествия был задержан оператор местной телекомпании, который, с его слов, снимал здание военкомата, расположение окон, фасад, видеокамеры. Журналисты, в свою очередь, этого факта не подтвердили. После вынесения приговора Е. Шелковниковой В. Нечипоренко организовал пресс-конференцию, на которой заявил, что не исключает подготовку к теракту и участие журналистки в этой подготовке. Показательно, что о проведении пресс-конференции стало известно за полчаса до начала мероприятия, и принять участие в ней смогли лишь два журналиста местных изданий и известная в регионе медиаменеджер, член Союза журналистов России Светлана Вахтангишвили. После этой так называемой пресс-конференции Вахтангишвили написала: «Считаю, что пора выходить и на Государственную Думу, и на Владимира Владимировича Путина с вопросом о защите журналистского сообщества страны, поскольку с каждым днем множатся примеры, когда журналистов ведущих российских СМИ наказывают фактически за исполнение профессиональных обязанностей. Навешивая ярлык членов “пятой колонны”, в прямом смысле слова выставляя врагами народа. Довольно часто это прикрывается задачами СВО» [24]. Председатель регионального отделения Союза журналистов России Дмитрий Голованов, пообещав заступиться за Шелковникову и других профессиональных журналистов, заметил, что журналистка и редакция, полагая, что справятся с конфликтом сами, выбрали неправильную тактику. В Союзе журналистов действует Большое жюри, в его состав входят авторитетные журналисты Красноярского края, которые не раз доказывали правоту своих сотрудников в судебных процессах. Изучив материалы дела, Дм. Голованов выразил надежду, что в апелляционной инстанции квалифицированные юристы найдут аргументы для смягчения приговора либо его отмены.

Заключение. Анализ ситуаций профессионального взаимодействия политиков и журналистов в соответствии с выбранной целью и задачами подтверждает гипотезу о том, что использование игровой модели открывает возможность сдвинуть фокус исследования с содержания профессиональной деятельности политиков и журналистов к ее форме и тем самым предложить эстетическую интерпретацию конфликтов. Каждая из описанных сцен, будучи медиарепрезентацией конфликта, может быть истолкована как иллюзорно-имитационная. Напомним, что понятие «репрезентация» фиксирует не столько то, что медиатексты связаны с реальностью, сколько предлагаемую версию события. Иначе говоря, репрезентация, так или иначе, всегда усиливает одну из сторон отображаемой действительности, отдавая предпочтение интересам субъектов, и создает образ реальности, который содержит информацию, значимую для создателя, и является доступным и понятным для потребителя в удобной форме и на языке, специфичном для контента. В результате, представление информации приобретает уникальные идеологические, культурные или философские оттенки.

Глобальная сеть практически молниеносно транслирует предлагаемые толкования конфликта, и единственным возможным условием ограничения доминирования единственной версии становится указание на автора и канал, который эту информацию передает. На наш взгляд, ситуационный анализ профессиональных конфликтов, реализованный в

традиции интерпретативной социологии, позволяет обнаружить их зрелищность, прогнозировать формы переживания, иначе говоря, рассматривать их как произведения искусства и моральные истории для социального воспитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазков К. Игровая концепция повседневности И. Гофмана: между символическим интеракционизмом и этнометодологией // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 2. С. 167–191. DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-167-191.
2. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; под общ. ред. А. Ф. Loseva, Я. Ф. Asmusa, Л. Л. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994.
3. Лаку-Лабарт Ф. Поэтика и политика // Поэтика и политика: альманах Российско-французского центра социологических исследований ИС РАН / отв. ред. Н. А. Шматко. М.: Алетейя, 1999. С. 7–42.
4. Панагия Д. 10 тезисов о политической эстетике // Гефтер. 31.10.2016. URL: <https://gefeter.ru/archive/19884> (дата обращения: 27.06.2024).
5. Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация / пер. с англ. А. Глухова. М.: ИД ВШЭ, 2012.
6. Федорченко С. Н. Эстетический подход в политической теории // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1, № 4. С. 144–164.
7. Коваленко В. А. Процесс театрализации политики: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Рост. гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 2006.
8. Тазетдинова Р. Р. Политическая театральность как способ инсценирования политических представлений // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 4. С. 115–119.
9. Дорский А. Ю. Эстетика власти. СПб.: Алетейя, 2013.
10. Символическая политика: сб. науч. тр. / отв. ред. О. В. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1.
11. Символическая политика: сб. науч. тр. / отв. ред. О. В. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2014. Вып. 2.
12. Символическая политика: сб. науч. тр. / отв. ред. О. В. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2015. Вып. 3.
13. Символическая политика: сб. науч. тр. / отв. ред. О. В. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2016. Вып. 4.
14. Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: сб. науч. тр. / отв. ред. О. В. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1. С. 17–53.
15. Грякалов А. А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос *Nomo Aestheticus* // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 49–57.
16. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Кафедра истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru> (дата обращения: 18.06.2024).
17. Верещагин О. А., Белова Н. Е. Эстетический модус восприятия политики: ракурсы интерпретации // Идеи и идеалы. 2016. Т. 2, № 3 (29). С. 87–95. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3-2-87-95.
18. Синельникова Л. Н. Информационная война *ad infini tum*: украинский вектор // Политическая лингвистика. 2014. № 2. С. 95–101.
19. Евгений Рассказов // Telegram. URL: https://t.me/Topaz_Penetrator (дата обращения: 16.06.2024).
20. Официальный сайт всероссийского общественного движения «ПАТРИОТЫ РОССИИ». URL: <https://patriotrus.ru/blog/zakon-voennogo-vremeni-pochemu-dejstviya-adama-kadyrova-eto-urok-dlya-vseh-predatelej-rodiny/> (дата обращения: 16.06.2024).

21. Антон Вячеславович // Telegram. URL: <https://t.me/krasovkin/13097> (дата обращения: 16.06.2024).

22. Не накопил: журналист Красовский собирает деньги на выплату по иску депутата Госдумы // EADaily. 05.06.2024. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/06/05/ne-nakopil-zhurnalist-krasovskiy-sobiraet-dengi-na-vyplatu-po-isku-deputata-gosdumy> (дата обращения: 16.06.2024).

23. Арслан Хасавов // Telegram. URL: <https://t.me/arslankhasavov/350> (дата обращения: 20.06.2024).

24. Ильин В. В Красноярске на три года осудили журналистку из-за конфликта с военкомом // Версия. 20.06.2024. URL: <https://versia.ru/v-krasnoyarske-na-tri-goda-osudili-zhurnalistku-iz-za-konflikta-s-voenkotom> (дата обращения: 25.06.2024).

Информация об авторе.

Огороднова Анна Михайловна – старший преподаватель кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 13 научных публикаций. Сфера научных интересов: политические технологии и процессы.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.07.2024; принята после рецензирования 09.09.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.*

REFERENCES

1. Glazkov, K. (2016), "Erving Goffman's Gaming Concept of Everyday Life: Between Symbolic Interactionism and Ethnomethodology", *Russian Sociological Review*, vol. 15, no. 2, pp. 167–191. DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-167-191.

2. Platon (1994), *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 4th vol., vol. 4. Transl., in Losev, A.F., Asmus, Ya.F. and Takho-Godi, L.L. (eds.), Mysl', Moscow, RUS.

3. Lacoue-Labarthe, F. (1999), "Poétique et politique", *Poetika i politika: al'manakh Rossiiskofrantsuzskogo tsentra sotsiologicheskikh issledovaniy IS RAN* [Poetics and Politics: Almanac of the Russian-French Center for Sociological Research of the Institute of Sociology of the RAS], Shmatko, N.A. (ed.), Aleteiya, Moscow, RUS.

4. Panagiya, D. (2016), *10 tezisov o politicheskoi estetike* [10 Theses on Political Aesthetics], *Gefter*, 31.10.2016, available at: <https://gefter.ru/archive/19884> (accessed 27.06.2024).

5. Ankersmit, F. (2012), *Political Representation*, Transl. by Glukhov, A., ID VShE, Moscow, RUS.

6. Fedorchenko, S.N. (2017), "Aesthetic approach to political theory", *J. of Political Research*, vol. 1, no. 4, pp. C. 144–164.

7. Kovalenko, V.A. (2006), "The process of theatricalization of politics", Abstract of Can. Sci. (Politics) dissertation, Rostov State Univ., Rostov-on-Don, RUS.

8. Tazetdinova, R.R. (2016), "Policy of the Theatre Asa Way of Mock of Political", *Bulletin of Kazan State Univ. of Culture and Arts*, no. 4, pp. 115–119.

9. Dorskii, A.Yu. (2013), *Estetika vlasti* [Aesthetics of Power], Aleteia, Spb., RUS.

10. *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics] (2012), Malinova, O.V. (eds.), iss. 1, INION RAN, Moscow, RUS.

11. *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics] (2014), Malinova, O.V. (eds.), iss. 2, INION RAN, Moscow, RUS.

12. *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics] (2015), Malinova, O.V. (eds.), iss. 3, INION RAN, Moscow, RUS.

13. *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics] (2016), Malinova, O.V. (eds.), iss. 4, INION RAN, Moscow, RUS.

14. Potseluev, S.P. (2012), ""Symbolic Politics": Towards the History of the Concept", *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics], Malinova, O.V. (eds.), iss. 1, INION RAN, Moscow, RUS, pp. 17–53.
15. Gryakalov, A.A. (2013), "Aesthetic and the Political in the Context of Postmodern: the Topos of Homo Aestheticus", *Voprosy Filosofii*, no. 1, pp. 49–57.
16. Benjamin, W. (1936), "The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction", *Department of History of Foreign Literatures, Lomonosov State University of Moscow*, available at: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru> (accessed 18.06.2024).
17. Vereshchagin, O.A. and Belova, N.E. (2016), "The aesthetic mode of politics perception: perspectives of interpretation", *Ideas & Ideals*, vol. 2, no. 3 (29), pp. 87–95. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.2-87-95.
18. Sinelnikova, L.N. (2014), "Information warfare ad infinitum: Ukrainian way", *Political Linguistics*, no. 2, pp. 95–101.
19. "Evgenii Rasskazov", *Telegram*, available at: https://t.me/Topaz_Penetrator (accessed 16.06.2024).
20. *Ofitsial'nyi sait vserossiiskogo obshchestvennogo dvizheniya "PATRIOTY ROSSII"* [Official website of the All-Russian public movement "PATRIOTS OF RUSSIA"], available at: <https://patriotrus.ru/blog/zakon-voennogo-vremeni-pochemu-dejstviya-adama-kadyrova-eto-urok-dlya-vseh-predatelej-rodiny/> (accessed 16.06.2024).
21. "Anton Vyacheslavovich", *Telegram*, available at: <https://t.me/krasovkin/13097> (accessed 16.06.2024).
22. "Didn't save up: journalist Krasovsky collects money to pay off a lawsuit filed by a State Duma deputy" (2024), *EADaily*, 05.06.2024, available at: <https://eadaily.com/ru/news/2024/06/05/ne-nakopil-zhurnalist-krasovskiy-sobiraet-dengi-na-vyplatu-po-isku-deputata-gosdumy> (accessed 16.06.2024).
23. "Arslan Khasavov", *Telegram*, available at: <https://t.me/arslankhasavov/350> (accessed 20.06.2024).
24. Il'in, V.V. (2024) In Krasnoyarsk, a journalist was sentenced to three years due to a conflict with a military commissar", *Versiya*, 20.06.2024, available at: <https://versia.ru/v-krasnoyarske-na-tri-goda-osudili-zhurnalistku-iz-za-konflikta-s-voenkomom> (accessed 25.06.2024).

Information about the author.

Anna M. Ogorodnova – Senior Lecturer at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 13 scientific publications. Area of expertise: political technologies and processes conflict.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 12.07.2024; adopted after review 09.09.2024; published online 20.11.2024.*

Оригинальная статья

УДК 316.723

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-65-77>

Джазовая музыкальная среда в современном Санкт-Петербурге

Евгений Александрович Пашковский¹✉, Владимир Петрович Милецкий²

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ egn-pashkovsky@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-6407>

²falesm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8938-4631>

Введение. Джазовая музыка зародилась в Новом Орлеане в конце XIX в. на основе смешения европейской и африканской музыкальной культур и объединяла ряд групп населения, в том числе угнетенных в правах. На несколько десятилетий она стала основой массовой музыкальной культуры. Весомую популярность джаз имеет в России и сегодня. Социологический интерес вызывает вопрос характеристик среды, в которой взаимодействуют исполнители и слушатели данной музыки в современном Санкт-Петербурге, а также особенностей их статуса, личностных установок, восприятия различных смыслов, с которыми они связывают свой (во всех значениях) музыкальный мир. Джаз рассматривается как способ эмоциональной коммуникации, средство интеллектуального самовыражения, особая социальная среда.

Методология и источники. В качестве источников используются работы по социологии повседневности (Г. Гарфинкель, И. Гофман, А. Фишер, А. Манстед), межличностной коммуникации (О. И. Матьяш, Н. В. Казаринова и др.), истории и описанию джазовой музыки (Дж. Л. Коллиер, А. Рондарев). Методологическую рамку исследования составляют теория социальных представлений С. Московичи и социально-конструкционистская теория эмоций. В качестве методов сбора данных использованы экспертное интервью и анкетирование.

Результаты и обсуждение. По результатам экспертного интервью сделаны выводы: джаз – это музыка внутренней свободы, которую характеризует импровизационный подход к игре; джазу свойственен позитивный эмоциональный заряд, что отличает его от других стилей, он имеет связь с массовой популярностью в середине XX в. и накладывает отпечаток на современную джазовую субкультуру и причастных к ней людей; студенты эстрадно-джазового отделения отличаются от исполняющих более современную музыку большей степенью «погруженности» в учебу, мотивацией, сосредоточенностью в профессиональной деятельности. По результатам анкетирования абитуриентов и студентов Санкт-Петербургского музыкального училища им. М. П. Мусоргского сделаны выводы: выступление артиста можно рассматривать как процесс конструирования эмоциональных состояний; в восприятии современного исполнителя джаза изначальный протестный характер этой музыки утрачен, но осталась твердая ассоциация с внутренней свободой, исторически сопутствовавшая джазу; для большинства молодых джазменов исполнение джаза является не просто будущей профессией, но частью образа жизни и личности, а также осознается как главное дело в жизни; сообщество джазовых исполнителей характеризуется как сплоченное, а его члены – как целеустремленные профессионалы.

© Пашковский Е. А., Милецкий В. П., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Музыка джаза в момент ее зарождения была, с одной стороны, средством самопроявления, демонстрации своей непохожести на других. С другой стороны, она выступала источником формирования сплоченных сообществ людей, а также, в силу несомненно ей позитивного эмоционального заряда, способности противостоять не всегда благоприятным условиям жизни, позволяла найти поддержку единомышленника, быть свободным внутренне даже при отсутствии свободы внешней. По результатам наших исследований представляется, что эти ее характеристики сохранили свое значение для исполнителей джазовой музыки в современном Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: джаз, музыка, социальное представление, эмоция, социальная среда, установки личности

Для цитирования: Пашковский Е. А., Милецкий В. П. Джазовая музыкальная среда в современном Санкт-Петербурге // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 65–77. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-65-77.

Original paper

Jazz Musical Environment in Modern Saint Petersburg

*Evgeny A. Pashkovsky*¹✉, *Vladimir P. Miletskiy*²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉*egn-pashkovsky@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-6407>*

²*falesm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8938-4631>*

Introduction. Jazz music originated in New Orleans at the beginning of the 20th century, based on a mixture of European and African musical cultures, and united a number of population groups, including oppressed people. Later, for several decades, it became the basis of mass musical culture. Jazz is still very popular in Russia today. In light of the above, sociological interest is raised by the question of the characteristics of the environment in which performers and listeners of this music interact in modern St. Petersburg, as well as the characteristics of their status, personal attitudes, perception of various meanings with which they associate their (in all meanings) musical world. Jazz is considered as a way of emotional communication, a means of intellectual self-expression, and a special social environment.

Methodology and sources. The sources used are works on the sociology of everyday life (H. Garfinkel, E. Goffman, A. Fischer, A. Manstead), interpersonal communication (O.I. Matyash, N.V. Kazarinova, etc.), history and description of jazz music (J.L. Collier, A. Rondarev). The methodological framework of the study is the theory of social representations by S. Moscovici and the social constructionist theory of emotions. Expert interviews and questionnaires were used as data collection methods.

Results and discussion. Based on the results of the expert interview, the following conclusions were drawn: jazz is the music of inner freedom, which is characterized by an improvisational approach to playing; Jazz is characterized by a positive emotional charge, which distinguishes it from other styles and has a connection with mass popularity in the mid-20th century and leaves its mark on the modern jazz subculture and the people involved in it; Students of the pop-jazz department differ from those performing more modern music by a greater degree of “immersion” in their studies, motivation, and concentration in professional activities. Based on the results of a survey of applicants and students of the St. Petersburg Music College named after M.P. Mussorgsky authors made conclusions: an artist’s performance can be considered as a process of constructing

emotional states; in the perception of a modern jazz performer, the original protest character of this music is lost, but a strong association with internal freedom, which historically accompanied jazz, remains; for most young jazzmen, playing jazz is not just a future profession, but part of their lifestyle and personality, and is also perceived as the main thing in life; The jazz performing community is characterized as close-knit and its members are dedicated professionals.

Conclusion. Jazz music at the time of its inception was, on the one hand, a means of self-expression, demonstrating one's difference from others. On the other hand, it acted as a source of formation of close-knit communities of people, and also, due to the positive emotional charge it carries, the ability to withstand not always favorable living conditions, and to find the support of a like-minded person; to be free internally even in the absence of external freedom. Based on the results of our research, it seems that these characteristics have retained their importance for jazz music performers in modern St. Petersburg.

Keywords: jazz, music, social representation, emotion, social environment, personality attitudes

For citation: Pashkovsky, E.A. and Miletskiy, V.P. (2024), "Jazz Musical Environment in Modern Saint Petersburg", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 65–77. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-65-77 (Russia).

Введение. Для того чтобы определить особенности джазовой музыкальной среды в современном Санкт-Петербурге, социального портрета исполнителя и слушателя этой музыки, стоит выявить некоторые особенности среды, в которой она зарождалась. Музыка, которая стала известна как джазовая, появилась в конце XIX в. в Новом Орлеане, когда африканские и латиноамериканские мотивы выступили частью популярной танцевальной музыки.

Город, принадлежавший поочередно Франции, Испании и (с 1803 г.) США, был «плавильным котлом культур» и способствовал синтезу разрозненных музыкальных традиций его жителей – французов, испанцев, афроамериканцев, мулатов. До Гражданской войны Новый Орлеан был единственным американским городом, который позволял людям, находившимся в рабстве, в том числе вновь прибывшим из Африки и стран Карибского бассейна, свободно собираться вместе. Порабощенные и свободные «цветные» еженедельно собирались на одной из центральных площадей города, пели на африканских языках, играли на африканских инструментах и исполняли африканские танцы.

В Новом Орлеане еще до Гражданской войны были популярны духовые оркестры, которые нанимались для проведения публичных мероприятий всех видов. Эта популярность после отмены рабства усилилась еще больше благодаря национальному увлечению воодушевляющими мелодиями, сеявшими в обществе «дух свободы». В это же время музыканты французского и испанского происхождения, а также афроамериканцы неизбежно стали соревноваться за работу и играть вместе.

Уличные музыканты-самоучки формировали «спонтанные» группы, играя при этом на самодельных инструментах, созданных из всего, что они могли найти, например стиральных досок, бутылок, ложек и пил. Часто они присоединялись к более официальным духовым оркестрам, а музыканты духовых оркестров, в свою очередь, присоединялись к небольшим ансамблям, которые играли в танцевальных залах.

По некоторым данным [1, p. 235], популяризация джаза связана с попыткой одного из руководителей Нового Орлеана в 1897 г. ограничить проституцию одним районом города,

которая привела к появлению процветающего квартала красных фонарей под названием Сторивилл. Публичные дома набирали большую популярность, в том числе благодаря найму на работу музыкантов. Нанимались отдельно пианисты и небольшие ансамбли, исполнявшие музыку, впоследствии ставшую классическим джазом. Таким образом, можно заключить, что джазовая музыка появилась благодаря спонтанному смешению нескольких культур; во многом происходит из социальных «низов»; ее становление и первая волна популяризации связаны с девиантным поведением, внутренним протестом, чувством внутренней свободы при наличии внешних ее ограничений, спонтанным самовыражением.

Значимой чертой джазовой музыки, которая может иметь связь с личностными и социальными особенностями ее исполнителя и слушателя, является импровизационный подход к игре. Авангардный музыкант Вадада Лео Смит характеризует импровизацию так: «Импровизация значит создание музыки в момент ее исполнения, что достигается либо разработкой определенной темы, либо манипуляцией заданным ритмом или звучанием (структурой); либо же, в самой своей чистой форме, она возникает тогда, когда импровизатор творит вне каких-либо условий, создавая в каждый конкретный момент посредством своего разума и воображения союз пауз, звука и ритма, который никто никогда прежде не слышал и больше никогда не услышит» [2, с. 353]. Несмотря на то, что как в классической джазовой традиции, так и в современной музыке импровизация осуществляется в рамках определенных стандартов игры и может заранее тщательно готовиться, джазовый исполнитель практически всегда является одновременно композитором и никогда не знает заранее совершенно определенно, что будет происходить на сцене, какие ноты и мелодии будут сыграны, в том числе им самим.

В 1920-е гг. из Нового Орлеана джаз стал постепенно распространяться сначала по США, а затем и по всему миру, и в общем и целом, на 40 лет стал основой популярной музыки, а позднее повлиял на появление и развитие ряда других направлений – рок-н-ролл, фанк, фьюжн, хип-хоп и др. В конечном счете он оставил какой-либо след во всей современной популярной музыке, а также повлиял на современных исполнителей классической музыки. В СССР джаз не имел широкой популярности, а с формированием новой России в 1990-е в нашей стране стали появляться сильные исполнительские школы, и в данный момент эти традиции продолжают развиваться. Постепенно сформировалась яркая субкультура джаза, которая притягивает все больше интересующихся и поклонников. В свете сказанного социологический интерес вызывает вопрос характеристик среды, в которой взаимодействуют исполнители и слушатели данной музыки в современном Санкт-Петербурге, а также особенностей их статуса, личностных установок, восприятия различных смыслов, с которыми они связывают свой (во всех значениях) музыкальный мир. Джаз рассматривается в нашем исследовании как способ эмоциональной коммуникации, средство интеллектуального самовыражения, особая социальная среда.

Цель исследования – выявление особенностей джаза как стиля музыки с точки зрения его потенциального влияния на среду, в которой взаимодействуют его исполнители и слушатели в современном Санкт-Петербурге, а также выявление ряда личностных и статусных характеристик молодых исполнителей джаза и его слушателей.

Задачи исследования составили: описание социокультурной среды, в которой появилась и получила популярность джазовая музыка; выявление основных характеристик джазовой музыки (путем экспертного интервью); определение установок молодых петербургских исполнителей джаза относительно роли джаза в их жизни, ценностных ориен-

таций, портрета среднестатистического слушателя (путем анкетирования абитуриентов и студентов музыкального училища, а также экспертного интервью).

Методология и источники. В качестве источников использованы работы по социологии повседневности (Г. Гарфинкель [3], И. Гофман [4], А. Фишер, А. Манстед [5]), межличностной коммуникации (О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова и др. [6]), истории и описанию джазовой музыки (Дж. Л. Коллиер [7], А. Рондарев [2]).

Методология исследования базировалась на теории социальных представлений С. Московичи [8], а именно на следующих идеях:

– представления – специфический способ понимания и коммуникации, создающий реальность и здравый смысл;

– поскольку оценки и мнения по поводу различных социальных явлений организованы по-разному в различных классах, культурах и группах, то, значит, они должны рассматриваться как характеристики самих групп;

а также на социально-конструкционистской теории эмоций, согласно которой эмоциональную коммуникацию можно рассматривать как процесс конструирования ожидаемого эмоционального поведения.

В качестве методов сбора информации были использованы экспертное интервью, два анкетных опроса молодых исполнителей джазовой музыки.

Результаты и обсуждение. Нами были выдвинуты следующие исследовательские предположения:

– несмотря на большие различия окружающей социокультурной среды, существуют параллели между ценностными ориентациями современного исполнителя джазовой музыки и ее исполнителя во время зарождения и постепенной популяризации джаза в начале XX в.;

– большинством молодых исполнителей джаза (студентов музыкального училища) эта деятельность трактуется как нечто большее, чем просто будущая профессия, они обладают глубокой погруженностью в джазовую культуру;

– в восприятии молодыми исполнителями джазовой музыки существует некоторая дихотомия: для одних студентов джаз – это стиль, в котором больше всего хочется исполнять музыку, а для других – «классика для эстрады», т. е. стиль, используемый для качественного овладения искусством исполнения эстрадной музыки широкого стилевого разнообразия, но не любимый и, может быть, даже непривлекательный.

Сочетание глубинного экспертного интервью и анкетного опроса для решения задач исследования представляется предпочтительным: интервью было проведено с опытным преподавателем музыкального училища и одновременно действующим артистом и позволило получить наиболее общее представление о джазе как стиле музыки и его влиянии на особенности ценностных ориентаций учеников, о джазовой музыкальной среде современного Санкт-Петербурга в целом; анкетные опросы позволили «из первых рук» получить данные об установках молодых исполнителей джаза, касающихся музыки и ее роли в их жизни.

Анализ экспертного интервью.

Респондентом был выбран Максим Михайлович Клоц (Max Klots) – музыкант, преподаватель, активный участник петербургской джазовой сцены. Интервьюером выступил один из авторов статьи. Интервью состоялось в Санкт-Петербурге 27 марта 2024 г. Задачи

интервью соответствовали цели нашего исследования. На основе материала интервью можно сделать следующие выводы:

– новшество, принесенное джазом в мир широко известной человечеству музыки, – свободный обмен идеями между музыкантами во время игры. Другими словами, джаз – музыка, которую характеризует импровизационный подход к игре. Впоследствии это перешло во многие другие стили, выросшие из джаза, – рок, фанк, фьюжн, повлияло на поп-музыку. «Мгновенная реакция на ситуацию, мгновенное решение, какую ноту играть – это пришло из джаза»;

– джаз – это музыка внутренней свободы, вероятно, формирующая у ее исполнителя особый взгляд на мир, на вещи, на свою роль в музыке;

– в Санкт-Петербурге сформировалась сильная школа джаза, направленная на изучение его традиционных форм, бибопа, хард-бопа. Во многом это заслуга исполнителей и популяризаторов джаза, таких как Д. Голощекин, В. Фейертаг, эстрадного отдела Санкт-Петербургского музыкального училища им. М. П. Мусоргского. Это специфика именно нашего города. Для сравнения, в Москве исполнители джаза больше тяготеют к его современным интерпретациям, смешению с другими стилями – фьюжн, джаз-рок, лэтин-джаз и др.;

– музыку можно рассматривать как язык общения. Джазовый язык универсален в большей степени, чем относящийся к какому-либо другому музыкальному стилю. Хороший джазовый исполнитель знает 300–400 так называемых стандартов – широко известных композиций, и это 300–400 тем для разговора. Даже если в отдельном случае из них совпадет 20–30, музыкант может выйти на сцену и сыграть концерт с людьми, которых он видит в первый раз (безусловно, при определенной степени владения инструментом, слухе, реакции), что очень сложно представить в какой-то еще стилистике;

– джаз в его современной и продвинутой форме – достаточно сложный язык. Однако популярные формы джаза (которые звучат во всем мире в холлах организаций, лифтах гостиниц, перебивках в радиопередачах и т. д.) доступны широкому слушателю и создают хорошее настроение. Играет роль и то, что это расслабленная и спокойная музыка. «Джаз – вестник положительных эмоций (если мы говорим о популярных образцах), по моему мнению, намного больше, чем другая музыка»;

– распространенную идею об интеллектуальности как свойстве джазовой музыки можно применить скорее к современным формам джаза. Классический новоорлеанский джаз можно охарактеризовать как веселую и жизнерадостную музыку, не требующую специально подготовленного слушателя;

– студенты эстрадно-джазового отделения отличаются от исполняющих более современную музыку (например, рок) большей степенью погруженности в учебу. Вероятно, одна из причин в том, что джазовый исполнитель – всегда сокомпозитор, он несет дополнительную ответственность на сцене. Другая причина в том, что этой музыке больше лет, она впитала в себя больше информации, и чтобы ей овладеть, надо больше знать. Также можно говорить о целеустремленности как качестве студента, изучающего джаз. «Студенты, с которыми я работаю, в целом студенты эстрадного отделения, к которому имею честь принадлежать и работаю там больше 20 лет, они всегда отличались большей мотивацией, большей погруженностью в инструмент, это единственное, что они хотят делать, у них нету отвлекающих факторов, они нацелены на владение инструментом и на успех»;

– кризисные события последних лет практически не повлияли на музыкальную джазовую жизнь Санкт-Петербурга, она осталась активной. Немного меньше стало приезжать известных музыкантов из-за рубежа. Продолжается работа ряда процветающих джазовых клубов, в которых ежедневно проходят концерты на высоком уровне. Джазовую жизнь атмосфера изоляции обошла, возможно, в большей степени, чем какую-либо другую.

Анализ анкетирования абитуриентов Санкт-Петербургского музыкального училища им. М. П. Мусоргского.

Выбор данного учебного заведения обусловлен тем, что на сегодняшний день его эстрадное отделение является «флагманом» джазового образования в Санкт-Петербурге (см., например, [9]). Анкетирование представляло собой пилотажный опрос пяти абитуриентов училища, планирующих на момент опроса (апрель 2024 г.) поступление для обучения по специальности «Инструменты эстрадного оркестра». Возраст всех респондентов – от 16 до 18 лет. Представим выводы, которые удалось сделать из опроса:

– респондентам предлагался ассоциативный ряд, из которого нужно было выделить наиболее близкие им ассоциации с джазовой музыкой. Ряд включал следующие пункты: свобода, расслабление, интеллект, эмоциональность, простота, самовыражение, легкость восприятия, целеустремленность, сложность, радость. Наиболее частый выбор – свобода, также двое из пяти респондентов отметили расслабление и самовыражение. Никто не выбрал простоту, легкость восприятия, целеустремленность, сложность;

– на вопрос о важности проявляемого слушателем эмоционального отклика при живом исполнении музыки (раскачивание в такт музыке, танцы, высказывание благодарности музыкантам после концерта) все респонденты ответили положительно, причем для большинства такая отдача является крайне важной;

– для подавляющего большинства респондентов важен собственный образ, который они создают перед слушателями на выступлении;

– на вопрос о роли исполнения джаза в своей жизни четверо из пяти абитуриентов ответили, что он является способом развить свои навыки игры на музыкальном инструменте. Это, очевидно, объясняется тем, что джазовая музыка является своеобразной «классикой» для людей, играющих на современных эстрадных инструментах, что может способствовать восприятию джаза как «учебного» стиля для овладения широким кругом других стилей исполнения в области эстрадной музыки; большинство абитуриентов находятся в таком возрасте, когда у человека еще нет определенности в установках;

– из описания респондентами среднестатистического слушателя джазовой музыки в современном Санкт-Петербурге удалось выявить две основные характеристики относительно принадлежности к социальным общностям: определенная финансовая состоятельность человека («средний класс»/«довольно богатый»), средний возраст. Один из абитуриентов описал слушателя джаза как человека опрятного, разговорчивого, имеющего много связей, склонного к концентрации на любом деле.

Анализ анкетирования студентов Санкт-Петербургского музыкального училища им. М. П. Мусоргского.

Анкетирование представляло собой пилотажный опрос 13 студентов училища, обучающихся по специальности «Инструменты эстрадного оркестра». В опросе приняли уча-

стие студенты 2-го, 3-го и 4-го курсов в возрасте от 17 до 22 лет. Таким образом, несмотря на небольшое количество респондентов, выборку можно считать относительно репрезентативной.

Для определения ряда характеристик джазовой музыки студентам было предложено несколько утверждений, степень согласия с которыми нужно было выразить по 5-балльной шкале. С суждением о том, что джаз – это музыка внутренней свободы, согласились 69 % респондентов. Суждение: «Джаз – это музыка, от которой исходит радость и счастье, и этим она отличается от ряда других стилей», вызывает противоречивые оценки исполнителей: 38 % полностью согласны, а 23 % полностью не согласны. По поводу суждений: «Джаз можно назвать умиротворяющей музыкой» и «Джаз – это музыка протеста», мнения исполнителей распределились примерно поровну между всеми возможными оценками. Примечательно, что в восприятии современного исполнителя джаза изначальный протестный характер этой музыки утрачен, но осталась твердая ассоциация со свободой, в частности внутренней свободой, которая была заложена в нее более столетия назад.

Суждение: «Джаз – это интеллектуальная музыка, и для ее восприятия нужна специальная подготовка», также вызывает противоречивые оценки, но все же большинство респондентов (54 %) выражают согласие с ним.

Для подавляющего большинства опрошенных студентов (92 %), так или иначе, важен эмоциональный отклик, который они получают от слушателя на выступлении (качание в такт музыке, танцы, высказывание благодарности исполнителю после концерта). Но при этом 54 % отмечают, что зрителя достаточно важно не оставить равнодушным, но это все-таки не главное на выступлении.

Вопрос, ответы на который видны на рис. 1, косвенно был направлен на самохарактеристику молодых исполнителей джазовой музыки.

Как Вам кажется, какие из перечисленных характеристик больше всего подходят к исполнителям джаза в современном Санкт-Петербурге (выберите до трех вариантов)?

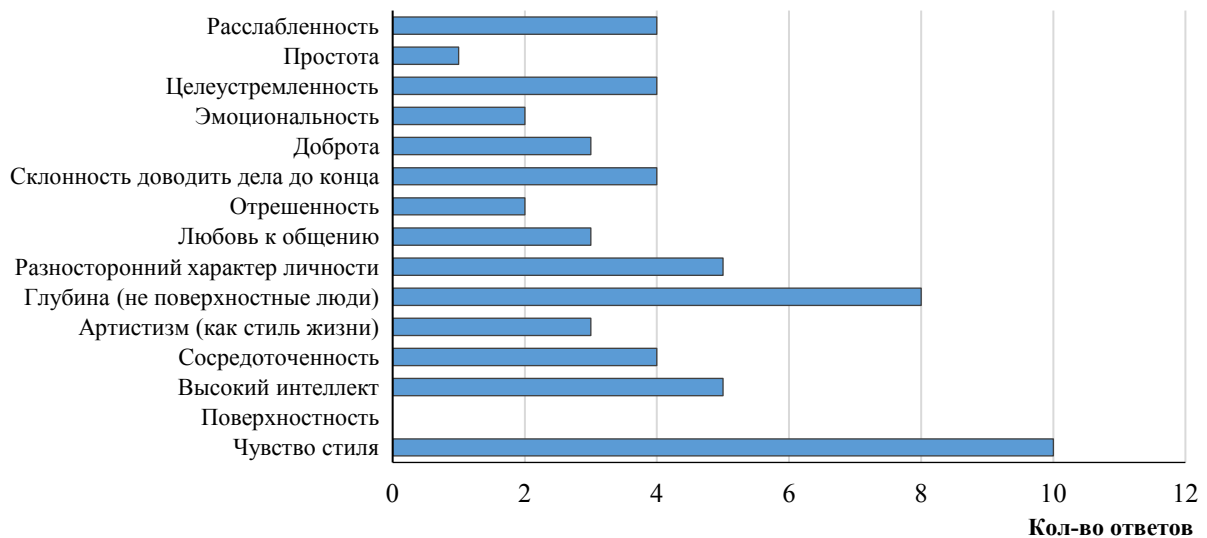

Рис. 1. Характеристики личности исполнителей джаза в современном Санкт-Петербурге глазами самих исполнителей

Fig. 1. Personality characteristics of jazz performers in modern St Petersburg through the eyes of the performers themselves

Как видно, более всего джазмены характеризуют себя и друг друга как людей с чувством стиля (причем здесь не имеется в виду только музыкальный стиль – это можно воспринимать как склонность к стилю во всем: одежде, коммуникации, образе жизни) и людей не поверхностных, а глубоких. Что касается стиля, это можно связать с тем, что классический джаз начала и середины XX в., который является основным репертуаром для студентов училища им. М. П. Мусоргского, – это музыка, давно вышедшая из широкой моды. Она олицетворяет субкультуру, требующую погружения и длительного изучения. Кроме того, эта субкультура неразрывно связана с танцем, ярким и узнаваемым стилем одежды, что может вызывать ассоциацию джазменов с чувством стиля в целом, стремление им обладать.

Слушатели же джазовой музыки представляются ее исполнителям как люди, также прежде всего обладающие чувством стиля, добрые, эмоциональные, разносторонние, склонные к общению (см. рис. 2).

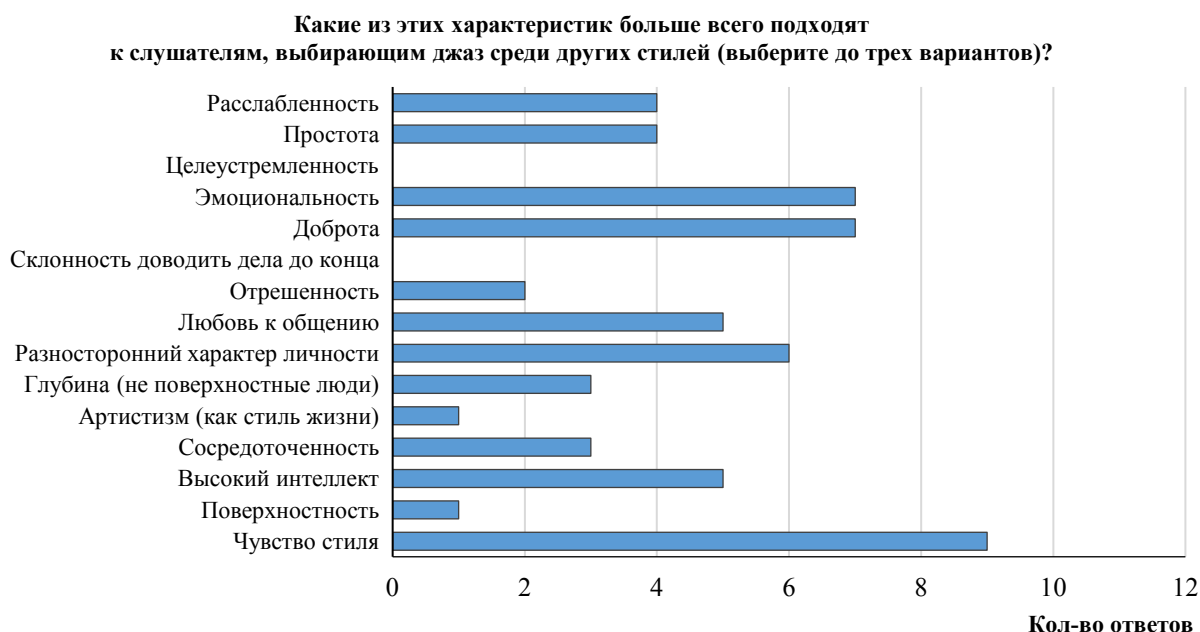

Рис. 2. Характеристики личности слушателей джаза в современном Санкт-Петербурге глазами его исполнителей

Fig. 2. Personality characteristics of jazz listeners in modern St Petersburg through the eyes of its performers

Еще один вопрос был направлен непосредственно на выявление роли джаза в жизни его молодых исполнителей. Респондентам вновь было предложено по 5-балльной шкале выразить степень своего согласия с несколькими утверждениями.

Первое утверждение: «Когда я играю джаз, я чувствую, что становлюсь по-настоящему собой». Около половины респондентов согласились с этим полностью, около трети не выразили явного отношения к нему (3 балла). Второе: «Джаз – это музыка, которая позволяет мне самовыразиться так, как я не смог(ла) бы, играя в каком-то другом стиле, или просто в рамках общения с другими людьми». Здесь 54 % выразили абсолютное согласие и 70 % согласны в целом. По третьему суждению: «Исполнение джаза для меня – способ донести до других людей свои эмоции», мнения в равной степени разделились. По ответам на предыдущие вопросы также заметно, что эмоциональность не является явной ассоциацией с джазовой музыкой у ее исполнителей. С суждением: «Для меня джаз –

наиболее подходящий стиль, чтобы развить свои навыки игры на музыкальном инструменте», согласились 77 % респондентов. Причем здесь опровергается изначальное предположение автора о том, что для одних студентов джаз – это стиль, в котором больше всего хочется исполнять музыку, а для других – «классика для эстрады», т. е. стиль, используемый для качественного овладения искусством исполнения эстрадной музыки широкого стиливого разнообразия, но не любимый и, может быть, даже непривлекательный. С анализируемым суждением в основном согласились те же респонденты, для которых джаз – больше чем музыка, это часть личности и даже любимое дело в жизни.

Отдельно стоит отметить, что с суждениями: «Джаз для меня больше чем музыка, это образ жизни, часть личности» и «Для меня исполнение джазовой музыки – это главное занятие в жизни», согласились по 85 % респондентов. Здесь (как и по результатам экспертного интервью) находит подтверждение авторское предположение, что для студентов эстрадного отделения училища им. М. П. Мусоргского исполнение музыки – это не только специальность или будущая работа. Оно осознается ими как нечто большее, как часть себя, как главное дело в их жизни, на котором они полностью сосредоточены и в которое глубоко погружены.

Анализ ответов на еще один вопрос показывает, что для респондентов исполнение джаза – это способ обмена мыслями, чувствами, ощущениями либо в равной степени со зрителями и другими музыкантами из своего ансамбля, либо только с музыкантами из ансамбля (по 38,5 %). Это вкуче со сделанными ранее выводами создает предположение, что для исполнителей джаза ориентация на зрителя и его отклик не являются первостепенными.

Также нам был интересен социально-демографический портрет слушателя джазовой музыки глазами ее исполнителя. Это скорее женщина, чем мужчина (61,5 % против 38,5 %), человек среднего возраста (92 %) и принадлежащий к среднему классу (69 %) или богатый человек (23 %). Только 8 % сочли типичным слушателем небогатого человека, что интересно, учитывая, что, когда джаз зародился и вышел на пик массовой популярности в США, большинство его исполнителей и слушателей были людьми весьма небогатыми. Примечательно также, что один респондент назвал типичным слушателем джаза человека пожилого и ни один – человека молодого, что тоже не соответствует временам, когда джаз был частью массовой культуры, и подтверждает трансформацию этой культуры в субкультуру, изменение аудитории джазовых концертов на совершенно другую по статусным показателям, по сравнению с той, которая была свойственна ей в момент зарождения и обретения массовости. По крайней мере это верно для современного Санкт-Петербурга.

Нас также интересовало, какие особенности личности, характера, образа жизни отличают студентов, исполняющих джаз в училище им. М. П. Мусоргского, от других молодых людей того же возраста, по мнению самих студентов училища. На эту тему был задан открытый вопрос. Были получены следующие ответы:

- «Гибкость, простота, отзывчивость, умение быстро и оперативно реагировать в нужных ситуациях».
- «Харизматичность, индивидуальность».
- «Мы все открыты к чему-то новому. Мы все очень добрые, общительные, сопереживающие и поддерживающие. Я считаю, что если джаз будет все больше популяризироваться, то у следующего поколения будет возможность вырасти по-настоящему хорошими людьми с хорошими ценностями».

- «Огромное внимание уделяется стилю и ансамблю».
- «Целеустремленность, самостоятельность, любознательность».
- «В первую очередь максимальная погруженность в материал и постоянная работа над собой и своим любимым делом».
- «Открытость, доброта, искренность, чувство вкуса и стиля. Также любовь к олдскулу».
- «Ребята из училища взрослеют раньше, чем остальные сверстники. Чаще всего в училище большая часть ребят уже знают, что будут заниматься джазом серьезно, и музыка станет частью их жизни. Студенты училища также очень увлечены своим делом и имеют чувство стиля».
- «Открытые все абсолютно, доброжелательные, люблю их всем сердцем, с какого бы курса не были».
- «Талантливые, целеустремленные, любящие свое дело, любящие эту музыку ребята».
- «Трудолюбие, усидчивость, профессионализм, ретроградство».

Как видим, по частотности на первом месте открытость и отзывчивость (что можно в контексте изучаемой темы считать синонимами), на втором – доброта и доброжелательность, далее – целеустремленность, наличие конкретных профессиональных планов на будущее, работа над собой в профессиональном плане.

Отметим, что целеустремленность и мотивированность, профессионализм, сосредоточенность на своем деле и готовность заниматься только им – схожие характеристики исполнителей фиксируются и по результатам экспертного интервью. Что касается открытости и доброжелательности, то частое упоминание таких характеристик говорит о наличии некой сплоченности в сообществе студентов, занимающихся джазом и, возможно, джазовых музыкантов в целом.

Заключение. Согласно цели и задачам исследования нам удалось сделать следующие выводы.

1. По результатам всех эмпирических исследований, свобода – важнейшая характеристика джазовой музыки и ассоциация с ней. Причем явная ассоциация джаза со свободой существовала у исполнителей этой музыки как в момент ее зарождения в Новом Орлеане на рубеже XIX–XX вв., так и в современном Санкт-Петербурге. Восприятие джаза как музыки внутренней свободы сохранилось с момента ее зарождения и перешло в современную джазовую субкультуру Санкт-Петербурга.

2. У музыкантов, играющих джаз, ориентацию на отклик публики и желание обмениваться эмоциями со зрителями нельзя назвать ярко выраженными. Также сами они не характеризуют себя как людей эмоциональных, и исполнение для них субъективно не связывается прежде всего с возможностью донести до других свои эмоции. Скорее, оно определяется как возможность заниматься любимым делом, которое осознанно выбрано как главное в жизни, получать от этого удовольствие.

3. Слушатель джазовой музыки характеризуется ее исполнителями как высококультурный человек, умеющий концентрироваться на деле, обладающий высокими социальным интеллект и коммуникативными навыками. Это человек среднего возраста, он принадлежит к среднему классу общества. Также среди слушателей, по мнению исполнителей, больше женщин, чем мужчин. Примечательно, что среднестатистический слушатель джаза (по крайней мере в отношении статусных и демографических показателей) не сов-

падает ни с представителем среды, где джаз зарождался и набирал популярность (небогатые люди с трудным материальным положением), ни с усредненным членом общества, олицетворявшим аудиторию джаза, когда эта музыка была частью массовой культуры.

4. Молодые исполнители джазовой музыки обладают целеустремленностью, профессионализмом, взрослеют и определяются с будущей профессией, вероятно, раньше, чем другие их сверстники. Также они характеризуют друг друга как добрых, отзывчивых и готовых помочь, что говорит о сплоченном сообществе как минимум внутри музыкального училища им. М. П. Мусоргского или среди джазовых музыкантов города в целом. Кроме того, большинство опрошенных студентов отмечают неразрывную связь между джазом и их стилем жизни, ценностями, а также определяют исполнение музыки как главное занятие жизни. Таким образом, подтверждается наша вторая гипотеза.

5. Частичное подтверждение находит наша первая гипотеза: музыка джаза в момент ее зарождения, с одной стороны, была средством самопроявления, демонстрации своей непохожести на других, с другой – выступала источником формирования сплоченных сообществ людей, а также, в силу несомного ею позитивного эмоционального заряда, способности противостоять не всегда благоприятным условиям жизни, позволяла найти поддержку единомышленника. По результатам наших исследований представляется, что эти ее характеристики сохранили свое значение для исполнителей джазовой музыки в современном Санкт-Петербурге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Music. The Definitive Visual History. 2nd ed. London: Dorling Kindersley Limited DK, 2022.
2. Рондарев А. Грандиозная история музыки XX века. М.: РИПОЛ классик, 2021.
3. Garfinkel H. Studies in the Routine Grounds of Everyday Activities // Studies in Social Interaction / ed. by D. Sudnow. NY: The Free Press, 1972. P. 1–30.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. Е. Антоновой. СПб.: Питер, 2021.
5. Fischer A. H., Manstead A. S. R. Social functions of emotion // Handbook of emotions / M. Lewis, J. M. Haviland-Jones, L. F. Barrett (eds.). NY: The Guilford Press, 2008. P. 456–468.
6. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова и др. / под науч. ред. О. И. Матьяш. СПб.: Речь, 2011.
7. Коллиер Дж. Л. Становление джаза / пер. с англ. М. Леоновича, С. В. Чугрова, М. Н. Рудковской. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2023.
8. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations: Explorations in social psychology / ed. by G. Duveen. NY: New York Univ. Press, 2000. P. 18–77.
9. «До сих пор у джаза много недоброжелателей». Игорь Бутман – о своем клубе, оркестре и джазовой школе Петербурга // Фонтанка.ру. 24.06.2024. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/06/26/73744706/> (дата обращения: 01.07.2024).

Информация об авторах.

Паиковский Евгений Александрович – кандидат политических наук (2013), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология повседневности, социология эмоций, социальная психология, межличностная коммуникация, политическая психология.

Милецкий Владимир Петрович – доктор политических наук (1998), профессор (2002), профессор кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 80 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики и права, теория российской модернизации.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 08.07.2024; принята после рецензирования 10.09.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.*

REFERENCES

1. *Music. The Definitive Visual History* (2022), 2nd ed., Dorling Kindersley Limited DK, London, UK.
2. Rondarev, A. (2021), *Grandioznaya istoriya muzyki XX veka* [The grandiose history of music of the 20th century], RIPOL klassik, Moscow, RUS.
3. Garfinkel, H. (1972), "Studies in the Routine Grounds of Everyday Activities", *Studies in Social Interaction*, in Sudnow, D. (ed.), The Free Press, NY, USA, pp. 1–30.
4. Goffman, E. (2021), *The Presentation of Self in Everyday Life*, Transl. by Antonova, E., Piter, SPb., RUS.
5. Fischer, A.H. and Manstead, A.S.R. (2008), "Social functions of emotion", *Handbook of emotion*, Lewis, M., Haviland-Jones, J.M. and Barrett, L.F. (eds.), The Guilford Press, NY, USA, pp. 456–468.
6. Mat'yash, O.I., Pogol'sha, V.M., Kazarinova, N.V. et al. (2011), *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn'* [Interpersonal communication: theory and life], in Mat'yash, O.I. (ed.), Rech', SPb., RUS.
7. Collier, J.L. (2023), *The Making of Jazz*, Transl. by Leonovich, M., Chugrov, S.V. and Rudkovskaya, M.N., Kabinetnyi uchenyi, Ekaterinburg, RUS.
8. Moscovici, S. (2000), "The phenomenon of social representations", *Social representations: Explorations in social psychology*, in Duveen, G. (ed.), New York Univ. Press, NY, USA, pp. 18–77.
9. "Jazz still has many ill-wishers." Igor Butman on his club, orchestra, and jazz school in St Petersburg" (2024), *Fontanka.ru*, 24.06.2024, available at: <https://www.fontanka.ru/2024/06/26/73744706/> (accessed 01.07.2024).

Information about the authors.

Evgeny A. Pashkovsky – Can. Sci. (Politics, 2013), Associated Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: sociology of everyday life, sociology of emotions, social psychology, interpersonal communication, political psychology.

Vladimir P. Miletskiy – Dr. Sci. (Politics, 1998), Professor (2002), Professor at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 80 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics and law, theory of Russian modernization.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 08.07.2024; adopted after review 10.09.2024; published online 20.11.2024.*

Original paper

УДК 316

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-78-90>

Current Situation, Existing Problems and Prospect of the Study of Social Stratification in Contemporary China

Zhang Hailun¹, Liubov A. Lebedintseva²✉

¹School of Marxism, Nanfang College, Guangzhou, China

^{1, 2}Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

²Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia

¹zhanghailunno1@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-6339-6124>

²✉lbebedintseva879@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9458-4689>

Introduction. Under the backdrop of market economy and social transformation in China, the class structure of society has undergone profound changes, and the traditional class division is no longer relevant. However, there are still some unresolved problems in the study of social strata in China. The lack of diversity and comparability of research methods limits the depth and scope of research. Relatively few studies have been conducted on some emerging classes. Research on the relationship between social class and other social issues is insufficient, such as the relationship between class and education, class and income distribution, etc., are still limited.

Methodology and sources. At present, a social classification model has been proposed to study social stratification in China, taking into account the characteristics of China's national conditions. A large number of empirical studies have revealed the evolution and characteristics of China's social class structure. The mechanism of social class formation and the factors influencing them have been studied, which has provided theoretical support for social development. Modern stratification models of Chinese authors have been used for the analysis in comparison with traditional models.

Results and discussion. The study of social stratification in China inherited the theoretical framework and empirical research methods of Western social scientists, and there are also attempts to develop its own model of social stratification in combination with the actual situation in China. The structure of social stratification in China is characterized by the need to take into account the state redistribution system and the market economy model. However, there is a consensus that government officials are at the top of the social hierarchy, and the class of peasants and unemployed are at the bottom of society; mental workers (white collars) are higher than manual workers (blue collars). The results of studies on the impact of human capital on social stratification show that gender and educational level have universal significance in society; household registration system and housing type are special independent variables that affect social stratification in China more than in other countries, etc. However, there is a lack of relevant empirical studies that could provide specific quantitative data showing how independent variables affect social stratification in China. Many new social and professional groups have emerged in Chinese society. In recent years, some Chinese scholars have studied such specific social and professional groups, the most widespread and in demand in the labor market in China, taking into account the digitalization processes.

© Zhang Hailun, Lebedintseva L. A., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Conclusion. It is necessary to further explore the methods and models of social stratification suitable for China's national conditions so as to cover the characteristics of social class diversity. It is necessary to strengthen the research on the relationship between social class and other social issues so as to provide more effective policy recommendations for social development. It is also necessary to strengthen the research on emerging classes, pay attention to their social status, mobility and responsibilities, and provide more effective support and guidance for their development.

Keywords: social stratification, market economy, education, social welfare

For citation: Zhang Hailun and Lebedintseva, L.A. (2024), "Current Situation, Existing Problems and Prospect of the Study of Social Stratification in Contemporary China", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 78–90. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-78-90.

Оригинальная статья

Текущая ситуация, существующие проблемы и перспективы изучения социальной стратификации в современном Китае

Чжан Хайлунь¹, Любовь Александровна Лебединцева²✉

¹Школа марксизма, колледж Наньфан, Гуанчжоу, Китай

^{1, 2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Социологический институт РАН – филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹zhanghailunno1@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-6339-6124>

²✉lebedintseva879@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9458-4689>

Введение. На фоне рыночной экономики и социальных преобразований в Китае классовая структура общества претерпела глубокие изменения, и традиционное классовое деление больше не актуально. Однако в изучении социальных слоев в Китае все еще остаются нерешенными некоторые проблемы. Отсутствие разнообразия и сопоставимости методов исследования ограничивает его глубину и объем. Относительно мало исследований было проведено по некоторым формирующимся классам. Поиск взаимосвязей между социальным классом и другими социальными проблемами недостаточен, а между классом и образованием, классом и распределением доходов и прочими по-прежнему ограничен.

Методология и источники. В настоящее время для изучения социальной стратификации в Китае предложена модель социальной классификации, учитывающая особенности национальных условий этой страны. С помощью большого количества эмпирических исследований была выявлена эволюция и характеристики социально-классовой структуры Китая. Был изучен механизм формирования социальных классов и влияющие на них факторы, что обеспечило теоретическую поддержку социального развития. Для анализа были использованы современные модели стратификации китайских авторов в сравнении с традиционными моделями.

Результаты и обсуждение. Изучение социальных слоев в Китае унаследовало теоретические схемы и эмпирические методы исследования западных ученых-социологов. Есть также попытки разработать собственную модель социальной стратификации в сочетании с реальной ситуацией в Китае. Структура социальной стратификации в этой стране отличается необходимостью учитывать систему государственного перераспределения и рыночную модель экономики. Однако присутствует консенсус в отношении того, что государственные чиновники находятся на вершине социальной иерархии,

а класс крестьян и безработных – в низшем слое общества; работники умственного труда (белые воротнички) стоят выше, чем работники физического труда (синие воротнички). Результаты исследований, посвященных влиянию человеческого капитала на социальную стратификацию, показывают, что гендер и уровень образования имеют универсальное значение в обществе; система регистрации домохозяйств и тип жилья являются особыми независимыми переменными, которые влияют на социальную стратификацию в Китае сильнее, чем в других странах, и т. д. Однако соответствующих эмпирических исследований, которые могли бы предоставить конкретные количественные данные, показывающих как независимые переменные влияют на социальную стратификацию в Китае, не хватает. В китайском обществе появилось много новых социальных и профессиональных групп. В последние годы некоторые китайские ученые изучали такие конкретные социально-профессиональные группы, наиболее массовые и востребованные на рынке труда в Китае, учитывая процессы цифровизации.

Заключение. Необходимо продолжить изучение методов и моделей социальной стратификации, подходящих для национальных условий Китая, с тем чтобы охватить характеристики социально-классового разнообразия. Следует активизировать исследования взаимосвязи между социальным классом и другими социальными проблемами, чтобы дать более эффективные рекомендации по политике социального развития. Также необходимо активизировать исследования, касающиеся формирующихся классов, уделять внимание их социальному статусу, мобильности и обязанностям, а также обеспечивать более эффективную поддержку и руководство для их развития.

Ключевые слова: социальная стратификация, рыночная экономика, образование, социальное обеспечение

Для цитирования: Чжан Хайлунь, Лебединцева Л. А. Текущая ситуация, существующие проблемы и перспективы изучения социальной стратификации в современном Китае // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 78–90. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-78-90.

Due to ideological restrictions, social stratification research has been a taboo area in mainland China. In the 1980s, Western scholars first raised the issue of social stratification in China (Ni Zhiwei), but it did not receive widespread attention in the country. Domestic scholars began to pay attention to and study this issue in the early 21st century, when China's economy was stable and growing, people's income was stable, rapid industrialization, rapid urbanization, and the expansion of higher education occurred, these social changes provided the social background for the emergence of stratification research. At the beginning of the new millennium, Chinese scholars began to study the issue of social strata, which was also influenced by other factors. The theoretical study of new Marxism. The main issue discussed in the new Marxism is the classic “binary theory” of Marx's class theory, which adds the middle class. This theoretical discussion reached China and aroused the interest of Chinese scholars. The issue that Chinese scholars are concerned about is that the emergence of the new middle class may change China's social structure and ultimately affect China's political situation, especially the expansion of the “private entrepreneurs” group, whether they can achieve economic status like the Western middle class and change their original political situation. Some Chinese social scholars appeared as policy researchers and policy advisers, and in their studies, they downplayed the traditional relationship between class analysis and politics and emphasized the emergence of new social groups, especially the emergence of the middle class, as “changes in social status”. The emergence of the middle class is conducive to social stability, and they studied their

income, consumption, lifestyle, etc., avoiding sensitive words. They proposed “middle group in the society” and “social middle group” instead of “middle class” to gradually allay the government officials' doubts and reduce the research resistance. The authorities have gradually accepted the research of sociologists. However, they have not completely eliminated doubts about this issue, and they have proposed the concept of “middle-income group” to replace the concept of the middle class. Scholars generally believe that the “middle-income group” is the “middle class”. Commercial advertising and mass media propaganda. The sales of goods such as cars, houses, and luxury goods are often advertised as targeting the “middle class” in advertisements. This has led people to realize that social classes do exist, but the middle class that the media refers to is actually a high-income group, while the middle class referred to by the government is a middle-income group, which is very different from the middle class studied by sociologists. The middle class in developed countries is more mature and homogeneous. The middle class in China is a new social group with greater internal heterogeneity and greater diversity of occupations. A large number of private enterprise owners should belong to the middle class.

From the above chart (Fig. 1), we can see that class stratification research in mainland China began in the 1990s. The first two peaks were in 2002 and 2008. These two years are special, one is after China joined the World Trade Organization, and the other is the year of the Olympic Games. These two events with worldwide influence are both symbols of China's integration into the world. Therefore, during this period, the review of scientific research was relatively relaxed. Subsequently, the research interest in this topic began to decline.

The Current State of Social Stratification Research in Contemporary China

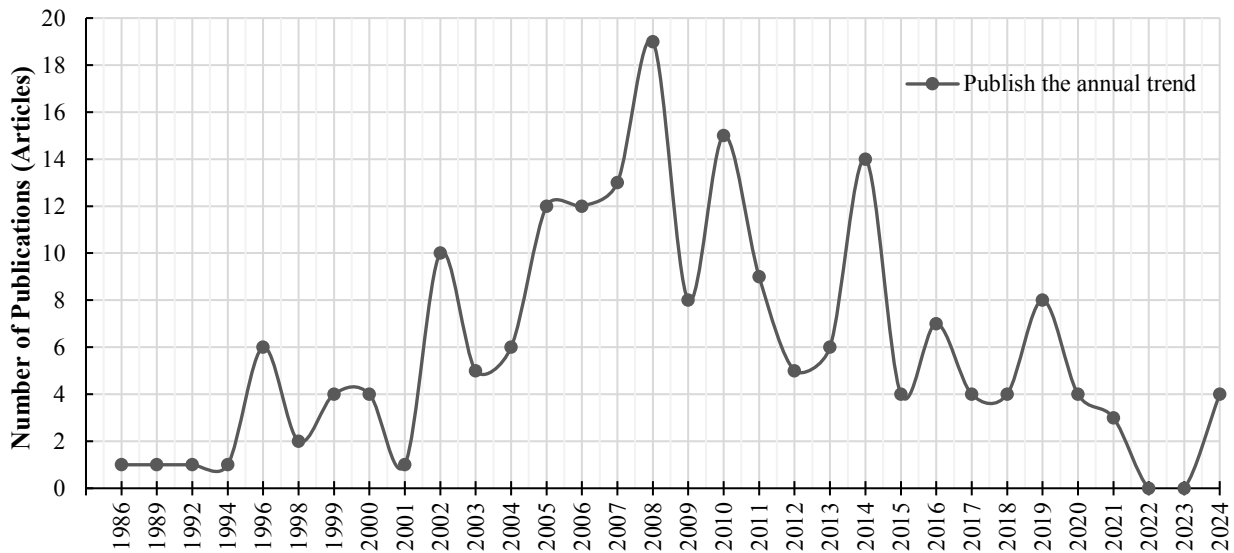

Fig. 1. Analysis of the overall status of Chinese social stratification research

From the above chart (Fig. 2), we can see that the disciplinary distribution of research on social stratification in China is as follows: There are only 34 articles in the discipline of sociology and statistics, accounting for 16.6 % of the total, ranking second. The first place is China's politics and international politics, with 107 articles, accounting for 52.2% of the total. The third place is administrative science, also known as national administration. From the fourth place onwards, there are more research results related to education. Foreign language, Marxism, and economics

have fewer research results and account for a very small percentage. It can be seen that most Chinese scholars regard social stratification research as a political topic, while only a small number of scholars regard it as a topic in sociology.

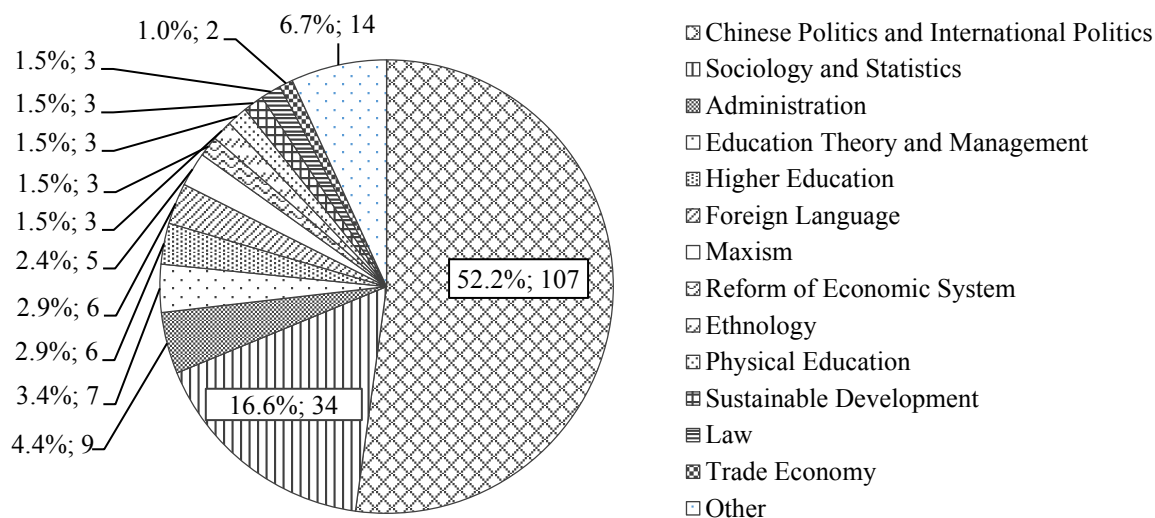

Fig. 2. The disciplinary distribution of research on social stratification in Chinese Mainland

Some models of social stratification in China.

The theoretical sources of Chinese scholars' research on social stratification are mainly Karl Marx's class theory and Max Weber's class theory. The research results of subsequent Western scholars also have reference, more are Wright Mills, Blau and Duncan, White, Goldthorpe and so on. According to the chronological order, Chinese scholars' studies on social stratification are as follows.

The model of Lu Xueyi – Ten Social Strata.

Among Chinese native scholars, the first to analyze social strata and the most influential are Lu Xueyi's ten social strata. On the basis of occupational classification, Lu Xueyi divides social classes according to the status of the possession of organizational resources, economic resources and cultural resources [1]. Organizational resources include administrative organization resources and political organization resources, which refers to the ability to dominate social resources according to the state power organization and the party organization system. Economic resources mainly refer to the ownership, use right and management right of means of production. Cultural (technical) resources refer to the possession of knowledge and skills recognized by society (through certificates or qualifications) [2]. So, ten social strata:

- 1) state and social administrator – 2.1 %;
- 2) manager – 1.5 %;
- 3) private entrepreneur – 0.6 %;
- 4) professional technical personnel – 5.1 %;
- 5) clerical staff – 4.8 %;
- 6) individual industrial and commercial household – 4.2 %;
- 7) business and service employee – 12 %;
- 8) industrial worker – 22.6 %;
- 9) peasant – 44 %;
- 10) unemployed person – 3.1 %.

The model of Li Qiang-from inverted “丁(Ding)” to “土(Tu)”.

Lu Xueyi's analysis of the ten social strata has aroused a heated discussion in the academic group and led the trend of social stratification research. Lu Xueyi's article has many defects. firstly, the population base is not clear; secondly, the data source is not clear; and thirdly, it focuses on subjective qualitative analysis and lacks objective data support. Although many people believe that his social stratification model has a strong explanatory power to the reality of Chinese society. Since then, Professor Li Qiang has proposed the "Inverted Ding-shape" (2005) and the "Tu- shape" (2011) of Chinese social structure [3, 4]. Using the model of International Socioeconomic Status Index (ISEI), the author analyzed the data of China's fifth (2000) and sixth (2010) population censuses, and pointed out that: 63.2 % of China's lower-class population is farmers; Workers (including migrant workers converted from farmers and workers in township enterprises whose actual social status and living standards are closer to those of farmers), accounting for 9.1 %; The main transport service personnel, commercial service and catering service personnel, mechanical and electrical products, electronic products equipment personnel and assembly personnel, processing industry semi-technical personnel, etc. The number of grass-roots personnel is large and the proportion is high, so the social structure is similar to the “Inverted Ding” of Chinese characters [4, 5]. Ten years later, Professor Li Qiang used the same research method to point out that the social structure of China has changed a lot in 10 years. First, the proportion of farmers in the total population decreased by 16.71 %. Second, the proportion of blue-collar workers increased by 3.78 %; Third, white-collar groups, including managers, professional and technical groups, operating and sales personnel and ordinary office workers, accounted for 10.44 % of the total employment population. That is, the population at the bottom decreased, the population at the middle and lower levels increased, and the class structure changed from the “Inverted Ding” shape to the "Tu" shape [4].

Liu Xin's Chinese urban social strata.

Liu argues that neither White's nor Goldthorpe's hierarchic model applies to China, which has a large number of state-owned enterprises and a large number of officials. Based on the data of the “Comprehensive Survey of China 2003”, he takes public power and market capacity as the main criteria for dividing Chinese urban society [6]. The social strata of Chinese cities are divided into five strata. Liu Xin's method of stratification takes China as a case study and ignores international comparison. At the same time, his research sample did not take into account the social groups such as the unemployed, freelancers, and emerging occupational groups, which exist widely in urban society [6]. Therefore, it has great research limitations.

- 1) upper class – 0.6 %;
- 2) upper middle – 7.6 %;
- 3) lower middle – 22.8 %;
- 4) skilled workers and clerks – 25.7 %;
- 5) unskilled workers and individual industrial and commercial households – 43.4 %.

Li Lulu and Qin Guangqiang's authoritative class system.

According to the data of CGSS-2006 China General Social Survey, the sample size was 5280. According to the possession of the means of production, the position in the organization (with or without the right to management), whether the manual labor, they established an authority class system [7]. The details are as follows (see the Table):

Li & Qin's authoritative class model

Authoritative Class System		Fre.	Percent	
Employer	1 large employer	27	0.5	
	2 small employers	160	3.0	
Self-employed person	3 self-employed persons	381	7.2	
Employee	Non-labor	4 non-labor employees with high authority (e.g., senior management)	188	3.6
		5 non-labor employees with middle & low authority (e.g., middle & low management)	262	5.0
		6 high autonomous non-labor employees (e.g., senior professionals)	793	15.0
		7 middle & low autonomous non-labor employees (e.g., middle & low professionals)	1046	19.8
	Labor	8 supervisors with authority	561	10.6
		9 high autonomous labor employees (e.g., skilled workers)	681	12.9
		10 middle & low autonomous labor employees (e.g., non-skilled workers)	1180	22.4
Total		5820	100.0	

Li & Qin's authoritative class model attempts to integrate the key concepts and models of Marx and Weber, using Chinese social survey data for analysis. But their problems are: first, they assume that people with means of production have a higher social status than people without means of production, and even self-employed people have a higher social status than senior managers in enterprises. As everyone knows, the social status of managers of state-owned enterprises in China is much higher than that of ordinary private business owners, and the social status of managers of state-owned enterprises or private enterprises is also much higher than that of individual business owners. Second, it is believed that the social status of non-manual workers is higher than that of manual workers, which is quite consistent with the actual situation in China, but some self-employed people are both mental and manual workers, and they are not distinguished. Third, those who do not have a fixed unit and do not have a fixed income are excluded from the social class system, without research and explanation.

The above are several efforts and attempts on the structure of Chinese social class in Chinese literature. In addition, there are many articles that make detailed and specific analysis of social class as dependent and independent variables.

Taking social class as the dependent variable, which factors affect or determine the social stratification in contemporary China?

By comprehensive analysis of the above four major social stratification models, we can summarize the independent variables that Chinese scholars attach importance to that determine or affect social stratification. Lu emphasizes power factors (the formal power of official state officials), economic factors (ownership and control of the means of production), and cultural factors (diplomas and skills), which is a more mixed multi-factor model. He did not point out that the attainment of government positions, diplomas and skills requires education, which is a major flaw. After all, education is a self-induced social factor obtained by the individual's own efforts. The ownership and control of the means of production can be divided into state-owned units and private units, in which the state-owned units belong to the power factor, and the various types of private units can also rely on education, skills, good management and other acquired factors. Therefore, Lu's social stratification model attaches more importance to the factor of self-induced, and neglects the influence

of the predication social factor. The same problem exists in Professor Li Qiang's article. Li Lulu and Qin Guangqiang's articles pay more attention to the factors of job autonomy, which is determined by education, skills, position and other factors. They also emphasized the importance of ownership of the means of production. In addition, in the Chinese literature, the household registration system and gender are involved in the influence of presupposition factors.

First, in terms of gender, Li Chunling had such a set of data in her field research in Shenzhen and Hefei in 2002 to demonstrate the differences between men and women in terms of political status, income and education. In terms of income: in Shenzhen, the average monthly income of men is 5,098 yuan, and the average monthly income of women is 2,947 yuan: men are 1.7 times higher than women. In Hefei, the average monthly income of men is 847 yuan and the average monthly income of women is 616 yuan, 1.4 times higher than that of women. In terms of education: the average number of years of schooling for men and women is very similar. The average years of schooling for men in Shenzhen are only 0.4 years longer than for women. In Hefei, men have an average of 0.6 more years of education than women. In terms of political resources, there are significant differences between men and women. In Shenzhen, the percentage of party members among men is 18 percentage points higher than among women. Among men in Hefei, the proportion of party members is 25 percentage points higher than that of women. Secondly, in the recruitment, employment and secondary employment, there are certain restrictions and discrimination against women. Among the gender factors, age, household registration, education and other factors are added. These factors add to the disadvantage of women's employment.

The household registration system is a unique institutional arrangement in China. The household registration system is to restrict people's mobility in urban and rural areas and regions through the institutional arrangement of the place where the household registration belongs. Because of the difference in resources between urban and rural areas and between regions, it also causes the difference in the amount of resources obtained by different household registration. It is both an antecedent factor and a self-induced factor that can be changed by one's own efforts. First, people inherit their parents' household registration type at birth. After adulthood, through their own efforts, through some channels (education, promotion, army, etc.) can change their household registration type. There are abundant research results on the effect of household registration system on social status in China. The general conclusion is that the household registration system is an important factor influencing social stratification. In the labor market, there is a difference in household registration between urban workers and migrant workers in terms of wages, insurance and union participation, among which the role of household registration is about 30 % [8]. Wu Xiaogang and D.J. Treiman found in their empirical analysis of the factors affecting the acquisition of urban household registration in the same period that although education and political conditions (party membership) increase the chances of "rural household registration to non-rural household registration", rural household registration significantly reduces the chances of obtaining education and political status [9]. In terms of economic status or access to market opportunities, there are significant household registration hierarchies or social spatial hierarchies. The contribution rate of individual household registration level to the growth of monthly income level is 13.7 %, which means that the monthly income level of individual household registration from rural household registration to municipal household registration level may increase by 13.7 % [10].

The effect of work unit on social stratification. According to an American political sociologist A. Wilder, there are distributional differences between a redistributive economy and a market economy. In a market economy, some firms are willing to pay higher wages to their workers. In a redistributive economy, some firms distribute more income to their workers than others. The higher the administrative level of the organization the more budgetary power, the larger the base of tax resources the more profitable it is [11, 12]. This shows that in China's social stratification mechanism, there is stratification among work organizations, and the stratification mechanism among organizations depends on the power level of the work unit rather than the market profit level of the organization.

Education is closely related to social stratification. Education has always been a conduit to a certain class. The issue of educational equity in China has been concerned by scholars. The main issue is whether education strengthens class reproduction or promotes social mobility? The empirical studies of different scholars tend to answer this question. Through the analysis of 3,975 sample surveys in Beijing, Wuxi and Zhuhai in 1998, Li Lulu pessimistically believes that the inheritance within each class is still the main feature of Chinese society, even though the transformation of the redistribution economy to the market economy has not changed the characteristics of self-reproduction of the upper class [13]. Wu Xiaogang, Xie Yu; Scholars such as Li Peilin, Li Qiang and Sun Liping also support this view. Li Chunling et al. believe that after the reform and opening up, the income distribution mechanism of the market economy (competencism) has gradually replaced the distribution mechanism of the traditional planned economy (equalitarianism). But the effect of different stages of education on raising personal income is different. Across the country, junior high school education has the strongest effect on increasing income, while the effect of high school (including secondary school), junior college (and above) and primary school education is weaker in turn. In cities, high school and technical secondary education are the most conducive to income growth; In rural areas, a junior high school degree offers the best economic benefits. Within the redistributive system, college degree or above has higher economic benefits; The higher economic returns outside the redistributive system are junior high schools, senior high schools and technical secondary schools [14].

Taking social class as independent variable, what are the external characteristics of different social classes?

The relationship between class and consumption. In his empirical study, Zhang Yi divided China's social strata from low to high into five strata, namely, the peasant class, the working class, the old middle class, the new middle class and the owner class (the class that owns the industry and employs others, similar to the capitalist class), as independent variables. The consumption type is divided into two types: survival consumption and development consumption. (The per capita household expenditure on food, clothing, water, electricity, housing, medical care, maintenance and wedding events is defined as the consumption of family members to meet their basic needs, that is, survival consumption; Per capita household expenditure on education, tourism, entertainment, home appliances, communications, transportation, etc. is defined as consumption to meet the future development needs of oneself and family members, that is, developmental consumption. In the current Chinese society, the main consumption needs of the peasant class and the working class are still concentrated on the satisfaction of subsistence needs. The old middle

class not only has strong survival consumption elasticity, but also has strong development consumption impulse. The new middle class has shifted its main consumption power to developmental consumption. Due to the small sample size of the owner class, the owner class does not show statistical significance in these two aspects of consumption [15].

The relationship between social class and social welfare. Taking Haikou City as a case study, Li Fen divided the social class in Haikou into five levels: upper level (state and social managers, managers and private business owners), middle and upper level (professional and technical personnel and clerks), middle and middle level (working class), middle and lower level (self-employed industrial and commercial service employees), and lower level (unemployed or semi-unemployed). The type of social welfare is taken as the dependent variable, and the type of social welfare includes six types (medical care, pension, etc.). Through the empirical study, it is found that there is a positive correlation between social class and social welfare, that is, the higher the social class, the more types of social welfare they enjoy; At the same time, there are differences in the number of total welfares between the middle and upper classes, the upper classes and the middle and lower classes, and the difference in the number of welfares between the middle and lower classes is not significant [16].

Conclusion. Through the research and summary of Chinese literature, including some foreign literature, this paper draws the following conclusions about the empirical research on Chinese social classes:

1. The study of social strata in China has theoretically inherited the theoretical schemata and empirical research methods of western sociological scholars, among which the most influential are Marx's class theory and Weber's social stratification theory, Wright Mills, White, Goldthorpe, Blau and Duncan, etc. Some apply their theories and research methods completely, and then look for empirical data in China. Some scholars have also reflected on the theories and methods of Western sociology, and believe that they cannot simply apply their theories, but should develop their own social stratification model in combination with the actual situation of China. But in general, the theory is less innovative and lacks horizontal comparison with other countries.

2. In terms of the actual situation in China, great changes have indeed taken place in the social strata of China after the reform and opening up. Therefore, some scholars have tried to establish the social stratification model in China. The pattern of social stratification in China is more complex than in other countries. On the one hand, there is the problem of how to link the redistribution model with the market model. The redistribution model has a stratified model, and the market model also has a stratified model. How to arrange the social stratification under the influence of these two models has always been a problem puzzling Chinese scholars, and so far, they have not been able to find a stratified model recognized by everyone.

But there is also a certain consensus that the state administrators (officials) should be at the top of the social hierarchy, and the peasant class and the social unemployed class should be at the bottom of the society. Mental workers (white-collar workers) are higher than manual workers (blue-collar workers).

3. Exploration of independent variables affecting hierarchy. Chinese scholars have explored the effects of gender, educational attainment, type of work unit, and household registration on social stratification. Gender and education level are rich in research results, which are related to

the impact of human capital on social stratification, and this aspect is universal in human society. Household registration system and unit type are special independent variables that affect social stratification in China, but not in other countries. Unit type is also a unique phenomenon in China, reflecting the same job content but different salaries and benefits. However, there is no relevant research to provide specific quantitative data. In general, the independent variables affecting social stratification in China are more and more complex than those in other countries, but the relevant empirical studies are less and simpler.

4. The influence of social class on other social problems. Taking social class as an independent variable, social class clearly affects education, consumption and social welfare, all of which have empirical research results. But the results were limited to just a few areas. Studies on other aspects, such as the relationship between class and political attitude, class and social policy, and class and other social variables, are lacking.

5. Many new social groups or occupational groups have emerged in Chinese society, and there is a lack of research on them. In recent years, some Chinese scholars have studied social groups such as truck drivers and delivery workers. However, for other social groups, such as "software programmers", "financial practitioners", "Internet sellers", "live streamers" as well as freelancers and other emerging social or professional groups, there is a lack of research.

To sum up, these problems are problems that need to be solved in the social class research or group research in the future. These problems not only put forward new questions to the scholars' research, but also put forward new challenges.

REFERENCES

1. Lu, Xueyi (2002), "Analysis of Ten Strata in Contemporary China", *Study and Practice*, no. 3, pp. 262–271.
2. Lu, Xueyi (2020), *Social Structure and Social Stratification in Contemporary China*, 1st ed. Routledge, London, UK.
3. Li, Qiang (2005), "Invented Ding-shaped" social structure and "Structural Tension", *Sociological Research*, no. 2 (1). pp. 169–181.
4. Li, Qiang (2011), *Ten Lectures on Social Stratification*, 2nd ed., Social Sciences Academic Press, Beijing, CHN.
5. Li, Qiang (2005), "On Western Theories of Middle Class and the Status Quo of China's Middle Class Today", *Society*, no. 1, pp. 28–42.
6. Liu, Xin (2020), "Class Structure and Income Inequality in Transitional China", *The J. of Chinese Sociology*, no. 7 (4), pp. 1–24.
7. Li, Lulu and Qin, Guangqiang (2024), *An Analysis of Class Structure in Contemporary China*, Peter Lang, NY, Berlin, GER.
8. Yao, Xianguo and Pu, Laiqing (2004), "The Difference between Urban and Rural Household Registration in China's Labor Relations", *Economic Research*, no. 7, pp. 1–18.
9. Wu, Xiaogang and Treiman, J.D. (2004), "The Household Registration System and Social Stratification in China: 1955–1996", *Demography*, no. 41 (2), pp. 363–384.
10. Lu, Yilong (2008), "Does Hukou still Work? The Household Registration System and its Impact on Social Stratification and Mobility in China", *Chinese Social Sciences*, no. 29 (2), pp. 56–75.
11. Walder, A. (1995), "Career Mobility and the Communist Political Order", *American Sociological Review*, no. 60 (3), pp. 309–328.
12. Bian Yanjie, Lu, Hanlong and Sun, Liping (2002), *Market Transition and Social Stratification: American Sociologists' Analyses of China*, Hong Kong Univ. of Science and Technology, Hong Kong, CHN.

13. Li, Lulu (2017), "Institutional Transformation and the Change of hierarchical structure: the "double production" of the relative relation model of class, *Social Sciences in China*", *Social Sciences in China*, no. 38 (4), pp. 120–140.

14. Li, Chunling (2003), "How Educational Level Affects People's Economic Income: an Examination of the Current Economic Return Rate of Education", *Sociological Studies*, no. 3, pp. 23–44.

15. Zhang, Yi (2016), "The Consumption Tendency of All Social Strata in China: From Subsistence Consumption to Developmental Consumption", *Sociological Research*, no. 5 (2), pp. 52–64.

16. Li, Fen (2013), "Social Stratification Influences Social Welfare", Dr. Sci. (Sociology) Thesis, Nanjing Univ., Nanjing, CHN.

Information about the authors.

Liubov A. Lebedintseva – Dr. Sci. (Sociology, 2012), Docent (2016), Professor at the Department of Economic Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Associate Fellow, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia. The author of more than 150 scientific publications. Area of expertise: economic sociology, intellectual labor, modern Chinese sociology.

Zhang Hailun – Lecturer, School of Marxism, Nanfang College, No. 882, Wenquan Avenue, Conghua District, Guangzhou 510970, China; Applicant at the Department of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 12 scientific publications. Area of expertise: urbanization, social structure, urban space, social inequality.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.07.2024; adopted after review 10.09.2024; published online 20.11.2024.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lu Xueyi. Analysis of Ten Strata in Contemporary China // Study and Practice. 2002. № 3. P. 262–271.

2. Lu Xueyi. Social Structure and Social Stratification in Contemporary China. 1st ed. London: Routledge, 2020.

3. Li Qiang. "Invented Ding-shaped" social structure and "Structural Tension" // Sociological Research. 2005. № 2 (1). P. 169–181.

4. Li Qiang. Ten Lectures on Social Stratification. 2nd ed. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2011.

5. Li Qiang. On Western Theories of Middle Class and the Status Quo of China's Middle Class Today // Society. 2005. № 1. P. 28–42.

6. Liu Xin. Class Structure and Income Inequality in Transitional China // The J. of Chinese Sociology. 2020. № 7 (4). P. 1–24.

7. Li Lulu, Qin Guangqiang. An Analysis of Class Structure in Contemporary China. NY; Berlin: Peter Lang, 2024.

8. Yao Xianguo, Pu Laiqing. The Difference between Urban and Rural Household Registration in China's Labor Relations // Economic Research. 2004. № 7. P. 1–18.

9. Wu Xiaogang, Treiman J. D. The Household Registration System and Social Stratification in China: 1955–1996 // Demography. 2004. № 41 (2). P. 363–384.

10. Lu Yilong. Does Hukou still Work? The Household Registration System and its Impact on Social Stratification and Mobility in China // Chinese Social Sciences. 2008. № 29 (2). P. 56–75.

11. Walder A. Career Mobility and the Communist Political Order // American Sociological Review. 1995. № 60 (3). P. 309–328.

12. Bian Yanjie, Lu Hanlong, Sun Liping. Market Transition and Social Stratification: American Sociologists' Analyses of China. Hong Kong: Hong Kong Univ. of Science and Technology, 2002.
13. Li Lulu. Institutional Transformation and the Change of hierarchical structure: the "double production" of the relative relation model of class, Social Sciences in China // Social Sciences in China. 2017. № 38 (4). P. 120–140.
14. Li Chunling. How Educational Level Affects People's Economic Income: an Examination of the Current Economic Return Rate of Education // Sociological Studies. 2003. № 3. P. 23–44.
15. Zhang Yi. The Consumption Tendency of All Social Strata in China: From Subsistence Consumption to Developmental Consumption // Sociological Research. 2016. № 5 (2). P. 52–64.
16. Li Fen. Social Stratification Influences Social Welfare: Dr. Sci. (Sociology) Thesis / Nanjing Univ. Nanjing, 2013.

Информация об авторах.

Лебединцева Любовь Александровна – доктор социологических наук (2012), доцент (2016), профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: экономическая социология, интеллектуальный труд, современная китайская социология.

Чжан Хайлунь – преподаватель, Школа марксизма, Колледж Наньфан, № 882, проспект Вэньцюань, район Цунхуа, Гуанчжоу 510970, Китай; соискатель кафедры социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: урбанизация, социальная структура, городское пространство, социальное неравенство.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 15.07.2024; принята после рецензирования 10.09.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.*

Оригинальная статья
УДК 81'276
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-91-101>

Ассоциативное поле «Брестская область» как способ моделирования фрагмента языкового сознания жителей Брестского региона

Инна Леонидовна Ильичева

*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь,
ilitcheva@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3610-8147>*

Введение. Моделирование геополитических образов посредством антропометрических методов представляет собой новое и актуальное направление в современном научном знании. В статье рассмотрен образ Брестчины сквозь призму языкового сознания жителей Брестского региона.

Методология и источники. Теоретическую базу настоящего исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых в области методов лингвистических исследований (А. А. Залевская, Н. И. Курганова, А. В. Рудакова, О. Н. Селиверстова, И. А. Стернин, Н. В. Акованцева и др.), психолингвистики и языкового сознания (Е. И. Горошко, А. А. Залевская, Л. О. Бутакова, Ю. Н. Караулов, А. А. Леонтьев, А. П. Клименко, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева и др.). Исследование выполнено в рамках проекта «Брестчина глазами людей разных профессий» совместно с главным управлением идеологической работы и по делам молодежи Брестского областного исполнительного комитета. Материалом исследования послужили 1062 ассоциации, полученные в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 400 представителей сферы культуры.

Результаты и обсуждение. При проведении ассоциативного эксперимента использовалась методика свободной ассоциации. В анкетах респондентам было предложено за ограниченный временной промежуток написать 3–5 ассоциаций на словосочетание-стимул «Брестская область». На базе полученных ассоциативных реакций сформировано ассоциативное поле, выделено 9 тематических групп. На основе ранжирования тематических групп в соответствии с количественными данными выделены слои в когнитивной структуре образа Брестской области.

Заключение. Ассоциативный эксперимент является наиболее эффективным методом, который позволяет выявить отношение жителей региона к окружающей действительности. Это отношение выражается языковыми средствами и отражает понимание мира, его концептуализацию, а также стратегии общения и речевого существования индивида.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативное поле, ассоциативная реакция, когнитивный слой

© Ильичева И. Л., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Ильичева И. Л. Ассоциативное поле «Брестская область» как способ моделирования фрагмента языкового сознания жителей Брестского региона // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 91–101. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-91-101.

Original paper

Associative Field “Brest Region” as a Way to Model a Fragment of the Linguistic Consciousness of Residents of the Brest Region

Inna L. Ilyicheva

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus,
ilicheva@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3610-8147>*

Introduction. Modeling geopolitical images using anthropometric methods is a new and relevant direction in modern scientific knowledge. The article examines the image of the Brest region through the prism of the linguistic consciousness of the inhabitants of the Brest region.

Methodology and sources. The theoretical basis of this study was the work of domestic and foreign scientists in the field of linguistic research methods (A.A. Zalevskaya, N.I. Kurganova, A.V. Rudakova, O.N. Seliverstova, I.A. Sternin, N.V. Akovantsev, etc.), psycholinguistics and linguistic consciousness (E.I. Goroshko, A.A. Zalevskaya, L.O. Butakova, Yu.N. Karaulov, A.A. Leontiev, A.P. Klimenko, Z.D. Popova, I.A. Sternin, E.F. Tarasov, N.V. Ufimtseva, etc.). The study was carried out within the framework of the project “Brest region through the eyes of people of different professions” together with the main department of ideological work and youth affairs of the Brest Regional Executive Committee. The research material was 1062 associations obtained during a free association experiment, in which 400 representatives of the cultural sphere took part.

Results and discussion. During the association experiment, the free association technique was used. In the questionnaires, respondents were asked to write 3–5 associations for the stimulus phrase “Brest region” within a limited time period. Based on the obtained associative reactions, an associative field was formed and 9 thematic groups were identified. Based on the ranking of thematic groups in accordance with quantitative data, layers in the cognitive structure of the image of the Brest region are identified.

Conclusion. An association experiment is the most effective method that allows us to identify the attitude of residents of a region to the surrounding reality. This attitude is expressed by linguistic means and reflects the understanding of the world, its conceptualization, as well as the strategy of communication and verbal existence of the individual.

Keywords: linguistic consciousness, associative field, associative reaction, cognitive layer

For citation: Ilyicheva, I.L. (2024), “Associative Field “Brest Region” as a Way to Model a Fragment of the Linguistic Consciousness of Residents of the Brest Region”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 91–101. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-91-101 (Russia).

Введение. В процессе восприятия окружающей действительности, осмысления происходящих событий и явлений человек стремится вербально зафиксировать результаты своего познания в виде некой структурированной целостности – картины мира. Согласно Т. В. Цивьян, базовый каркас модели мира можно вообразить как «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте... <...> ...переработка происходит как бы в два этапа: первичные данные, воспринятые органами чувств, подвергаются вторичной перекодировке с помощью знаковых систем» [1, с. 5].

Совокупность получаемых человеком знаний антропоцентрична, поскольку, как писал Павел Флоренский: «Человек есть сумма мира, сокращенный конспект его; мир есть раскрытие Человека, проекция его» [2, с. 187].

В процессе познания мира ведущая роль принадлежит языку. В свое время В. фон Гумбольдт отмечал, что «язык возник из внутреннего духовного побуждения, стремящегося облечь и воплотить в звук все, что воспринято от действительности и находится в связи с духовными задатками народа... <...> ...Постигая предметы, человек сближается с внешней природой – так образуются понятия. Понятия оформляются в языке с помощью слова. Этот процесс относится к области языкового сознания» [3, с. 108].

В трактовке Н. В. Уфимцевой и Е. Ф. Тарасова «языковое сознание – это знания, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения в процессе общения первичных и вторичных образов сознания» [4, с. 24]. Н. В. Уфимцева отмечает, что «поскольку каждый человек смотрит на мир сквозь систему предметных значений, которую он усваивает в процессе социализации, то культуру можно рассматривать в том числе и как систему сознания» [5, с. 8].

Любая картина мира является проекцией целостного восприятия внешнего мира определенным типом человеческого сознания: индивидуальным, коллективным. По словам Н. И. Кургановой, «живое коллективное знание конструируется людьми в процессе коммуникации, оно всегда опосредовано языком и семантически структурировано... <...> ...на семантическом уровне коллективное знание можно описать в виде определенной совокупности концептов – национальной концептосферы, в которой зафиксирован опыт взаимодействия лингвокультурного сообщества с окружающим миром. Концептосфера повседневности представляет собой особый слой коллективного знания, в котором представлен первичный опыт освоения мира, что обуславливает его особый статус в структуре коллективного знания и в сознании индивида» [6, с. 20].

В статье предпринята попытка реконструкции семантического содержания образа Брестчины в коллективном сознании жителей региона. В данной работе мы рассматриваем образ территории как сложное образование, функционирующее в сознании лингвосоциума, как систему образов и представлений, связанных между собой.

На современном этапе науки накоплен достаточный опыт в области изучения способов формирования образа территорий (стран и регионов). Выбирая в качестве эмпирической базы медиатексты, исследователи изучают и описывают механизмы конструирования положительного образа территорий в СМИ: Р. Н. Мингалеев «Конструирование имиджа региона российскими СМИ: на примере Республики Татарстан» [7]; Г. Д. Золина «Формирование положительного образа Краснодарского края в средствах массовой информации» [8], И. А. Сушенкова «Лингвокогнитивное исследование регионального имиджа: на примере Омской области» [9], Т. А. Морозова «Медиатизация технологий конструирования имиджа города» [10], А. В. Худякова «Формирование положительного образа сельской территории Крайнего Севера региональной печатью (на примере районов Архангельской области)» [11].

По мнению многих исследователей, «целенаправленная репрезентация региона в общественном сознании является важным этапом стратегического планирования и существенным условием динамичного развития территории. Одним из наиболее действенных инструментов достижения этих целей становится формирование эффективного имиджа территории в средствах массовой информации» [12, с. 3].

Бесспорно, в силу своей доминантной позиции в коммуникативном пространстве медиатексты служат идеальной текстовой канвой для конструирования имиджа региона. Однако, на наш взгляд, любую деятельность по формированию имиджа региона целесообразно начинать с изучения образа региона, реально существующего в обыденном языковом сознании его жителей. И в этом случае важным инструментом может служить ассоциативный эксперимент.

Результаты и обсуждение. В октябре 2023 г. в рамках выполнения диссертационного исследования «Коммуникативное пространство Брестчины» кафедрой речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета совместно с главным управлением идеологической работы и по делам молодежи Брестского областного исполнительного комитета был проведен ряд ассоциативных экспериментов среди жителей Брестского региона под общим названием «Брестчина глазами людей разных профессий».

В ходе ассоциативного эксперимента были опрошены 9 групп испытуемых – 2960 представителей различных сфер деятельности (образование, культура, производство, сельское хозяйство, коммунально-бытовое обслуживание, спорт, туризм, здравоохранение). Объем каждой выборки составлял 200–600 чел. в возрасте от 17 до 70 лет; соотношение респондентов мужского и женского пола было представлено практически в равном количестве.

При отборе респондентов в группы использовались два вида отборочных критериев. Первый из них вытекает непосредственно из целей исследования – выявление специфики вербального ассоциирования на одинаковый стимул у представителей разной профессиональной деятельности. Вторым критерием послужил учет представленности различных типов населенных пунктов Брестской области.

Исследование проводилось в два этапа. В 2022 г. был проведен пилотажный эксперимент, в 2023 г. – основной эксперимент на территории Брестской области.

Объектом данного исследования является ассоциативное поле, смоделированное на базе ассоциатов, полученных в свободном ассоциативном эксперименте, проведенном с представителями сферы культуры (400 чел.). Среди участников эксперимента – музейные работники, искусствоведы, культурологи, библиотекари, писатели, литераторы. Незначительное количество участников составляют государственные служащие, определяющие стратегические приоритеты развития сферы культуры в Брестской области.

На фоне других групп респондентов данная группа выделяется рядом характеристик. Во-первых, в соответствии с возложенными задачами работники сферы культуры обеспечивают охрану и бережение историко-культурных ценностей, способствуют популяризации различных видов искусства. Представители данной сферы деятельности также участвуют в реализации государственной культурной политики на территории разных населенных пунктов Брестской области, координируют деятельность учреждений культуры и в рамках своей компетенции сотрудничают с общественными объединениями. Все перечисленные факты свидетельствуют о значительной степени вовлеченности данной группы респондентов в процесс производства и распространения культурной продукции.

Интегральный подход с учетом методик анализа сразу нескольких научных дисциплин (когнитивной лингвистики, лингвистической семантики, теории коммуникации, психолингвистики и лингвокультурологии) обусловили междисциплинарный ракурс исследования.

Перейдем непосредственно к описанию ассоциативного эксперимента.

В ходе заполнения анкеты испытуемым было предложено указать свой возраст, пол, род деятельности; с помощью первых 3–5 реакций ответить на вопрос: «С чем у Вас ассоциируется Брестская область?» Обработке подвергались все ответы, включая единичные реакции.

На первом этапе анализа было составлено ассоциативное поле (1062 реакции). В данном исследовании под «ассоциативным полем» мы, вслед за А. П. Клименко, понимаем все слова-реакции на заданное слово-стимул [13, с. 19].

В ядро составленного нами ассоциативного поля вошли 10 наиболее частотных реакций (суммарно 630 единиц): Беловежская пуца (175), Брестская крепость (172), красивый лесной и озерный край (95), зубр (57), малая родина (27), Полесье (23), культурные события (23), красота (20), лес (20), чистота (18). По этим данным сразу заметна достаточно высокая плотность ядра (59 % от всех полученных реакций) и наличие определенной структуры: ядро, ближняя периферия, дальняя периферия. Практически для каждого третьего респондента Брестская область – это прежде всего уникальный реликтовый лес Беловежская пуца и мемориальный комплекс «Брестская крепость», на долю которых приходится 33 % от общего количества реакций.

Затем на этапе семантической интерпретации сходные по смыслу ассоциативные реакции были обобщены и распределены по 9 тематическим группам.

1. Ассоциаты (530), связанные с географическими и природно-ландшафтными особенностями: Беловежская пуца (175), природа (107), зубр (57), Полесье (23), лес (20), васильки (17), реки (17), болота (16), поле (9), клубника (7), земля (7), клюква (5), чистый воздух (5), озеро (5), Белое озеро (5), Ольманские озера (5), лен (5), река Буг (4), Юго-Запад Беларуси (4), луга (4), зелень (3), поля (3), дуб, аист, река Мухавец, Дуга Струве, Огинский канал, полевые цветы, березовая роща, бусел, самая теплая область, вкусные деревья, Лобелия Дортмана.

2. Ассоциаты (286), связанные с историко-культурным наследием региона: Брестская крепость (172), культурные события (32), Белая вежа (14), Дворец Пусловских (9), Картозеанский монастырь (7), Коссовский замок (6), Каменецкая башня (5), Кобринский музей (5), культура (5), музей Великой Отечественной войны (3), музей Суворова (3), Лунинецкие клубнички (3), Мотольские присмаки (3), фонарщик (3), усадьба Немцевичей (2), богатое историческое наследие (2), дворцы и усадьбы (2), областной краеведческий музей (2), богатое историческое прошлое, музей-усадьба «Пружанский палацик», насыщенная культура, музей «Бездежский фартушок», областной центр ООКЦ, подвойное ткачество, Брестская библия, ЦМТ, фестиваль «Читающий бульвар», литературно-музыкальный фестиваль «Восень у Завоссі», книжный альманах «Берасцейская скарбніца».

3. Ассоциаты (125), связанные со сферой «личное отношение»: малая родина (27), чистота (18), дом (12), Брест (12), теплота (7), мирное небо (7), радуется природа (7), семья (6), гостеприимная (6), красивая (4), спокойная (3), душевная (3), любовь (3), стабильность (3), хочется вернуться (2), любимая работа (2), Столин (2), Кобрин (2), Ивацевичи, Пинск, агрогородок Страдечь, Иваново, Березовский район, душевное тепло, спокойствие, радость, любимая, трудолюбие, мирная, родная, близкая, солнечная, самая красивая область, цветущая, современность, дети и внуки, многодетные жилые районы, бабушка и дедушка.

4. Ассоциаты (35), связанные со сферой «население»: дружелюбные люди (10), гостеприимные люди (6), добрые люди (5), П. Климук (3), М. Пташук (2), замечательные люди,

модные стильные люди, отзывчивые люди, А. Бадак, Г. Марчук, И. Штейнер, М. Шелехов, А. Брестский, Н. Орды, Л. Пронченко, высокий интеллектуальный уровень населения

5. Ассоциаты (33), связанные со сферой туризма: скульптура зубра на трассе М1 (7), улица Советская (7), архитектура (7), достопримечательности (5), резиденция Деда Мороза (4), агроусадьбы (4), аллея фонарей (3), Споровские сенокосы (3), парк «Диприз» (3), музей ж/д (2), экскурсии (2), важный туристический регион, туризм (2), достопримечательности.

6. Ассоциаты (24), связанные с экономической сферой: урожай (7), ОАО «Савушкин продукт» (6), продукция ОАО «Ляховичок» (3), ОАО «Санта Бремор» (2), маленькие зарплаты, драники, сыр, фермеры, мясомолочные продукты высокого качества, ОАО «Пинскдрев», дожинки, развитый агропромышленный комплекс, лидер в уборочной компании, сельское хозяйство, молочная промышленность.

7. Ассоциаты (24), связанные с транспортной сферой: граница (20), плохие дороги, отсутствие придорожного сервиса, хорошие дороги, одна из важных транспортных артерий.

8. Ассоциаты (3), связанные со сферой здравоохранения: санаторий «Ружанский», санаторий «Берестье», областная больница.

9. Ассоциаты (2), связанные со сферой образования: Национально-экспериментальная база «Журавинка», БрГТУ.

Как видно из вышеперечисленных реакций, вербализация визуального образа Брестчины имеет ряд особенностей. Во-первых, в ответах респондентов четко прослеживается параллелизм природного феномена «пространства» с понятием «малой родины», обладающей богатым историко-культурным наследием. Респонденты сравнивают Брестчину с малой родиной, в пространстве которой они приобщились к определенным ценностям жизни, традициям, символам, к природе, окружающей социальной среде. Для респондентов данной группы малая родина – это системное понятие, включающее в себя воспоминания о детстве, семье, родителях, родственниках (родная, дети и внуки, многодетные жилые районы, бабушка и бабушка, семья).

Во-вторых, присутствующий в сознании респондентов территориальный образ наполнен маркерами чувственного восприятия: зрительного, слухового, осязательного, обонятельного и вкусового (зелень, васильки, реки, болота, клубника, клюква, полевые цветы, березовая роща, бусел, самая теплая область, вкусные деревья, Лобелия Дортмана, чистый воздух, самая теплая область, солнечная, цветущая). Именно благодаря органам чувств в сознании человека, как и любого другого живого существа, складывается перцептивный образ того или иного предмета, а также картина мира в целом [14, с. 39].

Для представителей сферы культуры характерно стремление оценок к положительному полюсу и для других тематических групп. Так, в ответах респондентов прослеживалась прочная ассоциация Брестчины с развитой промышленностью и сельским хозяйством: ОАО «Савушкин продукт», продукция ОАО «Ляховичок», ОАО «Санта Бремор», сыр, мясомолочные продукты высокого качества, урожай, фермеры, дожинки, развитый агропромышленный комплекс, лидер в уборочной кампании, сельское хозяйство.

Привлекательность Брестчины тесно связана и с туристическими объектами: резиденция Деда Мороза, агроусадьбы, аллея фонарей, парк «Диприз». В процессе дефинирования образа региона в данном направлении участники эксперимента фокусировали свое внима-

ние на таких характеристиках, как важный туристический регион, транспортная артерия. Следует отметить, что некоторые реакции, например, дворец Пусловских, Коссовский замок, Каменецкая башня, можно отнести одновременно к двум тематическим группам: с одной стороны, данные достопримечательности являются туристическими объектами, с другой – объектами культурно-исторического наследия.

Некоторые респонденты, участвовавшие в ассоциативном эксперименте, воспринимают регион антропоцентрически – сквозь призму его жителей. Важно отметить, что в своих ответах респонденты обращают внимание на следующие положительные характеристики жителей региона: отзывчивые, гостеприимные, добрые, замечательные, высокий интеллектуальный уровень, дружелюбные люди, добрые люди, модные, стильные люди.

Таким образом, разновекторный характер полученных реакций свидетельствует о том, что жители воспринимают Брестскую область как самодостаточный регион, занимающий важное место в Республике Беларусь. Мы полагаем, что выделенные тематические группы можно трактовать как когнитивные слои, образующие каркас модели восприятия региона: 1) Брестская область – регион с уникальным природным достоянием и богатым историко-культурным наследием; 2) Брестская область – малая родина; 3) Брестская область – регион, где проживают добрые, отзывчивые и талантливые люди; 4) Брестская область – экономически развитый регион; 5) Брестская область – приграничный регион с туристическим потенциалом; 6) Брестская область – регион с развитой медицинской и образовательной сферами.

В лингвистическом аспекте с учетом структурных особенностей все полученные реакции можно разделить на четыре основных типа: 1) реакции-слова; 2) реакции-словосочетания; 3) реакции-предложения; 4) реакции-тексты.

Преобладание реакций-слов в нашем материале может свидетельствовать о том, что в лексиконе испытуемых названия объектов и явлений действительности представляются чаще, чем сами свойства этих предметов. Среди ассоциатов-существительных встречаются: 1) личные номинации: люди, дети, внуки, предки, писатели; 2) абстрактные понятия: спокойствие, стабильность, теплота, уют, любовь, радость, отвага; 3) названия природных объектов: вальки, дуб, деревья, клубника, аист; 4) имена собственные: а) антропонимы: Наполеон Орда, Михаил Пташук, Петр Климук, Александр Бадак, Леонид Пронченко, Георгий Марчук, Иван Штейнер, Михаил Шелехов; б) топонимы (названия внутригородских топографических объектов): ул. Советская, набережная, музей «Берестье», музей Суворова, парк «Диприз», музей Великой Отечественной войны.

Образ Брестчины «присваивается» респондентами и оценивается с помощью эмоционально окрашенной лексики: любимая, гостеприимная, мирная, родная, близкая, солнечная, красивая область, цветущая, душевная.

Значительное количество ассоциатов наполняет третий и четвертый типы реакций – реакции-предложения и реакции-тексты, что свидетельствует о том, что образ Брестской области находится в активной зоне сознания:

– Вторая родина, где много лет живу, вырастил и воспитал двух сыновей.

– Радует природа, урожай, дети, внуки, мир над головой.

– Брестская область – это красивая природа и старинная архитектура. Это заповедники и заказники, национальный парк «Беловежская пуща», мемориал «Брестская крепость-герой».

– Брестская крепость. Беловежская пуца. Здесь живут самые гостеприимные и талантливые люди, которые берегут красоту и чистоту всех городов.

Примечательно, что в ряде случаев письменные ответы респондентов представляют собой лексико-синтаксическое единство, дополненное изобразительным рядом. С целью усиления выразительности текста, повышения экспрессивности высказывания некоторые респонденты используют сегментированные экспрессивные синтаксические конструкции, открытые ряды однородных членов, несвободные синтаксические конструкции, устойчивые выражения:

– Это родина моя. Хлебные поля. Золотой колос.

– Работай и все у тебя будет. Под лежащий камень вода не течет.

– Значимые объекты природы: Беловежская пуца, Ольманские озера, самобытные традиции и обряды, трудолюбивые люди.

Структурированию воплощенной в ответах мысли и повышению эмоциональности способствуют зафиксированные нами элементы синграфематики, супраграфематики и топографематики. Являясь носителями определенной информации, как справедливо отмечает Е. Е. Анисимова, «паралингвистические средства приобретают особую значимость в тексте, формируют наряду с вербальными средствами его содержательный и прагматический аспекты и выступают в качестве релевантных для его типобразования» [15, с. 72]. С помощью механизмов шрифтового и пунктуационного варьирования респонденты стремились письменно выразить свое личное отношение: Каб любіць Беларусь нашу мілую, Трэба ў розных краях пабываць!!!; Брэсцкая вобласць – Радзіма мая! Лепшай ў свеце наогул няма!; #Первый регион!; МОЯ МАЛАЯ РОДИНА!

Интересно и то, что в двух ответах респондентов присутствует ассоциат-стихотворение:

«Прыедзь у край мой ціхі...»

Прыедзь у край мой ціхі,

Тут продкаў галасы,

Тут белыя бусліхі

І мудрыя лясы.

Хапае на Палессі

І сонца, і вады.

І што ні двор – то песня,

Што вёска – то сады» [16].

Использование в качестве модели стилизации другого типа текста, включение в графическую структуру анкеты прецедентного текстового блока придает ей эмоциональность, позволяет автору необычным образом передать свои чувства и эмоции.

Заключение. Проведенный свободный ассоциативный эксперимент позволяет сделать следующие выводы.

1. Ассоциативный эксперимент служит важным инструментом, который позволяет выявить отношение жителей региона к окружающей действительности. Это отношение выражается языковыми средствами и отражает понимание мира, его концептуализацию, а также стратегии общения и речевого существования индивида. Ассоциативное значение слова выявляет его коммуникативный потенциал – то, что обуславливает способность слова участвовать в общении в качестве элемента высказывания.

2. Описание психолингвистического значения слова имеет системно-целостный характер, и его целесообразно «выполнять по заданному алгоритму, включающему в себя ряд последовательных действий по семантической интерпретации психолингвистических данных» [17, с. 12].

3. Полученные в ходе ассоциативного эксперимента результаты, безусловно, обладают прикладным потенциалом, поскольку ярко свидетельствуют о целесообразности использования антропометрических методов в интенсивно развивающихся областях топонимического имиджирования и когнитивного картографирования территорий. Полученные результаты полностью подтверждают тезис о том, что исходной точкой формирования успешного имиджа региона является изучение образа региона, существующего в обыденном языковом сознании его жителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цивьян Т. В. Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983.
2. Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / пер. с нем. М. И. Левиной, О. А. Гулыги, А. В. Михайлова и др. М.: Прогресс, 1985.
4. Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 22–29.
5. Уфимцева Н. В. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимодействия. Ярославль: Канцлер, 2017.
6. Курганова Н. И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / ТвГУ. Тверь, 2012.
7. Мингалеев Р. Н. Конструирование имиджа региона российскими СМИ: на примере Республики Татарстан: дис. ... канд. социол. наук / Казан. гос. технол. ун-т. Казань, 2004.
8. Золина Г. Д. Формирование положительного образа Краснодарского края в средствах массовой информации: дис. ... канд. филол. наук / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2007.
9. Сушенкова И. А. Лингвокогнитивное исследование регионального имиджа: на примере Омской области: дис. ... канд. филол. наук / Омск. гос. ун-т. Омск, 2011.
10. Морозова Т. А. Медиатизация технологий конструирования имиджа города: дис. ... канд. филол. наук / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2013.
11. Худякова А. В. Формирование положительного образа сельской территории Крайнего Севера региональной печатью (на примере районов Архангельской области): дис. ... канд. филол. наук / Академия медиаиндустрии. М., 2016.
12. Прасолова О. В. Формирование имиджа региона в средствах массовой информации: на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2010.
13. Клименко А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск: МГПИИЯ, 1974.
14. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995.
15. Анисимова Е. Е. Лингвистика и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academia, 2003.
16. Янішчыц Я. Прыездзь у край мой ціхі... // Вершы, паэмы. Мінск : Маст. літ., 2000. С. 21.
17. Рудакова А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической семасиологии и лексикографии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2022.

Информация об авторе.

Ильичева Инна Леонидовна – кандидат филологических наук (2008), доцент кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета, ул. Захарова, д. 21, Минск, 220034, Беларусь. Автор более 55 научных публикаций. Сфера научных интересов: медиалингвистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурологи, социалингвистика, теория коммуникации.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.01.2024; принята после рецензирования 19.02.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.

REFERENCES

1. Tsiv'yan, T.V. (1983), *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and Structure], Nauka, Moscow, USSR.
2. Florenskii, P.A. (2000), *Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii* [Articles and research on the history and philosophy of art and archeology], Mysl', Moscow, RUS.
3. Humboldt, W. (1985), *Sprache und Philosophie der Kultur*, Transl. by Levina, M.I., Gulyga, O.A., Mikhailov, A.V. et al., Progress, Moscow, USSR.
4. Ufimtseva, N.V. and Tarasov, E.F. (2009), "Problems of studying linguistic consciousness", *J. of Psycholinguistics*, no. 10, pp. 22–29.
5. Ufimtseva, N.V. (2017), *Regional'noe yazykovoe soznanie komi, russkikh, tatar: problemy vzaimovliyaniya* [Regional linguistic consciousness of Komi, Russians, Tatars: problems of mutual influence], Kantsler, Yaroslavl', RUS.
6. Kurganova, N.I. (2012), "The role and place of the semantic field in modeling the structural and operational parameters of the word meaning", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, TSU, Tver, RUS.
7. Mingaleev, R.N. (2004), "Construction of the image of the region in Russian mass media: on the example of the Republic of Tatarstan", Can. Sci. (Sociology) Thesis, KSTU, Kazan', RUS.
8. Zolina, G.D. (2007), "Formation of a positive image of the Krasnodar region in the media", Can. Sci. (Philology) Thesis, Kuban State Univ., Krasnodar, RUS.
9. Sushenkova, I.A. (2011), "Lingvocognitive study of regional image: on the example of Omsk region", Can. Sci. (Philology) Thesis, Omsk State Univ., Omsk, RUS.
10. Morozova, T.A. (2013), "Mediatization of technologies for constructing the image of the city", Can. Sci. (Philology) Thesis, Kuban State Univ., Krasnodar, RUS.
11. Khudyakova, A.V. (2016), "Formation of a positive image of the rural territory of the Far North by the regional press (on the example of the districts of the Arkhangelsk region)", Can. Sci. (Philology) Thesis, Academy of Media Industry, Moscow, RUS.
12. Prasolova, O.V. (2010), "Formation of the image of the region in the media: on the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Voronezh State Univ., Voronezh, RUS.
13. Klimenko, A.P. (1974), *Leksicheskaya sistemnost' i ee psiholingvisticheskoe izuchenie* [Lexical systematicity and its psycholinguistic study], MGPIIYA, Minsk, USSR.
14. Apresyan, Yu.D. (1995), "Lexical semantics", *Izbrannye trudy* [Selected works], in 2 vol., vol. 1, Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, RUS.
15. Anisimova, E.E. (2003), *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Linguistics and intercultural communication (based on creolized texts)], Academia, Moscow, RUS.
16. Yanishchyts, Ya. (2000), "Pryedz' u krai moi tsikhi...", *Vershy, paemy* [Poems, poems], Mast. lit., Minsk, BLR, p. 21.
17. Rudakova, A.V. (2022), "Theoretical and applied problems of psycholinguistic semasiology and lexicography", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, Voronezh State Univ., Voronezh, RUS.

Information about the author.

Inna L. Ilyicheva – Can. Sci. (Philology, 2008), Associate Professor at the Department of Speech Science and Theory of Communication, Minsk State Linguistic University, 21 Zakharova str., Minsk 220034, Belarus. The author of more than 55 scientific publications. Area of expertise: media linguistics, intercultural communication, linguoculturology, sociolinguistics, communication theory.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 12.01.2024; adopted after review 19.02.2024; published online 20.11.2024.

Оригинальная статья

УДК 81-11

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-102-114>

Компенсация как способ адаптации имен собственных для сохранения юмористического эффекта на примере перевода на русский и английский языки комиксов о приключениях Астерикса

Дмитрий Александрович Дьячков

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
dm.al.dyachkov@yandex.ru*

Введение. Статья посвящена рассмотрению адаптации имен собственных в переводах на английский и русские языки французских комиксов о похождениях Астерикса. Эта серия комиксов носит развлекательный характер и опирается в основном на невербальный и вербальный юмор, проявляющийся, в частности, в символизме имен. Актуальность исследования связана с ростом числа контента, в котором имена собственные и смысл, вкладываемый в них авторами, носят символический характер. Цель статьи – продемонстрировать, как компенсация помогает сохранить или при невозможности сохранения, обладая иным смыслом, передать эффект в имени собственном так, чтобы перевод гармонично вписывался в текст.

Методология и источники. Основными методами исследования выступают семантический анализ, заключающийся в определении смыслового содержания имени в оригинале, и сравнительно-сопоставительный метод, с помощью которого выявляются общие свойства и различия имен собственных в оригинале и переводах, и как компенсация помогает восполнить потерю смысла, если она происходит. Эмпирической базой исследования послужили пять выпусков комиксов о приключениях Астерикса и их переводы на русский и английский языки.

Результаты и обсуждение. Подробно рассмотрены наиболее яркие примеры имен собственных, что включает, во-первых, лингвистические приемы, используемые авторами оригинальных текстов, во-вторых, выбор, сделанный переводчиками, который зависит как от характера целевого языка (английский и русский), так и от отношений между изображением и текстом. Большинство имен собственных подверглось семантической трансформации из-за невозможности передать смысловое содержание имени средствами ПЯ (переводящий язык). Трансформации выполнялись либо с упором на визуальную составляющую, либо личностные качества персонажа.

Заключение. В комиксах об Астериксе имена собственные играют особую роль, подчеркивая уникальность произведений и их юмористический тон. Учитывая большое количество комиксов, анализ этих категорий языка нельзя назвать исчерпывающим, однако можно выделить общий принцип, по которому происходила адаптация. Во многом благодаря компенсации, переводчикам удалось сохранить этот тон, воспользовавшись ей при передаче имен.

Ключевые слова: комикс, компенсация, имя собственное, юмористический эффект, Астерикс, реалии

© Дьячков Д. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Дьячков Д. А. Компенсация как способ адаптации имен собственных для сохранения юмористического эффекта на примере перевода на русский и английский языки комиксов о приключениях Астерикса // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 102–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-102-114.

Original paper

Compensation as a Means of Proper Names Adaptation to Preserve a Humorous Effect Using the Example of Russian and English Translations of Comics about the Adventures of Asterix

Dmitrii A. Diachkov

*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia,
dm.al.dyachkov@yandex.ru*

Introduction. The article considers the adaptation of proper names in English and Russian translations of French comics about Asterix. The series of comics is entertaining and relies mainly on non-verbal humor and verbal humor, come out in the symbolism of names. The relevance of the study is associated with the growing number of content in which proper names and the meaning invested in them by the authors are symbolic. The purpose of this study is to demonstrate how compensation helps to preserve or, if preservation is impossible, having a different meaning, to convey the effect in a proper name so that the translation fits harmoniously into the text.

Methodology and sources. The main research methods are semantic analysis by means of which the semantic content of the name in the original language is determined, and the comparative method, with the help of which the common properties and differences of proper names in the original and translations are identified, and how compensation helps to compensate for the loss of meaning, if it occurs. The empirical basis of the study was five issues of comics about the adventures of Asterix and their translations into Russian and English.

Results and discussion. The most significant examples of proper names are examined in details, which includes: firstly, the linguistic techniques used by the authors of the original texts, and secondly, the decisions made by the translators, which depends both on the nature of the target language (English and Russian) and on the relationships between the image and text. The overwhelming majority of proper names have undergone semantic transformation, due to the impossibility of conveying the semantic content of the name using TL. Transformations were made either with an emphasis on the visual component or the personal qualities of the character.

Conclusion. In the comics about Asterix, proper names play an important role, emphasizing the uniqueness of the works and their humorous tone. Considering the large number of comics, the analysis of these categories of language cannot be called comprehensive, but we can highlight the general principle according to which the adaptation took place. Thanks to compensation, the translators managed to maintain this tone, using it when transferring names.

Keywords: comics, compensation, proper name, humorous effect, Asterix, realities

For citation: Diachkov, D.A. (2024), "Compensation as a Means of Proper Names Adaptation to Preserve a Humorous Effect Using the Example of Russian and English Translations of Comics about the Adventures of Asterix", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 102–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-102-114 (Russia).

Введение. Адаптация юмористических выражений представляет собой серьезную проблему для переводчиков, особенно если речь идет об именах собственных, несущих юмористическую составляющую. Выбор наиболее эффективного подхода к адаптации данных частей текста имеет решающее значение для избежания двусмысленности, искажения авторской мысли или даже полной потери юмористического эффекта.

В переводоведении уделено значительное внимание проблеме передачи имен собственных, а также посвящено множество исследований. Однако универсальный подход к решению этой проблемы еще предстоит предложить, так как необходимо учитывать принципы и особенности, которыми руководствовался автор исходного текста при создании имен собственных. Слабое понимание приемов адаптации имен собственных со стороны переводчика неизбежно может привести к искажению исходного текста, что вызовет трудности у читателя в определении предполагаемого референта и понимание семантических нюансов, связанных с именем.

К наиболее распространенным методам передачи имен собственных на язык перевода относятся транскрипция с элементами транслитерации, калька, полукалька, создание неологизмов, описательный перевод (Д. И. Ермолович [1] и Л. М. Щетинин [2]). Однако эти методы не всегда эффективно сохраняют юмористическую составляющую имен собственных. В контексте комиксов адаптация имен собственных несколько упрощается. Если прямой метод передачи имени собственного невозможен, можно использовать альтернативные стратегии, такие как связывание имени собственного на языке перевода с невербальным элементом.

Методология и источники. В рамках статьи компенсация рассматривается как один из подходов к передаче имен собственных. В отечественной литературе ей не уделено пристальное внимание, однако существуют работы, в которых авторами предложена подробная структура компенсации. Особый интерес вызывает не только изучение трудов отечественных и зарубежных ученых, но формирование на этой основе подхода к адаптации имен собственных.

В работах Л. С. Бархударова упоминается компенсация как один из способов переводческих преобразований. Она используется, когда некоторые элементы исходного языка не имеют эквивалентов в целевом языке, и поэтому они могут быть дополнены другими средствами [3, с. 176]. Компенсация также рассматривалась в исследованиях перевода. В «A Textbook of Translation» П. Ньюмарка компенсация описывается как процесс, при котором утрата смысла, звукового эффекта, метафоры или прагматического эффекта в одной части предложения компенсируется в другой или в соседнем предложении [4, р. 90].

К числу заметных работ, посвященных вопросам компенсации, можно отнести «Thinking Translation: A Course in Translation Method. Italian to English» С. Харви и Дж. Хиггинса [5], а также «Компенсация как категория переводоведения» Н. А. Фененко и А. А. Кретьева [6].

В работе С. Харви и Дж. Хиггинса выделяются три самостоятельные категории компенсации. Авторы, тем не менее, отмечают, что многие случаи компенсации на самом деле могут относиться к нескольким категориям. Основное внимание следует уделять не только категоризации, но и пониманию потерь, которые необходимо компенсировать. При определении категории компенсации всегда следует учитывать другие важные факторы, такие как контекст, стиль, жанр и цели как исходного текста (ИТ), так и целевого текста (ЦТ) [5, р. 34].

По мнению исследователей, компенсация становится необходимой, когда определенные факторы вынуждают переводчика идти на нежелательный, но неизбежный компромисс. Это часто связано с различием в форме между ИТ и ЦТ. *Компенсация в форме (Compensation in mode)* может принимать различные формы, например, делать явным в ЦТ то, что подразумевается в ИТ, или преобразовывать буквальное значение в коннотативное. Эти компенсаторные изменения в форме могут проявляться по-разному, включая использование разных частей речи, альтернативных синтаксических структур и замену отдельных слов, фраз, предложений или даже абзацев [5, p. 39].

Компенсация также приводит к изменению размещения определенных текстовых эффектов. Текстовый эффект в ЦТ происходит в другом месте по отношению к другим элементам в контексте ЦТ по сравнению с соответствующим эффектом в контексте ИТ. Эта категория называется компенсацией на месте (*compensation in place*). Кроме того, компенсация часто включает в себя распространение характеристик ИТ на относительно большую часть ЦТ, что известно, как компенсация посредством расщепления (*compensation by splitting*) [5, p. 39].

Авторы также отмечают, что три уже описанные категории компенсации не являются взаимоисключающими, и каждая категория может включать в себя широкий спектр вариаций. Например, можно не разделять компенсацию в форме и компенсацию на месте, поскольку почти все типы компенсации предполагают различия как в форме, так и в месте. Так, К. Харви в собственном исследовании объединяет перечисленные три категории и получает обобщенную компенсацию (*generalized compensation*), которая будет относиться ко всему тексту, в зависимости от частоты применения [7].

В исследованиях Н. А. Фененко и А. А. Кротова концепция компенсации расширена. Авторы дополнили ее собственной терминологической базой, основанной на термине «реалия». В работе выделены следующие виды реалий:

– *R-реалии* – реалия как предмет реальной действительности. На ПЯ передается посредством выбора в родной культуре денотата, который может быть эквивалентен чужому, либо, когда появляется смысловая недостаточность, возможно применение синонимических цепочек, вносящих дополнительную информацию [8];

– *S-реалии* – реалия как идеальный эквивалент среды обитания социума. Ввиду возможной культурной недостаточности могут быть переданы на ПЯ с помощью экспликаций или единицы номинации языка перевода, уточняемой в сносках;

– *L-реалии* – реалия как средство номинации культурного концепта (имена собственные, топонимы и антропонимы). Чаще всего передана в ЦТ с помощью транслитерации или транскрипции [9].

Своей целью авторы ставят показать, что теорию и практику перевода можно рассматривать как теорию компенсаций, которые разделены на языковые (внутриуровневые и межуровневые, полные и частичные, линейные и нелинейные, формальные и содержательные) и внеязыковые (культурные и социокультурные) [6].

Главное понимать, компенсация – это сокращение неприемлемых потерь при переводе (за счет намеренного использования приемлемых потерь). Описанные исследования могут быть объединены в единую концепцию, которая позволит переводчикам сформировать наиболее эффективную стратегию адаптации текста. Например, в рамках данного исследования

предлагается рассматривать имена собственные в качестве L-реалии, к которым применяется компенсация по форме, реализуемая с помощью семантической замены.

Результаты и обсуждение. В этой статье анализируется корпус имен собственных, встречающихся в комиксах о приключениях Астерикса. Приключения Астерикса, вероятно, являются наиболее исследованными комиксами в литературе, посвященной переводу. Исследуемые аспекты включают перевод юмора, цитат, культурных аллюзий и стереотипов, а также взаимодействие словесных и невербальных элементов. В статье речь идет о том, как переводчики справились с адаптацией имен собственных на русский и английский языки. Серия состоит из 64 выпусков, среди которых не все имеют перевод, поэтому выборка имен, в которых важную роль играет словесный юмор, не является полной, однако имеющееся количество вполне позволяет сделать определенные выводы.

На примере переводов комиксов о приключениях Астерикса, можно сделать предположение, что большее значение при адаптации имен собственных имеет компенсации по форме (моде). Большинство имен ИЯ (исходного языка) заменяются иными в ПЯ для сохранения юмористических эффектов. В примерах, представленных далее, большинство имен не имеют никаких связей с оригинальными именами (за исключением суффиксов с общим происхождением), однако компенсация сделана с упором на формирование имен в исходном тексте, поэтому форма преобладает над другими категориями.

Перед переводчиками комиксов об Астериксе стояла сложная задача, поскольку необходимо было переводить имена собственные, образованные словосложением. Очевидно, если невозможно передать имя персонажа (например, с помощью транскрипции) созвучное с оригиналом и сохранить заложенный в него смысл, то основной задачей оставалось сохранение идеи (т. е. компенсировать по форме). Одна из проблем, с которой переводчикам пришлось столкнуться в комиксах об Астериксе, – это то, как имена собственные строятся вокруг корня, к которому добавляется суффикс, подчеркивающий национальность:

- ix для галлов (адаптирован как «икс» в русском; «ix» в английском);
- ic для готов (адаптирован как «их»; «ic» в английском);
- us для римлян (адаптирован, чаще всего, как «ий»; «us» в английском);
- af для норманнов (адаптирован как «аф»; «af» в английском);
- ax для британцев (адаптирован как «акс»; «ax» в английском).

Переводчикам было необходимо учитывать морфологические особенности языка перевода и подбирать слова, к которым перечисленные суффиксы могли быть подставлены без нарушений. Другая проблема заключалась в построении самих имен, потому что, если имена главных героев основаны на одном существительном, то большая часть остальных имен построена на двух словах, скомбинированных так, что их значение выделяется только при чтении вслух. Следующий пример показателен: в комиксе «Астерикс гладиатор» имя владельца ресторана на французском языке звучит как *Plaintcontrix*, что дает *plainte contre* – юридический термин, означающий «жалоба на неизвестное лицо». Дословный перевод в значительной степени удлинил бы это имя на английском и русском языке и без учета суффикса, подчеркивающего национальность. В обоих языках переводчики адаптировали его имя, изменив его семантическую основу, сохранили юмористический характер и связали с кулинарией: *Instantmix* и *Профитроликс*. В английском языке имя образовано от термина *instant mix*

(растворимые смеси). Этот термин ныне устарел, потому он органично вписывается в повествование, и в данном случае второе слово уже заканчивается на «ix», что избавляет от необходимости подбирать слово, к которому можно органично добавить суффикс. В русском языке имя образовано от слова «профитроли» (французское блюдо), отчего адаптация работает на нескольких уровнях, отсылая к имени на ИЯ и связывая имя персонажа непосредственно с его профессией. Описанный пример показателен по двум причинам:

– в английском языке было использовано слово, имеющее «ix» в корне, что, однако, не частое явление. Обычно переводчики находили слова, заканчивающиеся таким образом, что при написании «ix» в конце слова само слово при прочтении звучало бы как прежде. Для галльских и готских окончаний, переводчики использовали прилагательные и существительные, оканчивающиеся на «ic (s)»;

– в оригинальных комиксах большая часть имен, как уже было упомянуто, получены словосложением (от двух слов до целых словосочетаний). В английском и русском языках имен, образованных таким образом, не так много. Большая часть появилась от одного слова, к которому была возможность приписать суффикс «ix»/«икс».

Имеем ли мы в данном примере дело с компенсацией? Можно утверждать так. В обоих переводах имя персонажа полностью заменено, но юмористический эффект сохранен, несмотря на то, что юмор стал более наглядным.

В табл. 1 представлены галльские имена в переводах для британского и российского рынка [10–13].

Таблица 1. Гальские имена
Table 1. Gaul names

Французский язык	Русский язык	Английский язык
Astérix	Астерикс	Astérix
Obélix	Обеликс	Obélix
Idéfix	Идефикс	Dogmatix
Panoramix	Панорамикс	Getafix
Abraracourcix	Авторитарикс	Vitalstatistix
Assurancetourix	Консерваторикс	Caçofonix
Ordralfabétix	Антисанитарикс	Unhygenix
Agécanonix	Допотопикс	Geriatricx
Bonemine	Импедимента	Impedimenta
Cetautomatix	Автоматикс	Fulliautomatix
Pneumatix	Телеграфикс	Postaldistribix
Ielosubmarine	Бактерия	Bacteria
Tragicomix	Трагикомикс	Tragicomix
Goudurix	Идунарикс	Justforkix

Имена главных героев при адаптации Астерикс и Обеликс были сохранены. Значения имен в английском и французском *asterisque/asterisk*, *obelisque/obelisk*. Астерикс – главный герой комиксов (от лат. *astra* – звезда), звезда которая является этимологической основой имени. В русском переводе эта связь не очевидна, (так как латинский язык оказал не такое существенное влияние на развитие славянского языка. Возможным вариантом адаптации было бы «Звездарикс» или «Протагоникс», что подчеркивало бы главную роль персонажа. Обеликс – большой и толстый мужчина, чье имя этимологически связано со словом *obelisk* –

монумент, сужающийся к верху. В английском и русском языке имя также не было изменено, так как созвучно со словом, от которого образовано.

Большая часть имен образована словосложением: собаку Обеликса в оригинале зовут *Idefix*. Имя появилось сложением французских слов *idee fixe* (существительное + прилагательное), что на английском языке выглядит, как *fixed idea*. Адаптация этого имени привела бы к объединению слов, что было бы трудно понимаемо – *Fixedideaix*. Как вариант, можно было бы не менять оригинал (как в случае с главными героями), но это нарушило бы правила английского синтаксиса. Это привело к тому, что на английский язык имя было адаптировано как *Dogmatix*. Такая адаптация довольно любопытна, так как в источниках приводится *dogmatic* как основа для имени в английском языке. Слово *dogmatic* не является эквивалентом французского *idee fixe*, но оно тем не менее довольно близко по смыслу к оригиналу. Также в слове *dogmatic* присутствует часть *dog* (собака), потому замена оригинального имени при адаптации не кажется неорганичной (*dogmatic* созвучно *dogmatix* – отсылка на собаку). С другой стороны, возможен вариант образования от сочетания слов *dog* и *mate*, что при присоединении приводит к *dogmate*, в котором гласная заменяется суффиксом «*ix*». Такой способ образования может рассматриваться, поскольку в английских версиях присутствуют примеры имен, в которых была заменена гласная, либо убрана согласная. В русском языке порядок слов в предложении не так строг, как в английском, поэтому перевести имя с французского оказалось возможным без изменения. «Идея фикс» превратилась в Идефикс.

Друида – одного из центральных персонажей комиксов в оригинале зовут *Panoramix*. С греческого языка *panorama* – вид (не будем забывать, что имена должны иметь связь с древностью), отчего получается, что *Panoramix* – тот, кому видимо все. Вновь имя на русском языке было передано без изменений, тогда как в английском языке друид стал *Getafix*. В данном случае этот каламбур связан с волшебным зельем, которое друид производит, а также это каламбур на фразу *to get-a-fix*, означающую сильное желание получить наркотики, что довольно символично, учитывая с каким желанием галлы прикладываются к этому напитку, и кто его им изготавливает.

Abraracourcix – вождь галльской деревни. Имя – производное от фразы *à bras court* буквально – «с короткими руками». Считается, что произошло от французской фразы *tomber sur quelqu'un à bras raccourcis* – «атаковать кого-либо с особой жестокостью». В случае с этим персонажем его имя может являться противопоставлением выражению *avoir le bras long* (иметь большие связи, пользоваться влиянием), поскольку вождь представлен в комиксе недостаточно компетентным лидером. В английском и русском языках имя было адаптировано без опоры на оригинальный язык. В английском оно произошло от *vital statistics*, что означает статистика народонаселения на определенной территории. Этот вариант вполне логичен, поскольку вождь должен учитывать количество людей в племени. В русском языке имя вождя было образовано от слова «авторитарный». Таким образом, символичность имени сохраняется (авторитарность – способ руководства или государственного устройства), однако теряется связь с оригинальной идеей, наиболее близким вариантом был бы, например, «Рукокоротикс».

Assurancetourix – деревенский бард, чье имя происходит от выражения *assurance tous risques* (комплексное страхование), обозначающего вид автомобильного страхования. Бард часто оказывается побит, поэтому, вероятно, его имя и образовано от такого термина. В английском языке имя барда – *Cacofonix* образовано от *cacophonous* (какафонический). Слово имеет греческое происхождение (какός (*kakos* – плохой) и φωνή (*phonē* – голос)), что позволяет сохранить определенную аутентичность. В русском языке персонаж стал зваться Консерваторикс. Учитывая профессию персонажа, его любовь к пению и игре на лютне, образование имени от слова «консерватория» является уместным, но не эквивалентным.

Еще один пример, в котором английское и русское имя имеют больше символизма, чем во французском. *Ordralfabetix* (*ordre alphabetique* или «алфавитный порядок»), несмотря на забавную игру слов, имя ничего не говорит читателям о персонаже. В деревне он славится продажей тухлой рыбы, из-за чего часто попадает в драки. Как следствие, британские переводчики адаптировали имя, как *Unhygienix* (*unhygienic*).

Для римских суффиксов переводчиками использовались слова, заимствованные из латинского языка, такие как *status*, *bonus* и т. д. (табл. 2). Большинство слов английского языка, используемые для образования имен, оканчиваются на «*ous*», «*ious*», «*uous*», «*ium*», «*ius*». Тем самым удалось создать имена собственные, которые легко узнаваемы (меняется написание «*ous*» на «*us*») и произносятся одинаково. В русском языке этого было добиться еще проще, достаточно было добавить окончание «*ий*» (хотя имена с латинского языка в русском имеют именно такое окончание). Также нужно отметить, что имена персонажей римлян не несут какого-либо юмористического оттенка.

Таблица 2. Римские имена
Table 2. Roman names

Французский язык	Русский язык	Английский язык
Jules Cesar	Юлий Цезарь	Julius Ceasar
Claudius Cornedurus	Клавдий Катавасий	Gluteus Maximus
Tullius Mordicus	Тулий Амбиций	Gaius Veriambitus
Perclus	Кривулий	Felonius Caucus
Caligula Minus	Калигула Пупций	Caligula Minus
Lactus Bifudus	Лакт Бактерий	Lactus Bifudus
Coronavirus	Инфлюэнций	Coronavirus
Bacillus	Бацилий	Bacilius
Hotelterminus	Непоступиций	Nefarius Purpus
Belinconnus	Поздравлений	Dubius Status
Caligula Alavacomgepetus	Калигула Теньнаплетений	Odius Asparagus
Briseradius	Уконтрапупий	Insalubrius
Bonus Promoplus	Плюс Процентов	Libellus Blockbustus

Jules Cesar – реальная историческая личность, значит имя персонажа будет передано на других языках так, как оно было передано в других более ранних источниках или научной литературе.

Claudius Cornedurus – атлетического телосложения легионер, принимающий участие в Олимпийских играх. Фамилия образована от *corne d'urus* (бычий рог). Персонаж помешан на тренировках и подготовке к соревнованиям. В английском языке его имя и фамилию удалось согласовать с его хобби, поскольку *Maximus* образовано от слова *maximum*, а *Gluteus* от слова *gluten* (фактически получается «максимально глютеносный»). В русском языке фами-

лия персонажа – Катавасий, что образовано от слова «катавасия», одно из значений которого – суматоха, беспорядок. Учитывая, что в сюжете комикса персонаж поспособствовал суматохе, то его имя вполне можно считать обоснованным.

Tullius Mordicus – центурион воинской части около галльской деревни. Фамилия персонажа образована от слова *mordicus*, которое означает «настойчивый, упертый». Учитывая, что персонаж хочет стать префектом, то имя символично. Подобный смысл сохранился в русском и английском языках, поскольку в обоих языках фамилия – производная от слова «амбициозный», т. е. тот, кто ставит себе высокие цели, как представленный в комиксе центурион. Причины, по которым имя персонажа в английском языке изменено, не определены.

Perclus – советник центуриона, командующего гарнизоном при галльской деревне. Имя произошло от слова *percluse* – искалеченный, однако остается неясным, как это связано с персонажем. В русском языке он стал зваться Кривулий (от слова «кривой»), возможно это связано с его кривым носом, поскольку с сюжетом комикса имя не согласуется. В английском языке имя сильнее согласуется с сюжетом. *Felonius* – образовано от слова *felonious* (что значит «преступный»), фамилия персонажа – это слово *caucus* (собрание), тогда получается «преступное собрание». Поскольку в сюжете комикса именно он предлагает избавиться от друида галльской деревни, то английское имя можно считать символичным.

Caligula Minus – легионер, который должен был проникнуть в галльскую деревню. Его имя и фамилия во французском и английском языках пишется без изменений. В оригинале фамилия персонажа – это слово «минус» (вероятно, подчеркивающее его ущербность по сравнению с остальными воинами). В русском языке фамилия персонажа стала Пупций. Предположительно фамилия персонажа образована от слова «пуп», в значении центр чего-либо. Поскольку персонаж является ключевой фигурой в сюжете комикса «Астерикс из Галлии», то такую замену можно считать обоснованной.

Lactus Bifudus – римский чиновник, который не выполняет свои обязанности по ремонту дорог. В оригинале фамилия – это бактерия *bifundus* (содержится в молоке), в то время как имя – это молоко на латинском. Английское имя персонажа не отличается от французского, русское имя персонажа осталось без изменений, тогда как фамилия стала более очевидной для читателя – Бактерий.

Coronavirus – гонщик, не проигравший ни одной гонки. Назван в честь группы вирусов на французском языке. На английском языке имя персонажа осталось без изменений, на русском языке персонаж стал Инфлюенций, потеряв, тем самым, связь с чиновником и штурманом, хотя их объединял общий сюжет. Тем не менее определенный смысл сохранился, поскольку этот гонщик довольно популярен среди римлян, что говорит о его большом влиянии на граждан (инфлюенций, вероятно, образовано от слова «инфлюенсер»).

Как уже было упомянуто, все норманнские имена заканчиваются на «*af*» во французском языке, для этого использовались слова, заканчивающиеся на «*f*» или на «*phe*» (табл. 3). В английском языке подобная ситуация – слова заканчиваются на «*f*» или «*ph*» с учетом того, что некоторые имена заменяются целиком. Русскоязычные имена образованы от слов, заканчивающихся на «в», которые при проговаривании дадут звук «ф». Имена второстепенных персонажей (норманнов в частности), которые появляются только в одном выпуске комикса, не настолько символичны, как имена галлов и римлян.

Таблица 3. Норманнские имена
Table 3. Norman names

Французский язык	Русский язык	Английский язык
Olaf Grossebaf	Улаф Волкодаф	Olaf Timandahaf
Dactilograf, Stenograf	Полиграф и Телеграф	Firsthaf, Secondhaf
Paraf	Устаф	Psychopaf
Epitaf	Тыпраф	Epitaf
Cenotaf	Стремглаф	Cenotaf
Completemenpaf	Ольюнидизлаф	Transportcaf
Bellegaf	Сбортраф	Chiffchaff
Mataf	Удаф	–
Batdaf	Замзаф	Nescaf
Epaf	Ипаф	Riffraf

Olaf Grossebaf – вождь норманнов. *Olaf* – типичное имя персонажа викинга, которое в русском языке изменяется на Улаф. Фамилия персонажа *Grossebaf* образована от *grosse baffe* (большая пощечина/оплеуха). В английском языке персонаж стал *Timandahaf* от *time and a half* (сверхурочные), в русском языке был адаптирован, как Волкодаф от слова «волкодав».

Dactilograf, Stenograf – персонажи написаны вместе, т. к. в комиксе они также неразлучны и все делают вместе. Потому неудивительно, что их имена образованы от слов *sténographe* и *dactylographe*, поскольку и то, и другое связано с печатью. В английском языке их имена имеют больше смысла, т. к. они названы *Firsthaf* и *Secondhaf* (первая и вторая половина), что делает их единым целым. Русские имена довольно близко адаптированы к французским, только теперь они стали средствами передачи информации: Телеграф и Полиграф, даже слова менять не пришлось.

Paraf – в оригинале имя образовано от слова *paraphe* (инициалы), в английском языке от слова *psychopath* («*th*») удобно заменяется на *f*), в русском языке от слова «устав», которое пишется так, как слышится, глухая «*v*» превращается в «*ф*».

Epitaf – во французском языке имя образовано от слова *epitaphe* (эпитафия), в английском языке имя не изменилось. В русском языке имя персонажа стало Тыпраф, что образовано от целого предложения: ты прав.

В случае британских имен (табл. 4) все примеры на французском и английском языках заканчиваются на «ах». В русском языке окончанием имён является «акс» [14].

Таблица 4. Британские имена
Table 4. British names

Французский язык	Русский язык	Английский язык
Jolitorax	Тотактоэдакс	Anticlimax
Relax	Релакс	Dipsomaniax
Surtax	Тиктакс	Surtax
Madmax	Мэдмакс	Madmax
Ecotax	Экопакс	Ecotax
Ipipourax	Гигипуракс	Hipipurax

Jolitorax – брат Астерикса из Британии. Его имя образовано от *joli thorax* (красивая грудная клетка) появилось посредством соединения слов без необходимости добавления

суффикса. В английском имени также не было необходимости добавлять суффикс к имени, поскольку оно произошло от слова *anticlimax* (одно из значений: разочарование).

Relax – трактирщик. Имя, без каких-либо изменений, образовано английским словом *relax* (расслабляться), а на русском языке передано с помощью транскрипции. Довольно любопытно, что английское имя стало *Dipsomaniax*, что образовано от слова *dipsomania* (алкоголизм). В всех языках имя персонажа достаточно символично, так как он владелец бара, места в котором можно расслабиться и в котором много алкоголя.

Surtax – еще один трактирщик, брат Релакса. В французском и английском языках имя одинаково и имеет общее происхождение *surtaxe* и *surtax* (доплата/подходный налог). Русское имя произошло от сочетания «тик-так» (возможно, от названия драже).

При создании готских имен во французском языке использовались слова, оканчивающиеся на «*que*». Английский язык оказался довольно «удобен» в данном случае, так как можно было использовать прилагательные, заканчивающиеся на «*ic*». В русском языке достаточно было найти аналоги, к которым можно было добавить суффикс «*их*» или произвести замену в суффиксе «*ик*» (табл. 5) [11].

Таблица 5. Готские имена
Table 5. Gothic names

Французский язык	Русский язык	Английский язык
Cloridric	Антистатих	Rhetoric
Coudetric	Кошмарих	Choleric
Electric	Электрих	Electric
Histeric	Истерих	Prehistoric
Liric	Лирих	Lyric
Pasdfric	Фанатих	Atmospheric
Satiric	Сатарих	Satiric
Teleferic	Самодурих	Metric
Chimeric	Химерих	Hemispheric
Figuralegoric	Фигуралегорих	Allegoric

Cloridric – переводчик в деревне готов. Французский вариант имени произошел от слова *chlorhydrique* (хлороводородный), в то время как русский вариант – измененное слово «антистатик» с заменой суффикса. Английский имя – это неизменное слово *rhetoric* (риторика), что по сравнению с предыдущими вариантами ближе связано с персонажем.

Coudetric – готский воин, похитивший друида Панорамикса. В каждом языке имя так или иначе характеризует персонажа. Французский вариант произошел от *coup de trique* (бить дубиной), что, по крайней мере, логично – персонаж пользуется дубиной. Русский вариант произошел от слова «кошмар» или «кошмарить». Поскольку герой защищает границу от римлян и часто нападает на них, это наводит ужас на имперских солдат. Английский вариант произошел от слова *choleric* (холерик), что связано с темпераментом, который имеет персонаж.

Заключение. На основе представленного анализа, можно заметить, что в переведенных комиксах имена, на первый взгляд, переданы с помощью транскрипции. В данном случае мы предлагаем считать такой способ передачей того же значения средствами ПЯ, не считая такой способ передачи транскрипцией, поскольку каждое имя в русском языке имеет слово-источник, которое поясняет его.

При адаптации имен собственных переводчикам пришлось работать не только с системными особенностями языков, но и с различными коннотациями и воспроизведением юмора. Была выполнена кропотливая работа передачи каламбуров с оригинального языка на язык перевода, при этом переводчикам удалось передать символичность имен. В большинстве случаев вкладываемый авторами смысл в имя не был передан, но тем не менее был заменен на тот, который соотносится с характером или изображением персонажа.

Создается впечатление, что переведенные имена собственные лучше гармонируют с текстом в сравнении с оригиналом как раз потому, что переводчики, которые не всегда могли придерживаться идей авторов и сохранять те же значения, пытались восполнить эти потери, создавая более сильную связь между именами персонажей и их ролью в комиксах, будь то профессия, личностные или физические особенности. Такой подход применялся не только к персонажам, появлявшимся регулярно в комиксах, но и к второстепенным персонажам, которые играли важную роль в одном из выпусков. Имена прочих второстепенных персонажей, роль которых незначительна или в данной работе не рассматривались, были адаптированы так, чтобы иметь определенную символичность.

Обе адаптации являются результатом работы одного или нескольких переводчиков, у обеих есть сильные объединяющие особенности, которые выделяют их как самостоятельные произведения. Такими особенностями можно считать то, что переводчики придерживались компенсации по форме с использованием трансформации как основного типа переводческой трансформации. Несомненно, в переводах на оба языка были сохранены особенности ИЯ: суффиксы (в русском языке это еще и окончания), что тоже было достигнуто с помощью компенсации, так как структура языка в некоторых случаях не позволяла сохранить суффикс, даже если имя получалось передать, не отступая от оригинальной идеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р.Валент, 2001.
2. Щетинин Л. М. Слова, имена, вещи. Очерки об именах. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1966.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975.
4. Newmark P. A. *Textbook of Translation*. NY: Prentice Hall, 1988.
5. Harvey S., Higgins I. *Thinking Translation: A Course in Translation Method. Italian to English*. London: Routledge, 1992.
6. Фененко Н. А., Кретов А. А. Компенсация как категория переводоведения // Вестн. ВГУ, Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 71–74.
7. Harvey K. *A Descriptive Framework for Compensation*. London: The Translator, 1995.
8. Кретов А. А., Фененко Н. А. Реноминация как проблема переводоведения // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 154–157.
9. Фененко Н. А. Язык реалий и реалии языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001.
10. Gosciny R., Uderzo A. *Asterix le Gaulois*, Paris: Dargaud, 1961.
11. Gosciny R., Uderzo A. *Asterix et les Goths*, Paris: Dargaud, 1963.
12. Gosciny R., Uderzo A. *Asterix gladiateur*, Paris: Dargaud, 1964.
13. Gosciny R., Uderzo A. *Asterix et les Normandes*, Paris: Dargaud, 1966.
14. Gosciny R., Uderzo A. *Asterix chez les Bretons*, Paris: Dargaud, 1967.

Информация об авторе.

Дьячков Дмитрий Александрович – аспирант кафедры перевода Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор двух научных статей. Сфера научных интересов: аудиовизуальный перевод, прагмалингвистика, контрастивная лингвистика, переводоведение.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 26.02.2024; принята после рецензирования 29.03.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.*

REFERENCES

1. Ermolovich, D.I. (2001), *Imena sobstvennye na styke yazykov i kul'tur* [Proper names at the intersection of languages and cultures], R.Valent, Moscow, RUS.
2. Shchetinin, L.M. (1966), *Slova, imena, veshchi. Ocherki ob imenakh* [Words, names, things. Essays on names], Izd-vo Rostov. un-ta, Rostov n/D., USSR.
3. Barkhudarov, L.S. (1975), *Yazyk i perevod (voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda)* [Language and translation (issues of general and specific theory of translation)], Mezhdunar. otnosheniya, Moscow, USSR.
4. Newmark, P.A. (1988), *Textbook of Translation*, Prentice Hall, NY, USA.
5. Harvey, S. and Higgins, I. (1992), *Thinking Translation: A Course in Translation Method. French to English*, Routledge, London, UK.
6. Fenenko, N.A. and Kretov, A.A. (2001), "Compensation as a Category of Translation Studies", *Proceedings of Voronezh State Univ. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 70–74.
7. Harvey, K (1995), *A Descriptive Framework for Compensation*, The Translator, London, UK.
8. Kretov, A.A. and Fenenko, N.A. (2011), "Renomination as a translation studies issue", *Proceedings of Voronezh State Univ. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 154–157.
9. Fenenko, N.A. (2001), *Yazyk realii i realii yazyka* [The language of realities and the realities of language], Voronezh. gos. un-t, Voronezh, RUS.
10. Goscinny, R. and Uderzo, A. (1961), *Asterix le Gaulois*, Dargaud, Paris, FRA.
11. Goscinny, R. and Uderzo, A. (1963), *Asterix et les Goths*, Dargaud, Paris, FRA.
12. Goscinny, R. and Uderzo, A. (1964), *Asterix gladiateur*, Dargaud, Paris, FRA.
13. Goscinny, R. and Uderzo, A. (1966), *Asterix et les Normandes*, Dargaud, Paris, FRA.
14. Goscinny, R. and Uderzo, A. (1967), *Asterix chez les Bretons*, Dargaud, Paris, FRA.

Information about the author.

Dmitrii A. Diachkov – Postgraduate at the Department of Translation, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of 2 scientific publications. Area of expertise: audio-visual translation, pragmalinguistics, contrastive linguistics, translation studies.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 26.02.2024; adopted after review 29.03.2024; published online 20.11.2024.*

Оригинальная статья

УДК 81

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-115-128>

Терминологические особенности изучения языка хореографии (на материале терминов ирландских танцев)

Татьяна Сергеевна Росянова

*Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия,
rosyanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8307-5694>*

Введение. Статья рассматривает вопросы, связанные со сложностями описания малопорядоченных терминологий. К подобным терминологиям отечественные терминоведы традиционно относят терминологию хореографии. Эта терминологическая область предоставляет уникальный материал для исследований, поскольку сочетает в себе вербальные специальные знания, а также графическое иллюстративное сопровождение пояснительного характера для уточнения и фиксации движений тела исполнителей. В связи с развитием антропоцентрического направления в лингвистике изучение терминологии классической хореографии, а также терминов фольклорных танцев предоставляет возможность осмыслить технологии искусства, в которых проявляется непосредственная взаимосвязь эмоций, движения, силы народного характера, выражения свободы и радости бытия.

Методология и источники. Интерес к изучению терминологии гуманитарных, экономических и юридических дисциплин получил широкое распространение в последние десятилетия. Изменившийся социальный контекст и социальный ландшафт открыли огромный пласт терминологической лексики, ранее не востребованной, для масштабных терминоведческих исследований. Методы когнитивного терминоведения позволяют рассматривать не только системные явления в терминологии, категоризацию и концептуализацию специальных знаний, но и ключевые понятия, которые развиваются в синхронии и диахронии. Описательный метод и метод дефиниционного анализа являются определяющими для этой работы. Изучаемые английские термины ирландского фольклорного танца получены методом сплошной выборки из оригинальной литературы, терминологических словарей и глоссариев.

Результаты и обсуждение. Уникальность номинации терминологии ирландского фольклорного танца заключается, во-первых, в применении двух языков – английского и гэльского. Во-вторых, распространение ирландской диаспоры по разным континентам создает предпосылки развития танцевальных школ по всему миру и закрепления этой двуязычной терминологии. Кроме того, организация сертификации преподавателей и проведение фестивалей и соревнований регионального и мирового уровня способствует стандартизации не только танцев, но и терминов. Представляется, что публикации лучших образцов танцевального наследия и фиксация их для потомков помогли создать ту характерную исполнительскую культуру, которую мы наблюдаем в последние десятилетия.

Заключение. Сфера хореографической терминологии в целом и терминологии ирландских фольклорных танцев в частности представляет собой недостаточно изученную область из-за объективных сложностей, которые вызваны использованием сочетания вер-

© Росянова Т. С., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

бальных и невербальных ресурсов для характеристики танцевальных движений. Кроме того, исследование показывает, что особенность терминологической номинации, сохраняющей в силу исторических причин баланс двух языков, придает особенную специфику тем контекстам, в которых функционируют эти терминологические единицы.

Ключевые слова: термин, терминология, терминология ирландских фольклорных танцев, когнитивное терминоведение, терминологическая номинация

Для цитирования: Росянова Т. С. Терминологические особенности изучения языка хореографии (на материале терминов ирландских танцев) // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 115–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-115-128.

Original paper

Terminological Features of Studying the Language of Choreography (Based on Irish Dance Terms)

Tatiana S. Rosyanova

*Russian Christian Humanitarian Academy, St Petersburg, Russia,
rosyanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8307-5694>*

Introduction. The article examines issues related to the difficulties of describing poorly ordered terminologies. Domestic terminologists traditionally include choreography terminology among such types. This terminological area provides unique material for research, since it combines verbal specialized knowledge, as well as graphic illustrative explanatory support to clarify and record the body movements of performers. In connection with the development of the anthropocentric direction in linguistics, the study of the terminology of classical choreography, as well as the terms of folk dances, provides an opportunity to comprehend the technologies of art, in which the direct relationship of emotions, movement, strength of folk character, expression of freedom and the joy of being is manifested.

Methodology and sources. Interest in the study of the terminology of humanitarian, economic and legal disciplines has become widespread in recent decades. The changed social context and social landscape have highlighted a huge layer of terminological vocabulary that was previously not in demand for large-scale terminology research. Methods of cognitive terminology allow us to consider not only systemic phenomena in terminology, categorization and conceptualization of special knowledge, but also key concepts that develop in synchrony and diachrony. The descriptive method and the method of definitional analysis are decisive for this work. The studied English terms of Irish folk dance were obtained by continuous sampling from original literature, terminological dictionaries and glossaries.

Results and discussion. The uniqueness of the Irish folk dance terminology nomination lies, firstly, in the use of two languages: English and Gaelic. Secondly, the spread of the Irish diaspora across different continents creates the preconditions for the development of dance schools around the world and the consolidation of this bilingual terminology. In addition, organizing certification of teachers and holding festivals and competitions at the regional and world level contributes to the standardization of not only dances, but also terms. It seems that the publication of the best examples of dance heritage and recording them for posterity helped create the characteristic performing culture that we have seen in recent decades.

Conclusion. The relevance of the work is due to the fact that the sphere of choreographic terminology in general and the terminology of Irish folk dances is an insufficiently studied area due to objective difficulties caused by the use of a combination of verbal and non-

verbal resources to characterize dance movements. In addition, the study shows that the peculiarity of the terminological nomination, which, for historical reasons, preserves the balance of two languages, gives particular specificity to the contexts in which these terminological units operate.

Keywords: term, terminology, terminology of Irish folk dances, cognitive terminology, terminological nomination

For citation: Rosyanova, T.S. (2024), "Terminological Features of Studying the Language of Choreography (Based on Irish Dance Terms)", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 115–128. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-115-128 (Russia).

Введение. В отечественном терминоведении традиционно считается, что терминология хореографии относится к числу малоупорядоченных. Этот факт дает основания считать, что ее изучение вносит существенный вклад в развитие современной теории термина. Представляется, что для когнитивного этапа развития отечественного терминоведения неупорядоченность хореографической терминологии привносит особенную прелесть следованию, поскольку связана с антропоцентричностью ее характера.

Именно эта «непричесанная» терминология (как и любые территории на которые «не ступала нога человека») обладает тем преимуществом, что содержит терминологические единицы, сформировавшиеся стихийно, в процессе практической работы хореографов и танцовщиков.

Мысль российского терминоведа-когнитивиста В. Ф. Новодрановой о том, что «терминосистема строится на ключевых понятиях, и их описанию нужно уделить наибольшее внимание», не теряет своей актуальности [1, с. 139]. Более того, она представляется особенно плодотворной для изучения терминосистем, содержащих области повышенной хаотичности. Как представляется, при изучении и описании ключевых понятий какой-либо предметной области, следует обратить внимание на сопутствующие экстралингвистические обстоятельства истории и культуры, поскольку глубина содержания термина может раскрываться именно в периферийных имплицитных знаниях, понимании того контекста, в котором работают специалисты.

В задачу настоящей статьи входит, во-первых, обсуждение теоретических вопросов, касающихся традиционных сложностей изучения языка танцев, которые испытывают терминоведы вследствие антропоцентричной специфики хореографической терминологии и ее противоречивого единства с графическими системами записей и, во-вторых, изучение современного состояния терминологии, связанной с фольклорными танцами Ирландии, и особенностей терминологической номинации в этой области.

Таким образом, в качестве теоретической базы исследования выбраны работы искусствоведов и культурологов, посвященные графическим системам записи танца, а в качестве материала для практической части исследования толковые и переводные словари хореографической терминологии, аутентичные монографии, пособия и статьи по ирландскому танцу.

Исследователи танцевального искусства изучали древние времена и эпохи, мифы и легенды, чтобы показать все богатство последовательного исторического развития художественной пластики, благородство и красоту романтических линий и образов. Используя слова Лукиана, про современный танец можно сказать, что он «обнаруживает ум, обладает

математической соразмерностью, воздействует на психосматику и мышление человека через ощущение равновесия, последовательности, порядка, чувство размера» [2, с. 9].

Танец как исполнительское искусство передается либо в рамках традиций от поколения к поколению танцовщиков, либо должен быть записан в какой-либо форме. В Британской энциклопедии отмечается «The world of dance is expansive and covers a wide variety of styles and forms, encompassing tap dancing, ballet, modern dance, line dances, and much more. Dance is a universal language that can communicate emotions directly and sometimes more powerfully than words» [3].

Несмотря на то, что язык танца универсален, не нуждается в переводе и непосредственно передает эмоции даже более ярко, чем это могут сделать слова, сами хореографические произведения необходимо описывать, сохранять и развивать. И здесь начинается многовековая традиция прибегать к неким ухищрениям при передаче хореографических образов, с которой живут и работают многие поколения хореографов.

Методология и источники. Интерес к изучению терминологии гуманитарных, экономических и юридических дисциплин приобрел широкий размах в последние десятилетия. Изменившиеся социальный контекст и социальный ландшафт высветили огромный пласт терминологической лексики, ранее не востребованный, к масштабным терминоведческим исследованиям. Методы когнитивного терминоведения позволяют рассматривать не только системные явления в терминологии, категоризацию и концептуализацию специальных знаний, но и обсуждать ключевые понятия изучаемых предметно-понятийных областей, которые развиваются в синхронии и диахронии. Описательный метод и методы дефиниционного и контекстуального анализа являются определяющими для этой работы. Изучаемые термины ирландского фольклорного танца получены методом сплошной выборки из оригинальной англоязычной литературы, терминологических словарей и глоссариев.

Результаты и обсуждение. Остановимся на экстралингвистических причинах, которые являются основой трудностей исследования современной хореографической терминологии. Несколько объективных экстралингвистических обстоятельств, связанных с историей и культурой, как представляется, необходимо рассмотреть особенно подробно.

Во-первых, европейская традиция записей искусства балетного танца получила свое начало во Франции и, таким образом, современная терминология классического балета сложилась под влиянием французского языка.

Во Франции в XVII в. по велению Людовика XIV была создана Королевская академия танца (1661) и составлен первый балетный словарь (1700) [4, с. 45]. Балетные шаги, которые были описаны в то время, по сей день не потеряли своей актуальности, поскольку французская терминология стала общепризнанной. Сам термин «хореография» (Choregraphie), собственно, и означает буквально «запись танца».

Во времена Людовика XIV спектакли придворного балета достигли подлинного величия и включали в себя сценические эффекты, придававшие зрелищу характер феерии. Людовик XIV настолько благоволил музе танца, что лично выступил в роли Солнца в «Балете ночи» (1653), получив титул «Король-солнце» [5, с. 21]. Отметим также, что на российскую почву заимствованное слово «танец» проникло в петровскую эпоху вместе с ассамблеями как передовая форма общественного досуга. В дальнейшем танец, в отличие от

пляски, стал подразумевать культуру придворных и общественных балов и понимался как непрременный элемент этикета привилегированных слоёв общества [5, с. 5].

Французская хореографическая терминология, относящаяся к балетному искусству, обладает интернациональным статусом, сродни латинскому языку в медицине. Она регулярно используется специалистами и структурируется по таким лексико-семантическим группам, как виды танцев, их элементы, техника исполнения, виды упражнений (экзерсисы) [6, с. 38].

Поскольку в хореографических школах России все экзерсисы используют франкоязычную терминологию, в русских учебных пособиях по хореографии, приводятся таблицы, в которых представлены французские термины, их транскрипция и краткое толкование сущности описываемого движения [7]. Тем не менее современный балетный танец, берущий свое начало в Америке, характеризуется англоязычными терминами. Таким образом, языковая системность франкоязычной терминологии и языковая системность англоязычной терминологии переплетаются в замысловатой гармонии и противоборстве.

Во-вторых, запись танцевальных движений, помимо собственно терминологии, неизменно сопровождается иллюстративным материалом, поскольку вербального способа представления танца оказывается недостаточно. В отличие от нотных записей, единых и общепринятых для всего человечества, даже в XXI в. так и не разработана единая система записи движений в танце. Подобная ситуация приводит к периодическим попыткам создания унифицированных систем графической записи движений, однако многовековое танцевальное наследие человечества с трудом поддается стандартизации [5, с. 61, 65].

Следует отметить важный для понимания принципов записи танцевального текста термин – нотация (от лат. *notatio* – обозначение). Нотацией называется запись танца, которая получается в результате применения некоторой системы, начиная с абстрактных рисунков до видеофиксации современными средствами [8, с. 40].

Система нотации Бошана-Фейе (1700), которая была основана на связи музыки и движения, получила широкое распространение и использовалась на практике более ста лет [5, с. 53]. Через полтора столетия потребовалось критически пересмотреть эту систему, чтобы добиться большей точности. Плодотворными для XIX в. оказались идеи А. Сен-Леона, изложенные в книге «Стенохореография» (1852) [9].

Почти сорок лет спустя в России была переиздана на русском языке книга Альберта Цорна, озаглавленная «Грамматика танцевального искусства и хореографии», включающая хореографический атлас, где собраны рисунки основных положений тела танцоров и приводились нотные примеры (1890) [10]. Книга включала подробное описание танцевальных упражнений, шагов и танцев того времени. Фундаментальный труд преподавателя танцев и члена Берлинской академии танцевального искусства не потерял своей актуальности, получил признание и в нашем веке и был опубликован в 2011 и 2021 гг.

Танцовщик Мариинского театра Владимир Степанов вслед за публикацией А. Цорна предложил свою систему записи движений в книге «Алфавит движения человеческого тела» (*Alphabet des mouvements du corps*), изданной в Париже (1892) [11]. Начиная с анатомии тела человека, В. И. Степанов переходит к движениям рук, ног и торса, обозначая их особыми значками, немного напоминающими ноты и располагающимися на нотном стане. Такая система нотации использовалась для записи балетов в Мариинском театре [8, с. 40].

Искусствовед Н. А. Вихрева отмечает, что в XX в. наиболее востребованными во всем мире оказались системы нотации Рудольфа Лабана (США) и Рудольфа и Джоан Бенеш (Великобритания). Но несмотря на древнейшее происхождение танца, в XXI в. в танцевальном искусстве не существует единой системы нотации, равнозначной нотной записи в музыкальном искусстве. Исследование проблемы нотации обрело новую ясность при обращении к основным положениям сравнительно молодых наук, таких как семиотика, кибернетика и информатика. Надежность информации о танце зависит от точности кодирования самого движения в пространстве и времени. Передающий и получающий нотационную запись должны в одинаковой степени знать и понимать систему, значение знаков и основополагающие принципы этой нотации [12, с. 5].

Лингвистические особенности хореографической терминологии в значительной степени связаны с антропоцентричностью ее характера. Научная и техническая терминология, основанная на логических принципах, проходила различные этапы терминоведческой работы, нормализации и унификации в специально созданных для этой цели государственных организациях. Современная хореографическая терминология, антропоцентричная по своей сути, является открытой системой, развивается, вбирает национальную терминологию народного танца, используя много языков одновременно.

Так, например, в «Кратком словаре танцевальных терминов и понятий» Н. А. Александровой соседствуют русские и иностранные термины, записанные латиницей и транскрибированные на русский язык [13]. Иностранная часть словаря включает терминологические единицы из более чем десятка европейских языков. В «Англо-русском словаре музыкальных терминов» содержатся этимологические пометы, упоминающие двадцать различных языков [14].

Таким образом, наряду с французскими терминами классического танца функционируют термины национальных танцев народов мира, создавая «плавильный котел» уникального своеобразного многоязычия.

Кроме того, в хореографической терминологии, как и в терминологии гимнастики и др. видов спорта, часто требуется охарактеризовать качество движения человеческого тела. Следовательно, исходя из задачи номинации признака действия, требуется использовать в составе терминологических словосочетаний наречия. Отечественные терминоведы в свое время ломали копья, доказывая необходимость субстантивности терминологических единиц, в том числе и терминологических словосочетаний. Если терминологические словосочетания и включают в свой состав «иные части речи», то наречия, безусловно, не самые распространенные из них. Таким образом, разработанным в терминоведении критериям субстантивного «идеального термина» практика номинации в хореографии иногда не соответствует.

И, действительно, в гимнастических терминах (например, *соскок махом, стойка скрестно, хват сверху*) традиционная терминоведческая дискуссия о частеречной принадлежности термина кажется незавершенной и актуальной. В русской гимнастической терминологии обнаруживаются уникальные восьмикомпонентные предложные словосочетания, выступающие как цельнономинативная конструкция (*бросковым махом назад перелет согнувшись с поворотом кругом в вис*) [15, с. 73]. В английских терминах художественной гимнастики, например, встречаются многокомпонентные терминологические единицы, содержащие наречия. Например:

– *head circling movements forward* (круговые движения головы вперед), *trunk circling movements forward* (круговые движения туловищем вперед);

– *forward straight somersault into support* (прямое сальто вперед с опоры) [16, с. 23].

И еще одну трудность отмечают специалисты-искусствоведы, которые занимаются изучением системы художественного языка танца. Она кроется в том, что «в науке о танце отсутствует традиция аналитического подхода к интерпретации содержания специальных терминов, описывающих конкретные явления в рамках художественной практики» [17]. Возникающие новые феномены могут обозначаться уже имеющимися терминами или одно и то же явление может обладать целым спектром терминологических определений.

Принимая во внимание перечисленные экстралингвистические факторы и лингвистические особенности, правомерно сделать вывод, что они действительно создают сложности унификации и стандартизации хореографической терминологии и, соответственно, точной передачи хореографических традиций во времени и пространстве.

Означенные обстоятельства, усложняющие работу терминоведов, не являются исчерпывающими для терминологии ирландских народных танцев. Дополнительные трудности кроются в том, что термины ирландских танцев используют двуязычную систему, включающую исконно ирландские и английские терминологические единицы, что также является следствием исторического развития данного вида танцевального искусства.

Для понимания исторического контекста становления и развития ирландского танца, перечислим кратко несколько факторов, повлиявших, как представляется, на его своеобразный стиль и дух.

Формирование ирландских танцев происходило особенно активно на протяжении XVIII–XX вв., когда они коллекционировались энтузиастами и кодифицировались. В 1893 г. в Дублине была создана Гэльская лига (ирл. *Conradh na Gaeilge*), активная культурная и просветительская деятельность которой ознаменовалась «гэльским возрождением» в начале XX в. К этому времени, например, относятся две публикации по хореографии, которые считаются первыми письменными документами, которые зафиксировали ирландские народные танцы [18, р. 2]: известное «Руководство по ирландским танцам» («*Handbook of Irish Dances*», 1902) Дж. Г. О'Кифа и А. О'Брайана на английском языке с сохранением специальной ирландской терминологии [19, р. 7] и пособие по ирландским танцам Дж. Шина (*J. J. Sheehan's «Guide to Irish Dancing»*, 1902) [20].

Кроме того, была создана специальная Комиссия по ирландским танцам (*An Coimisiún le Rincí Gaelacha, Commission on Dance*, 1929). Принципиальными задачами комиссии были сохранение и пропаганда ирландских танцев. В настоящее время комиссия занимается централизацией, гомогенизацией, кодификацией и поддержанием статуса ирландских танцев (*centralizing, homogenizing, codifying, and institutionalizing Irish dance*) [18, р. 2]. Комиссия отобрала тридцать лучших танцев и популяризировала их посредством публикации трех специальных сборников (*Ar Rince Foirne*, 1939, 1946, 1969; *Leabhar Aon, Leabhar Do, and Leabhar Tri* (which translates to Book 1, 2, 3)).

Ирландская диаспора в Америке, которая изначально была достаточно многочисленной, также вносила посильную лепту в консервацию хореографического наследия. Под эгидой Американского общества фольклорных танцев было издано несколько пособий по тан-

цам народов мира, в том числе и национальным танцам Ирландии (Burchenal E. *Rinncé Na Eirann, National Dances of Ireland*, 1924, 25 танцев) [21]. Названия танцев, которые описаны в пособии, также приводятся на двух языках, дается их классификация по типу и мелодиям.

В современной Ирландии, как и в мире в целом, издаются специальные журналы по танцевальному искусству (*Irish Dancing magazine*, *Dance Research Journal*, *The Irish Dance Globe* и др.), организуются фестивали, конкурсы и массовое обучение детей.

В результате существования ирландской диаспоры на разных континентах и ситуация англо-ирландского двуязычия в самой Ирландии создает предпосылки для распространения ирландской танцевальной культуры по всему миру и совершенствования соответствующей танцевальной терминологии.

Принимая во внимание перечисленные сопутствующие обстоятельства, перейдем к собственно терминоведческим задачам.

Для исследовательских целей настоящей работы изучаемая танцевальная лексика и терминология была условно подразделена на тематические области:

- виды танцев и мелодий;
- танцевальные шаги;
- танцевальный реквизит;
- музыкальные инструменты;
- организации и общества;
- танцевальные традиции;
- фестивали и танцевальные шоу.

В предыдущих публикациях мы обсуждали термины, связанные с традиционными танцевальными ритмами (*джиги*, *рилы*, и *хорнпайпы*). В результате анализа дефиниций и функционирования *ключевых терминов Jig, Reel и Hornpipe* и связанных с ними терминологических единиц было выяснено, что ближайшие семантические сети данных терминов обладают всей полнотой системных явлений в терминологии.

Кроме того, было выяснено, что ирландские танцы *по цели исполнения* подразделяются на социальные (народные), конкурсные и сценические (*social, competitive, performance purposes*). Народные танцы включают, в частности, *танцы кейли (Ceili dance)*. Термин *кейли (Céilí, noun, singular; Ceilidhe plural)* был впервые использован в 1897 г. [18, p. 2], является словом гэльского языка и обозначает в исходном значении вечеринку, народное гуляние с ирландской музыкой и танцами, которые исполняют пары танцоров, обычно от двух до шестнадцати. Десять танцев кейли, которые были выбраны для заключительной книги Комиссии по танцам *Leabhar Tri (Book 3)* имеют следующие названия [18, p. 4]: *The Haymakers Jig, The Fairy Reel, The Duke Reel, Lannigan's Ball, The Cross Reel, The Waves of Tory, The Rakes of Mallow, The Gates of Derry, The Sweets of May, and The Bonfire Dance*.

В рамках настоящей публикации планируется рассмотреть термины, связанные с категорией ирландских *стен-танцев (Irish Stepdance)* (сольные танцы в противоположность танцам кейли (*Ceili dance*) парным или групповым)).

К концу XIX в. в развитии ирландского степ-танца (*Irish Stepdance*) проявились региональные различия. В частности, дифференцируются стили степа на юге (провинция Munster), западе (Connacht) и севере Ирландии (Ulster) [22, p. 63]. Гэльская лига взяла за основу для кодификации и пропаганды южный вариант степа.

Традиция сольного танца в Ирландии была связана с национальным характером народа, который большую часть своей истории боролся за независимость. Национальная черта характера воинов и бойцов проявляется в элементах соперничества, бросания вызова и полу-

чения ответа. В сельской местности были широко распространены соревновательные танцы на высоких помостах. Для этого в первом раунде снимали с петель половинку двери и клали на пол. На ней и происходило танцевальное соревнование [23, с. 35, 38]. Исторически сложившаяся соревновательность обрела второе дыхание и в современности. Сначала танцевальные соревнования были частью музыкальных фестивалей, позже они обрели самостоятельное значение.

Популярность ирландских танцев настолько велика, что можно найти семьи, где есть четыре, пять или даже шесть поколений танцоров, а призовые кубки с фамилиями выдающихся исполнителей, полученные в 1930-х гг. сохраняются как реликвия [24].

Рассмотрим несколько экспланаторных толкований термина *Irish Step Dance* (ирландского степа) из ранних раритетных источников, чтобы проследить развитие этого термина. Например:

– «By the term *step dances* is meant the ordinary "step" *jigs, reels, hornpipes, and hop-jigs*, as distinct from *Round, Long, and Figure dances*» [19, p. 75]. В этом определении подчеркивается многообразие видов ирландских фольклорных танцев, связанных с танцевальными ритмами (*jigs, reels, hornpipes, hop-jigs*), а также специфических коллективных танцев (*Round, Long, Figure dances*).

– «The dances described in this collection are *Figure Dances* in group formation, as distinct from *Irish Step Dances, or Solo Dances*. For convenience they have been classified here as *Round Dances, Square Dances* and *Long Dances*, with one Dance for Three (The Galway Reel) which does not fall under any of these heads and is therefore classed by itself» [21, p. 3]. Определение из пособия Эл. Бурченал содержит классификацию фигурных танцев (*Round Dances, Square Dances, Long Dances*). На основе двух приведенных дефиниций очевидно, что они основаны на противопоставлении, оппозиции, где ирландские сольные танцы степ противопоставлены фигурным постановочным танцам, которые исполняются группой.

В современных Интернет-источниках находим следующие объяснения и определения, выявляющие помимо трех разновидностей танцев современное и старинное исполнение степа (*'modern' stepdance, old-style stepdance* или *sean nós dancing*):

– «There are three main types of *Irish dancing routines; set dancing routines, social or céilí routines* and *sean nós or step routines*... *Step routines* descend from the old-style *sean nós dancing*, and are what the Irish Dancing Commission has adopted as the flagship *Irish dancing style*» [25];

– «*Stepdance* is a style that was developed from a variety of *solo Irish dances*. This includes well-known *'modern' stepdance* mostly performed competitively. Also, *old-style stepdance* which relates to the style of dancing that took place during the 19th century» [26].

Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство терминов ирландского танца, представленных в данной работе, являются англоязычными, однако термин *sean nós* (шан-нос), соотносимый с особым стилем исполнения песен и танцев в регионе Коннемара, является ирландским.

Помимо определений, основанных на классификациях и логических противопоставлениях, можно найти более лирические формы толкований танцев степ. Например: «*Step Dancing* – is distinctively Irish, combining artistry, grace, and physical ability. It has followed the Irish

and Irish missionaries wherever they traveled including North America, Australia, New Zealand, Brittany France, Singapore, and Africa. Eight measures or bars of music are called a "step"» [27].

В этом объяснении отмечается принадлежность степ-танца именно ирландским корням, указывается обширная география ирландской диаспоры, характеризуются качества танца, сочетающего в себе артистизм, грацию и выдающиеся физические способности.

Дополнительные классификации ирландских танцев, помимо перечисленных, основаны на специфике обуви, в которой исполняется танец (*Soft shoe dances, Hard shoe dances*): «Each type of dance falls into one of two categories; *soft shoe or hard shoe. Soft shoe dances include reels, slips, light jigs and single jigs*; these are all classified by the time signature of the music and the steps taken in each dance. *Hard shoe dances include the hornpipe, treble jig, and treble reel*» [25].

Таким образом, анализируя различные классификации, которые выявляются в различных контекстах об ирландских фольклорных танцах, правомерно прийти к выводу, что Комиссией по танцам была проделана большая работа по стандартизации и разработке канона, чтобы придать четкость и стройность тем категориям, которые используются в танцевальной исполнительской практике, обучении и соревнованиях. Тем не менее четкая дифференцированность терминов не противоречит их взаимосвязи и взаимозависимости, когда музыкальный ритм соотносим с видом танца, число танцующих пар задает тип танца, а обувь выбирается под конкретную исполнительскую задачу.

В связи со степ-танцами естественным образом выявляется еще одна тематическая группа терминов, а именно терминология танцевальных шагов, как необходимый элемент строгой виртуозной техники танцора.

В ранних руководствах по ирландским танцам описываются виды шагов, необходимых для освоения конкретных танцев. Например:

– «Before a dance can be properly performed it is necessary to acquire by practice a knowledge of the *steps* used in the various parts of it. The following are the *steps* danced in the measures herein described. Reference to the particular dance will show where the different *steps* are employed» [20, p. 8];

– «Although the dances described in this volume are all *Figure Dances* (or *Group Dances*), as distinct from the *Irish Step Dances*, there are a few fundamental *steps* or movements of the feet with which it is necessary to be thoroughly familiar, as they are common to all the dances» [21, p. 4].

Движения танцоров по сцене в целом также описываются в руководствах, причем существует определенный порядок записи танцевальных движений. Так, в начале обозначаются движения ног, затем рук, корпуса и головы. При исполнении полуповорота или полного поворота указывается направление [18, p. 66]. Например: «Throughout the dances, unless otherwise directed, if the dancers move forwards, backwards, or round in a ring, either a *lilting walking step* or a *change of step* is used; the men generally the former and the women the latter» [28, p. 8].

При сопоставлении текстов пособий начала XX в. с современными работами выявлено, что часть терминов-названий шагов совпадают. Так, в работе Х. Бреннан (2001) упоминаются следующие виды шагов: *treble, heel kick, drum, cut, rock (puzzle), shuffle, batter, grind, rising step* и др. [22, p. 63]. Ранее руководство Дж. Шина содержит термины *rise and grind, rise off* [20, p. 10]. Эл. Бурченал также использует термины *rising step* и *grind* [21, p. 6]. Таким

образом, термины определенных видов танцевальных шагов функционируют в специальной литературе уже более столетия.

Ознакомление со сферой функционирования терминов (т. е. со специальными текстами в противоположность сфере их фиксации, словарях) продемонстрировало богатство популяризирующих интернет-материалов и обширной опубликованной литературы, посвященной различным аспектам танцевальной культуры Ирландии (музыка, костюмы, соревнования и др.).

Необходимо отметить, что *Irish Stepdances* являются основой современных конкурсов, фестивалей и зрелищных хореографических представлений, известных на весь мир. В качестве жанрового танца степ получил признание во многих культурах, сделав привлекательным обучение ирландскому танцу молодежи и взрослых не только в англоязычных странах, но и за пределами англо-саксонского мира. Клубы ирландских танцев и университетские танцевальные сообщества набирают популярность, особенно в США. Например:

– «*Irish step dancing*, as a cultural practice, is no longer confined to Ireland, Irish people and the diaspora. Following the commoditisation and global commercial success of the Irish dance show, *Riverdance*, in the 1990s on the international arena, *step dancing* as a dance genre became exposed to many different cultures» [29, p. 146];

– «*Step dance* as a dance form was reaching a wide international audience, resulting in a demand for Irish dance teachers and classes. These dance classes were for young and old and were taught both in English language speaking countries and non-English language speaking countries» [29, p. 147].

Заключение. Функционирование терминов-названий ирландских фольклорных танцев в различных исторических контекстах начала XX в. и сопоставление их с современными текстовыми примерами показывает преобладание письменного хореографического знания на протяжении последних почти ста пятидесяти лет и интерес широких слоев населения в разных географических точках к танцевальному искусству. Описание танцев сопровождается графическим иллюстративным материалом, схемами исходных построений танцоров на сцене и их перестроений на протяжении танца.

Диахронический подход к исследуемому материалу демонстрирует постоянство терминологии, ее внедренность, частоту использования, подверженность унификации и стандартизации в ходе терминологической работы, проводимой ирландскими организациями, подобно Гэльской лиге, ассоциациями, ответственными за проведение соревнований различного уровня.

Анализ терминологии ирландского фольклорного танца выполнен с точки зрения экстралингвистических характеристик (время, место и причины появления) и лингвистических особенностей (система категорий, родо-видовые отношения, наличие и сохранение биллингвизма как языковой принадлежности).

Современное состояние индустрии ирландского танца, ее вплетенность в культуру, образование и бизнес отражает потребность людей в сложных инструментах самовыражения, восходящим к глубинным историческим корням. В языке фольклорной ирландской хореографии отражается турбулентный эмоциональный мир человека, необходимость молодежи встраиваться во взаимоотношения со старшими поколениями, находить национальную идентичность.

Вековая история взаимодействия ирландцев с окружающим миром, которая воплощается в фольклорной хореографии, создает уникальный опыт для множества любителей танцев и представляет собой определенный фрагмент нетривиального традиционного культурного мира Ирландии.

Отметим также, что терминология ирландского танца нуждается в дальнейших исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новодранова В. Ф. Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP) // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. 2007. Вып. 5. М.: Ин-т языкознания РАН. С. 136–140.
2. Осинцева Н. В. Танец в аспекте антропологической онтологии: дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2006.
3. Britannica. URL: britannica.com (дата обращения: 19.03.2024).
4. Карпенко В. Н., Карпенко И. А. История возникновения танцевальной терминологии // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 28 (249). Вып. 32. С. 42–47.
5. Меланьин А. А. Теоретические аспекты изучения хореографического искусства: методы анализа танцевального движения. М.: ВЦХТ, 2010.
6. Калинина М. А. Структурно-семантическая организация хореографической терминологии в русском языке (на материале галлицизмов и франкоязычных варваризмов) // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2018. Т. 15, № 2. С. 38–42. DOI: 10.14529/ling180207.
7. Бабич О. В. Словарь танцевальных терминов. Иркутск: Изд-во Ирк. обл. колледжа культуры, 2019.
8. Ирхен И. И., Лаврова С. В. Нотация и фиксация хореографического текста в условиях функционирования видеосредств // Вестн. акад. рус. балета им. А. Я. Вагановой. 2017. № 3 (50). С. 39–51.
9. Saint-Léon A. La sténochoregraphie, ou Art d'écrire promptement la danse. Paris: Chez l'Auteur, 1852.
10. Цорн А. Я. Грамматика танцевального искусства и хореографии. Одесса, 1890.
11. Stepanow W. J. Alphabet Des Mouvements Du Corps Humain. Paris, 1892.
12. Вихрева Н. А. Сохранение и реконструкция авторской хореографии: методы фиксации и расшифровки: автореф. дис. ... канд. иск. / Рос. акад. театр. искусства (ГИТИС). М., 2008.
13. Александрова Н. А. Балет. Танец. Хореография. Краткий словарь терминов и понятий. СПб.: Лань. 2011.
14. Барченкова М. Д., Осипенкова А. Т. Англо-русский словарь музыкальных терминов. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014.
15. Бунина Г. В. Некоторые аспекты изучения специальной лексики и терминологии гимнастики // Термины в научной и учебной литературе: межвуз. сб. Горький: Изд-во ГГУ, 1989. С. 67–74.
16. Росянова Т. С., Михасева Е. А. К вопросу о морфологическом статусе терминов в гимнастической терминологии английского языка // Вестн. РХГА. Филологические науки. 2021. Т. 2, № 1. С. 18–26.
17. Кондратенко Ю. А. Система художественного языка танца. Специфика, структура и функционирование: автореф. дис. ... д-ра иск. / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск, 2010.
18. Buck-Pavlick H. Examining "The book": How perception, power, and practice altered memory of Irish Ceili dances // J. of Music and Dance. 2021. Vol. 11 (1), pp. 1–9. DOI: 10.5897/JMD2020.0082.
19. O'Keefe J. C., Brien A. Handbook of Irish Dances. Dublin: O'Donochue, 1902.
20. Sheehan J. J. A Guide to Irish dancing. London, NY: J. Denvir, 1902.
21. Burchenal E. Rinnce Na Eirann. National dances of Ireland. NY: A. S. Barnes and Company, 1924.

22. Brennan H. *The Story of Irish Dance*. Lanham, MD: Roberts Rinehart Publishers, 2001.
23. Трофимов Р. В. Историко-культурные особенности и семантика ирландского традиционного сольного танца // *Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств*. 2022. №6 (110). С. 33–41. DOI: <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-6110-33-41>.
24. Belfast Telegraph. URL: belfasttelegraph.co.uk (дата обращения: 22.03.2024).
25. Claddagh Design. URL: claddaghdesign.com (дата обращения: 22.03.2024).
26. ConnollyCove. URL: connollycove.com (дата обращения: 22.03.2024).
27. CentralHome. URL: centralhome.com (дата обращения: 22.03.2024).
28. Orpen G. *Dances of Donegal*. London: D. M. Wilkie, 1931.
29. Foley C. The roots and routes of Irish step dancing: issues of identity and participation in a global world // *Routes and Roots. Fiddle and Dance Studies from around the North Atlantic 4 / 1a*. Russell, Ch. Goertzen (eds.). Aberdeen: Univ. of Aberdeen, 2012. P. 145–156.

Информация об авторе.

Роснянова Татьяна Сергеевна – доктор филологических наук (2020), профессор кафедры зарубежной филологии и лингводидактики Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского, наб. реки Фонтанки, д. 15, Санкт-Петербург, 191011, Россия. Автор более 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: терминоведение, когнитивная лингвистика, теория языка, социолингвистика, коммуникация, деловой английский язык.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.04.2024; принята после рецензирования 06.05.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.*

REFERENCES

1. Novodranova, V.F. (2007), "Types of knowledge and their representation in language for special purposes (LSP)", *Kognitivnaya lingvistika: novye problemy poznaniya* [Cognitive linguistics: new problems of cognition:], iss. 5, In-t yazykoznanija RAN, Moscow, RUS, pp. 136–140.
2. Osintseva, N.V. (2006), "Dance in the aspect of anthropological ontology", *Can. Sci. (Philology) Thesis*, Tyumen State Univ., Tyumen, RUS.
3. *Brittanica*, available at: brittanica.com (accessed 19.03.2024).
4. Karpenko, V.N. and Karpenko, I.A. (2017), "History of origin of dancing terminology", *Belgorod State Univ. Scientific Bulletin. Humanities series*, no. 28 (249), iss. 32, pp. 42–47.
5. Melan'in, A.A. (2010), *Teoreticheskie aspekty izucheniya khoreograficheskogo iskusstva: metody amaliza tantseval'nogo dvizheniya* [Theoretical aspects of the study of choreographic art: methods of dance movement analysis], VTsKhT, Moscow, RUS.
6. Kalinina, M.A. (2018), "Structural and Semantic Organization of Choreographic Terminology in Russian (Based on Gallicisms and French Barbarisms)", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Linguistics*, vol. 15, no. 2, pp. 38–42. DOI: 10.14529/ling180207.
7. Babich, O.V. (2019), *Slovar' tantseval'nykh terminov* [Dictionary of dance terms], Irkutskii oblastnoi kolledzh kul'tury, Irkutsk, RUS.
8. Irkhen, I.I. and Lavrova, S.V. (2017), "Notation and fixing of the choreographic text in operating conditions of media means", *Bulletin of Vaganova Ballet Academy*, № 3 (50), pp. 39–51.
9. Saint-Léon, A. (1852), *La sténochorégraphie, ou Art d'écrire promptement la danse*, Chez l'Auteur, Paris, FRA.
10. Tsorn, A.Ya. (1890), *Grammatika tantsoval'nogo iskusstva i khoreografii* [Grammar of dance art and choreography], Odessa, RUS.
11. Stepanow, W.J. (1892), *Alphabet Des Mouvements Du Corps Humain*, Paris, FRA.
12. Vikhreva, N.A. (2008), "Preservation and reconstruction of the author's choreography: methods of recording and decoding", Abstract of. *Can. Sci. (Art Criticism) dissertation*, Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), Moscow, RUS.

13. Aleksandrova, N.A. (2011), *Balet. Tanets. Khoreografiya. Kratkii slovar' terminov i ponyatii* [Ballet. Dance. Choreography. Brief dictionary of terms and concepts], Lan', SPb., RUS.
14. Barchenkova, M.D. and Osipenkova, A.T. (2014), *Anglo-russkii slovar' muzykal'nykh terminov* [English-Russian dictionary of musical terms], 2nd ed., FLINTA, Moscow, RUS.
15. Bunina, G.V. (1989), "Some aspects of studying special vocabulary and terminology of gymnastics", *Terminy v nauchnoi i uchebnoi literature* [Terms in scientific and educational literature], GGU, Gor'kii, USSR, pp. 67–74.
16. Rosyanova, T.S. and Mikhaseva, E.A. (2021), "On the morphological status of gymnastic terms in the English language", *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities. Philological Sciences*, vol. 2, no. 1, pp. 18–26.
17. Kondratenko, Yu.A. (2010), "The system of artistic language of dance. Specificity, structure and functioning", Abstract of Dr. Sci. (Art Criticism) dissertation, Mordovia State Univ., Saransk, RUS.
18. Buck-Pavlick, H. (2021), "Examining "The book": How perception, power, and practice altered memory of Irish Ceili dances", *J. of Music and Dance*, vol. 11 (1), pp. 1–9. DOI: 10.5897/JMD2020.0082.
19. O'Keeffe, J.C. and Brien, A. (1902), *Handbook of Irish Dances*, O'Donoghue, Dublin, IRL.
20. Sheehan, J.J. (1902), *A Guide to Irish dancing*, J. Denvir, London, NY, UK.
21. Burchenal, E. (1924), *Rinnce Na Eirann. National dances of Ireland*, A. S. Barnes and Company, NY, USA.
22. Brennan, H. (2001), *The Story of Irish Dance*, Roberts Rinehart Publishers, Lanham, MD, USA.
23. Trofimov, R.V. (2022), "Historical and cultural features and semantics of Irish traditional solo dance", *The Bulletin of Moscow State Univ. of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*, no. 6 (110), pp. 33–41. DOI: <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-6110-33-41>.
24. *Belfast Telegraph*, available at: belfasttelegraph.co.uk (accessed 22.03.2024).
25. *Claddagh Design*, available at: claddaghdesign.com (accessed 22.03.2024).
26. *ConnollyCove*, available at: connollycove.com (accessed 22.03.2024).
27. *CentralHome*, available at: centralhome.com (accessed 22.03.2024).
28. Orpen, G. (1931), *Dances of Donegal*, D. M. Wilkie, London, UK.
29. Foley, C. (2012), "The roots and routes of Irish step dancing: issues of identity and participation in a global world", *Routes and Roots. Fiddle and Dance Studies from around the North Atlantic 4*, Russell, Ia. and Goertzen, Ch. (eds.), Univ. of Aberdeen, Aberdeen, UK, pp. 145–156.

Information about the author.

Tatiana S. Rosyanova – Dr. Sci. (Philology, 2020), Professor at the Department of Foreign Philology and Lingvodidactics, Russian Christian Humanitarian Academy, 15 Fontanka emb., St Petersburg 191011, Russia. The author of more than 70 scientific publications. Area of expertise: terminology studies, cognitive linguistics, general linguistics, sociolinguistics, communication, business English.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 07.04.2024; adopted after review 06.05.2024; published online 20.11.2024.*

Оригинальная статья

УДК 81-139

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-5-129-140>

Сохранение авторской тональности как инструмент оценки качества перевода

Нэлла Аркадьевна Трофимова¹, Дарья Дмитриевна Коваленко²

^{1,2}НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

¹ntrofimova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>

²ddkvalenko_1@edu.hse.ru

Введение. В данной работе рассматривается методология анализа текста с использованием фоносемантической оценки, основанной на программе VAAL-mini («ВААЛ-мини»). Исследование включает в себя анализ оригинального текста и его перевода с целью выявления авторской тональности и ее [не]сохранения в переводе. Актуальность выбранной темы обусловлена применением психолингвистического метода в толковании В. П. Белянина и использованием количественных методов анализа текста. Новизна исследования заключается в применении в качестве инструмента отечественной лингвистической компьютерной программы VAAL-mini, способной категоризировать эмоциональные элементы текста.

Методология и источники. Методологической основой исследования является психолингвистический подход к оценке качества перевода, который обосновывает значимость категории автора при интерпретации и переводе художественного текста, а также позволяет изучить, как перевод влияет на восприятие и эмоциональную реакцию читателя, насколько точно переводчик передал когнитивные и эмоциональные аспекты оригинального текста. В качестве основного метода исследования предлагается количественный метод с использованием компьютерной программы VAAL-mini, способной категоризировать эмоциональные элементы текста. Материалом исследования избран роман П. Зюскинда „Das Parfum. Geschichte eines Mörders“ и его перевод на русский язык в исполнении Э. В. Венгеровой.

Результаты и обсуждение. Проведенный обзор литературы позволяет проследить современное В. П. Белянину состояние психолингвистики и динамику ее формирования. В соответствии с выявленной концепцией нами произведен комплексный анализ произведения П. Зюскинда „Das Parfum. Geschichte eines Mörders“ и его перевода на русский язык. Результаты такого анализа помогают глубже понять эмоциональную и лексическую составляющие текста, а также оценить качество перевода. Объединение психолингвистического подхода с современными методами количественного анализа – соответствующими компьютерными программами – позволяет достичь более всестороннего понимания исследуемого произведения.

Заключение. В результате проведенного анализа, основанного на определении типа текста с помощью лингвистического приложения VAAL-mini, был получен результат, опровергший внешнее (качественное) впечатление о стилистической и эмоциональной эквивалентности оригинального текста П. Зюскинда и перевода романа Э. В. Венгеровой. Этот результат демонстрирует состоятельность предложенной методологии в отношении оценки качества перевода.

© Трофимова Н. А., Коваленко Д. Д., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: фоносемантическая оценка, переводческий анализ, авторская тональность, психолингвистика, В. П. Белянин

Для цитирования: Трофимова Н. А., Коваленко Д. Д. Сохранение авторской тональности как инструмент оценки качества перевода // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 5. С. 129–140. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-129-140.

Original paper

Preservation of the Author's Tonality as a Tool for Evaluating Translation Quality

Nella A. Trofimova¹, Daria D. Kovalenko²

^{1,2}Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

¹ntrofimova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4088-0730>

²ddkovalenko_1@edu.hse.ru

Introduction. This paper examines the methodology of text analysis using phono-semantic assessment based on the “VAAL-mini” program. The study includes an analysis of the original text and its translation to identify the author's tonality and its [non]preservation in the translation. The relevance of the chosen topic is determined by the application of psycholinguistic methods in the interpretation of V.P. Belyanin and the use of quantitative text analysis methods. The novelty of the research lies in employing the domestic linguistic computer program “VAAL-mini” as a tool capable of categorizing emotional elements of the text.

Methodology and sources. The methodological foundation of the research is a psycholinguistic approach to assessing the quality of translation, which justifies the significance of the author category in the interpretation and translation of fiction texts. It also allows for an examination of how translation affects the perception and emotional response of the reader, as well as how accurately the translator conveys the cognitive and emotional aspects of the original text. The primary research method proposed is a quantitative method using the computer program “VAAL-mini”, which is capable of categorizing the emotional elements of the text. The material for the study is the novel by P. Suskind “Perfume: The Story of a Murderer” and its translation into Russian by E.V. Vengerova.

Results and discussion. The literature review conducted allows for tracing the current state of psycholinguistics as per Belyanin and its developmental dynamics. In accordance with the identified concept, we performed a comprehensive analysis of P. Suskind's work “Perfume: The Story of a Murderer” and its Russian translation. The results of this analysis help to gain a deeper understanding of the emotional and lexical components of the text, as well as to assess the quality of the translation. The integration of a psycholinguistic approach with modern quantitative analysis methods-using corresponding computer programs enables a more comprehensive understanding of the studied work.

Conclusion. As a result of the analysis based on determining the type of text using the linguistic application VAAL-mini, findings were obtained that refuted the external (qualitative) impression of stylistic and emotional equivalence between Suskind's original text and E.V. Vengerova's translation of the novel. This result demonstrates the viability of the proposed methodology for assessing translation quality.

Keywords: phono-semantic assessment, translation analysis, author's tonality, psycholinguistics, V.P. Belyanin

For citation: Trofimova, N.A. and Kovalenko, D.D. (2024), "Preservation of the Author's Tonality as a Tool for Evaluating Translation Quality", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 5, pp. 129–140. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-5-129-140 (Russia).

Введение. Художественный текст может быть объектом анализа как с точки зрения его эстетического восприятия читателем, так и с точки зрения реализации языковых связей и целостности. Комплексное рассмотрение лингвистического, стилистического и социального аспектов текста при анализе дает возможность не только выделить вербальные средства передачи идейного восприятия и эмоционального содержания текста, но и углубиться в специальное изучение общезыковых и авторских метафор, т. е. позволяет посмотреть на текст как на автономную систему, с одной стороны, и как на один из множества артефактов, принадлежащий определенной эпохе, с другой.

Именно психолингвистический подход избран методологической основой настоящего исследования, обзор теоретических работ в рамках которого (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. А. Леонтьев, В. П. Белянин и др. [1–13]) показал значимость категории автора при интерпретации и переводе художественного текста: текст представляет собой выражение мышления и речевого сознания, из чего следует детерминированность соответствия психологических аспектов личности (психологическая акцентуация, норма личности) автора (переводчика) и читателя для адекватного восприятия текста последним [14, 15] (см. также [16, 17]).

В контексте настоящей статьи особый интерес представляет роман П. Зюскинда „Das Parfum. Geschichte eines Mörders” [18], перевод которого избран объектом исследования. Предметом исследования является сопоставительный сентимент-анализ оригинального текста с русскоязычным вариантом романа (перевод. Э. В. Венгеровой) [19] с целью установить, удалось ли переводчику сохранить эмоциональную составляющую исходного текста (в частности, тональность и стилистику).

Актуальность выбранной темы обусловлена применением психолингвистического метода и использованием количественных методов анализа текста. По нашему мнению, сравнение оригинальной тональности с переводной было бы интересным в контексте вопроса о современных способах оценивания качества перевода, следовательно, новизна исследования заключается в применении отечественной лингвистической компьютерной программы VAAL-mini для количественного анализа эмоциональных элементов текста, что позволяет объективно оценить сохранение авторской тональности в переводе.

Методология и источники. В качестве методологической базы исследования выбран психолингвистический подход к оценке качества перевода, в рамках которого перевод понимается как сложный когнитивный процесс с акцентом на особенностях восприятия, мышления и эмоционального реагирования как переводчика, так и читателя. В рамках этого подхода особый интерес представляет концепция В. П. Белянина, рассматривающая текст как отражение психологических особенностей автора. Предлагаемая В. П. Беляниным методология анализа основана на выявлении эмоционально-смысловой доминанты текста: каждый языковой элемент в равной степени подчиняется как лингвистическим, так и психологическим законам; организующим центром является эмоционально-смысловая доминанта: «...будучи ядром модели порождения текста, эмоционально-смысловая доминанта организует семантику, морфологию, синтаксис и стиль художественного текста» [1, с. 5].

В концепции В. П. Белянина предлагается понимать текст как связующий элемент следующей системы: «действительность – сознание – модель мира – язык – автор – текст – читатель – проекция», однако в контексте нашего исследования следует дополнить авторскую последовательность звеном «переводчик», которое способно исказить оказываемое текстом воздействие на читателя.

В. П. Белянин определяет художественный текст как объект, выявляет его языковые и синтаксические особенности, а также говорит об эстетической функции и передаче эмоционального содержания. В пределах социокультурного подхода произведение трактуется как документ эпохи; лингвисты же предлагают анализировать текст в качестве автономной (цельной) системы, выявлять посредством такого анализа те средства, через которые выражаются «идейное и эмоциональное содержания текста» [12]. Более того, лингвистический анализ включает в себя стилистический, который занимается изучением общезыковых и авторских метафор. Заметим, что в обоих методах (социокультурном и лингвистическом) автор исключается из рассмотрения, однако текст остается высшей единицей мышления (а не высшей единицей языка [6]), которая отражает интерес к проблемам речевого сознания и языковой личности.

Мы не рассматриваем художественный текст как имманентную сущность, так как ключевые элементы настоящего исследования – это автор, переводчик и эмоциональный аспект восприятия оригинального текста и его перевода. Кроме того, В. П. Белянин выдвигает положение о «подобии интеллектов» как об основополагающем элементе психолингвистического анализа, согласно которому текст воспринимается наиболее адекватно тем читателем, чьи психологические особенности наиболее близки авторским [1, с. 8] (см. также [20]). Именно поэтому мы в нашем рассмотрении отталкиваемся от эмоционального воздействия оригинальной версии романа П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» [18] и перевода авторства Э. Венгеровой [19].

В. П. Белянин дает типологию текстов, основанную на интуитивном делении, рекомендованном Л. В. Щербой [1, с. 6] (см. также [12]). В своей монографии он предлагает сосредоточиться на эмоциональной доминанте, счесть ее основой литературного текста, ведь все, что происходит на страницах произведения (развитие сюжета, стилистика словесных конструкций, образы), подчинено ей. Под эмоционально-смысловой доминантой понимается система когнитивных и эмоциональных образов, характерных для определенного типа личности, которые служат психологической основой метафорического и вербального отображения мира в тексте. Исходя из этого, В. П. Белянин выделяет следующие типы текстов: «светлый», «активный», «темный», «печальный», «веселый», «красивый» и «сложный», делая при этом некоторые оговорки. Во-первых, данная типология не может охватить все множество существующих текстов из-за специфики метода (подкрепление акцентуацией), направленного на наиболее частотные типы личностей, встречающихся в клинической практике, и его динамичности, что располагает к доработке в дальнейшем. Во-вторых, «высокохудожественные» тексты могут содержать несколько эмоциональных доминант и классифицироваться как «смешанные».

Тем не менее подобное деление текстов способствует созданию более глубокого представления о семантике и структуре текста, а также может быть эффективным инструментом

при переводе. Кратко рассмотрим основные типы текстов, важные для настоящего исследования: «светлый», «активный» и «темный».

«Светлые» тексты, являясь более слабым вариантом «активных», встречаются гораздо реже. Зачастую они характеризуются наличием героев с высокими моральными качествами: честность, чистота неповторимость, уникальность; устремления таких личностей возвышенны, бескорыстны. Их смерть символизирует перерождение, новую жизнь. Как и «активные» тексты, «светлые» соответствуют паранойяльной акцентуации, что выражается через чрезмерную обидчивость, подозрительность, «стойкость аффектов» [1, с. 38]; эмоционально-смысловая доминанта репрезентирована в основном такими понятиями, как «борьба» и «единство» (релевантно и для «активных» текстов).

«Активные» тексты представляют борьбу между добром и злом, где персонаж проявляет героизм и преданность. Стиль таких произведений динамичен (более резкий, энергичный в сравнении со «светлым» типом), а финал может быть озаглавлен как героической смертью, так и полной победой над врагом. Герой таких текстов также отвечает моральным качествам: он честен, предан родине и друзьям.

«Темные» тексты отличаются более жестокой оппозицией добра и зла, где конфликт происходит на личностном уровне, она связана с «экзистенциальной истиной» и включает элементы хитрости и обмана. Герои «темных» текстов – обычные люди, сталкивающиеся с экзистенциальными проблемами. Категории времени и пространства изменчивы и иллюзорны (например, помутнение рассудка героя), возможен коммуникативный провал (эпизодичный или длинной в произведении). Эмоционально-смысловая доминанта таких текстов соответствует эпилептоидной акцентуации; «темные» тексты часто изображают широкий спектр эмоций, в том числе тоску и злость, могут включать религиозные темы (тождественно для «активных» текстов).

Жанровое разнообразие «темных» текстов велико и охватывает детективы, научную фантастику и др. Героем такого текста обычно является «обычный» человек: способный, но не имеющий высшего образования, умелый, но на уровне большинства – среднестатистический по большинству параметров. Частый мотив: герой – сумасшедший гений или ученый, использующий свой интеллект во вред миру.

Предложенная типология художественных текстов позволяет говорить о состоятельности описанного психолингвистического метода анализа в современных реалиях (метод актуален, не имеет замкнутой системы, что подразумевает дополнения).

Результаты и обсуждение. Произведение П. Зюскинда «Das Parfum. Geschichte eines Mörders» [18] было написано и опубликовано Швейцарским домом книги в 1985 г.; русскоязычная публика имела возможность познакомиться с романом в переводе Э. В. Венгеровой в 1991 г. в журнале «Иностранная литература» [19]. Автор романа педантично подошел к созданию этого текста: еще в студенчестве он углубленно изучал средневековую и современную историю, собирал материал, который помог создать автономный и в то же время уникальный мир буржуазной Франции. «Парфюмер» [18] имеет под собой и практическую основу: прежде чем начать работу, П. Зюскинд посетил места действия будущего произведения и изучил тонкости парфюмерного дела (на фабрике Fragonard, названной в честь французского живописца Жан-Оноре Фрагонара). Такая глубокая и всесторонняя подготовка способствовала созданию художественного текста, коррелирующего с эстетикой постмодернизма.

Литературовед Н. В. Гладилин [21] оценивает «Парфюмера» как образцовый постмодернистский гипертекст, который составлен преимущественно из элементов литературы предшествующих эпох. Интертекстуальность текста действительно высока: в нем можно увидеть отсылки к Библии, а также к произведениям таких авторов, как Еврипид, Гёте, Гофман, Бодлер, Лавкрафт, Томас Манн и других, что насыщает произведение и делает его более чем подходящим для анализа.

Обращаясь к психологическим аспектам литературы, мы сталкиваемся с вопросами о патологии, акцентуации и норме личности – в некотором смысле динамическими, по нашему мнению, категориями. В ряде функций творческой деятельности определенное место занимает терапевтическая: присутствует возможность сублимации через произведение, как, например, в романе И. В. Гёте «Страдания юного Вертера» [22], который показывает очевидные параллели между жизненным опытом автора и событиями, описанными в его тексте. За два года до написания романа он увлекается Шарлоттой Буфф, невестой своего близкого друга Кестнера, что подтверждается записями из личного дневника последнего. Кроме того, сам Гёте писал, что облечение неразрешимого конфликта в текст через собирательный образ (не только собственные суицидальные мысли, но и печальный исход их общего с Кестнером знакомого Иерусалема) помог ему прожить пограничное состояние и избежать худшего. Таким образом, акцентуированное состояние персонажа было следствием тождественного состояния автора. Важно отметить, что в подобных случаях текст становится «калькой», отражающей частично скрытые (от автора) процессы в психике, которые свидетельствуют о разладе со средой.

В связи с изложенным может возникнуть предположение о схожей проекции в отношениях П. Зюскинда и Жан-Батиста Гренуя. Но такое предположение кажется ошибочным, поскольку «Парфюмер» – истинно постмодернистский текст, развенчивающий культ гения через подрыв, обличение несостоятельности фигуры чрезмерно одаренного в области обоняния персонажа. Поскольку в постмодернистских произведениях фигуре автора, как правило, отведена метапозиция по отношению к тексту, то очевидно, что в тексте романа нет деталей, подтверждающих состоятельность автобиографичной версии.

Постмодернизм в отличие от традиционного подхода акцентирует внимание на многозначности и фрагментарности нарратива, что позволяет создать более сложные (многослойные) отношения между автором и текстом. В этом контексте фигура Гренуя, несмотря на свою исключительность, становится символом абсурдности и безысходности человеческого существования, который отражает навязанные обществом искаженные представления о таланте и успехе.

Отрыв автора от текста проявляется, как нам кажется, в том, что Зюскинд оставляет пространство для интерпретации, где читатель может самостоятельно осмыслить действия героя и их мотивы. Это подчеркивает идею, что гений – это не только результат врожденного таланта, но в большей степени продукт культурных и социальных обстоятельств.

Изложенные теоретические сведения дают нам общее представление о произведении и его авторе, достаточное для перехода к практической реализации психолингвистического метода анализа художественных текстов В. П. Белянина в приложении к тексту романа П. Зюскинда. В качестве инструмента анализа в исследовании используется компьютерная программа VAAL (версия mini), способная провести лингвистическую экспертизу текста, в частности определить его тональность.

Программа VAAL-mini использует метод фоносемантического анализа для категоризации эмоциональных элементов текста. Этот метод основан на предположении, что определенные звуки и их сочетания вызывают у носителей языка устойчивые ассоциации и эмоциональные реакции. VAAL-mini анализирует фонетический состав текста, оценивая частоту встречаемости различных звуков и их комбинаций. Затем программа сопоставляет полученные данные с заложенной в нее базой фоносемантических ассоциаций, которая была создана на основе масштабных психолингвистических исследований. В результате VAAL-mini способна определить общую эмоциональную окраску текста, выделяя такие характеристики, как «мягкость», «активность», «сила», «тревожность» и др. Это позволяет объективно оценить эмоциональную составляющую текста и сравнить ее в оригинале и переводе.

Методика анализа предполагает выполнение следующих шагов. Анализируемый оригинальный текст подгружается в диалоговое окно программы для проведения «фоносемантической оценки текста» (для удобства анализа текст был разделен на 10 равноценных частей). Программа использует для наглядности 24 биполярные шкалы, каждая из них представлена антонимичной парой прилагательных и подкреплена числовой и цветовой оценками: красной, если текст тяготеет к «левому» антониму, синей – если к «правому» или темно-серой – в случае нейтральной позиции. Далее выявляется корреляция статистических результатов с типом текста по типологии В. П. Белянина. Затем то же самое проделывается с переводом исследуемого произведения. Последним этапом является сравнение полученных результатов: в том случае, когда они тождественны, мы можем говорить о том, что переводчику удалось сохранить авторскую тональность.

Для иллюстрации сказанного обратимся к результату анализа первых шести глав романа (рис. 1, 2).

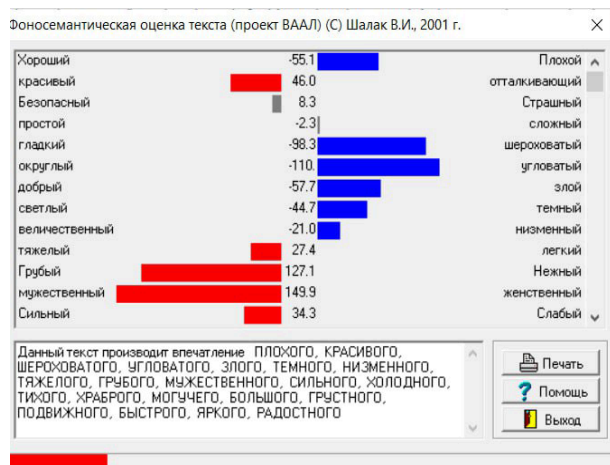

Рис. 1. Фоносемантический анализ оригинала (часть 1)
Fig. 1. Phonosemantic analysis of the original (part 1)

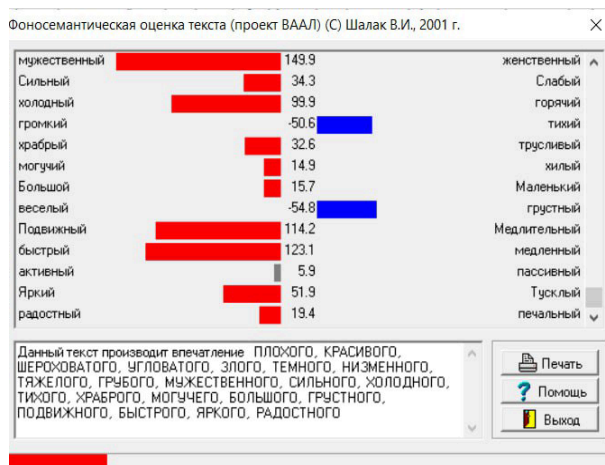

Рис. 2. Фоносемантический анализ оригинала (часть 2)
Fig. 2. Phonosemantic analysis of the original (part 2)

Анализ оригинала показал, что все элементы, за исключением последнего¹, имеют практически идентичные статистические результаты: «Данный текст производит впечатление

¹ Мы отвели заключительный элемент под итоговую главу романа, так как изменение тональности можно считать даже на уровне содержания: смерть главного героя символизирует освобождение, катарсис, что стимулирует смену акцентуации текста.

ПЛОХОГО, КРАСИВОГО, ШЕРОХОВАТОГО, УГЛОВАТОГО, ЗЛОГО, ТЕМНОГО, НЕИЗМЕННОГО, ТЯЖЕЛОГО, ГРУБОГО, МУЖЕСТВЕННОГО, СИЛЬНОГО, ХОЛОДНОГО, ТИХОГО, ХРАБРОГО, МОГУЧЕГО, БОЛЬШОГО, ГРУСТНОГО, ПОДВИЖНОГО, БЫСТРОГО, ЯРКОГО, РАДОСТНОГО». В синей части шкалы преобладают отрицательно-оценочные прилагательные ПЛОХОЙ, ШЕРОХОВАТЫЙ, УГЛОВАТЫЙ, ЗЛОЙ, ТЕМНЫЙ, НЕИЗМЕННЫЙ, ТИХИЙ, ГРУСТНЫЙ. В красной части шкалы наибольшие показатели имеют прилагательные ГРУБЫЙ, МУЖЕСТВЕННЫЙ, СИЛЬНЫЙ, ХОЛОДНЫЙ, ПОДВИЖНЫЙ, БЫСТРЫЙ. Этот набор характеристик позволяет нам отнести оригинал романа к категории «темных» текстов с эпилептоидной акцентуацией по следующим причинам. Во-первых, время и пространство в романе подвижно, импульсивно и абстрактно, что подтверждается такими показателями, как «подвижный», «быстрый», а также «шероховатый», «угловатый» – их числовые оценки близки и выше 100. Во-вторых, личность главного героя психопатична, в том числе эгоцентрична; его действия направлены на реализацию собственного гения, что противоречит существующим моральным нормам и законам – все это репрезентировано в таких категориях, как «мужественный» (имеет самый высокий показатель среди других 24 пар антонимов, показывает замкнутость мира героя на себе самом, практически отсутствуют рассуждения об убитых девушках), а также «грубый», «холодный» (собственное равнодушие к миру, как и мира к Греную), «плохой», «злой», «темный», «низменный» (наличие в произведении сниженной лексики, что роднит его с «активным» типом текстов).

Анализ перевода Э. В. Венгеровой дал неожиданные результаты: «Данный текст производит впечатление **ХОРОШЕГО, СТРАШНОГО, ПРОСТОГО, ЗЛОГО, ВЕЛИЧЕСТВЕННОГО, ТЯЖЕЛОГО, ГРУБОГО, МУЖЕСТВЕННОГО, СИЛЬНОГО, ХОЛОДНОГО, ГРОМКОГО, ХРАБРОГО, МОГУЧЕГО, БОЛЬШОГО, ВЕСЕЛОГО, МЕДЛИТЕЛЬНОГО, МЕДЛЕННОГО, АКТИВНОГО, ЯРКОГО, РАДОСТНОГО**» (рис. 3, 4).

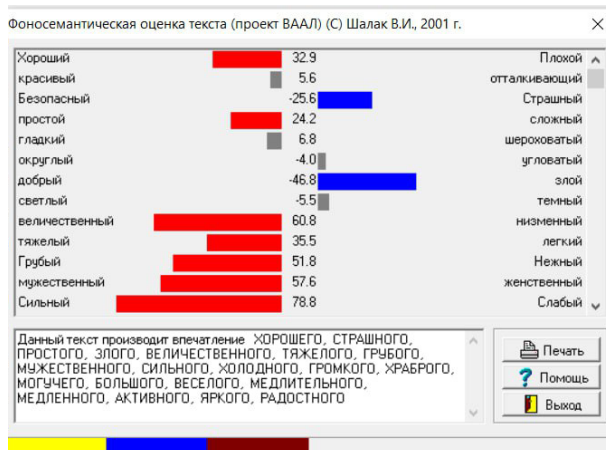

Рис. 3. Фоносемантический анализ перевода (часть 1)
Fig. 3. Phonosemantic analysis of the translation (part 1)

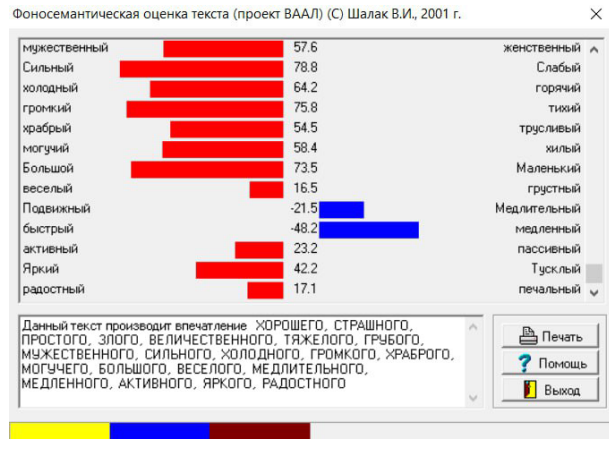

Рис. 4. Фоносемантический анализ перевода (часть 2)
Fig. 4. Phonosemantic analysis of the translation (part 2)

Очевидно, что большинство категорий сменило направленность на противоположную, стало более выраженным, в результате чего текст стал менее акцентным, более «светлым». «Шероховатость» и «угловатость» сгладились, их статистические показатели пришли к среднему значению в сравнении с парными антонимами (от близких к 100 до 0–10). Темп

повествования также замедлился («подвижный», «быстрый» – «медленный», «медлительный»), а форма стала более возвышенной («величественный» вместо «низменного»). Более того, концентрация категории «мужественный» снизилась вдвое, а тип «сильный», наоборот, увеличился почти в два раза. Иными словами, тональность текста в результате перевода претерпела радикальные изменения, что, безусловно, в некотором роде искажает авторское видение романа. В результате перевода тип текста анализируемого произведения стал скорее «светлым», чем «темным», а также менее «активным».

Такое преобразование можно объяснить тем, что в советском пространстве наиболее популярными являлись именно «светлые» тексты: социальная среда, литературный опыт того времени повлияли на смещение тональности произведения в ходе переводческой работы.

Кроме того, тождественность объемов двух текстов² говорит о привнесении художественного (авторского) элемента Э. В. Венгеровой в перевод, что можно рассматривать как вариант суггестии, (бес)сознательное искажение стилистики или реализации персуазивности в качестве прагматического инструмента воздействия на читателя посредством использования определенных лингвистических конструкций и отказ от других. При переводе стиль текста стал более возвышенным за счет уменьшения сниженной лексики, наблюдаемой в оригинале, были привнесены новые смыслы: добавочный философский смысл, стимулирующий читателя к множественной переоценке личности героя в мире, отношения мира к нему и своей позиции в контексте происходящего – эгоцентричность Гренуя и ее репрезентация претерпели когнитивные метаморфозы в читательском восприятии. Акцентуация сместилась с эпилептоидной на паранойяльную, преобразив конфликт злого гения с миром в конфликт общечеловеческий, иными словами, моральный облик персонажа был изменен. В конечном счете работа Венгеровой не просто адаптировала текст для советского читателя, но и создала новый дискурс вокруг культа гения и его изоляции от общества.

Таким образом, в результате проведенного анализа, основанного на определении типа текста с помощью лингвистического приложения VAAL-mini, был получен результат, опровергший внешнее (качественное) впечатление о стилистической и эмоциональной эквивалентности оригинального текста П. Зюскинда и перевода романа Э. В. Венгеровой. Этот результат демонстрирует состоятельность предложенной методологии в отношении оценки качества перевода, объединение психолингвистического подхода с современными методами количественного анализа, позволяет достичь более всестороннего понимания исследуемого произведения, дает возможность не только качественно оценить эмоциональную составляющую текста, но и количественно измерить ее, что повышает объективность анализа и позволяет выявить нюансы, которые могут быть упущены при традиционном подходе.

Заключение. Исследование показало значимость разработанного В. П. Беляниным психолингвистического подхода к анализу художественных текстов (выявление основных психологических и языковых стратегий, используемых автором для создания образов персонажей, атмосферы произведения через определение акцентуации и передачи эмоциональной окраски текста) и оценке качества перевода. Тем не менее нельзя игнорировать необхо-

² Русскоязычная версия произведения короче оригинала всего на 20 страниц, что довольно необычно для литературы, переведенной с немецкого языка, ведь довольно часто оригинал как минимум за счет сложного устройства немецких синтаксических конструкций двукратно превышает размер перевода.

димось доработки типологии текстов с упором на «смешанные» типы произведений для получения релевантных результатов. Более того, комментируя типологию, предложенную В. П. Белянином, мы не случайно остановились на первых трех типах текстов: «светлом», «активном» и «темном». Как видно из результатов исследования, в рассмотренных текстах присутствуют в той или иной степени именно эти категории, переходя одна в другую (принципиальные изменения происходят на уровне стилистики и лексики, что при «медленном чтении» романа выходит на уровень метатекстуальных аспектов: идеологии романа, его морали, восприятию читателя и, как итог, влиянию, оказанном на канон).

Нам кажется, что предложенная методология, заключающаяся в обоюдном применении количественных методов анализа посредством приложения VAAL-mini и психолингвистической концепции текста В. П. Белянина, может стать инструментом, который решит проблему оценки качества перевода как уже изданных литературных текстов, так и предстоящих к публикации; ее применение может быть целесообразным и при написании лингвистических научных работ, и в преподавательской практике, показывающей возможность применения количественных методов анализа литературного текста и его перевода (в частности при характеристике переводческой работы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики (модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000.
2. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: семиотика. Поэтика / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
3. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934.
5. Корниенко А. Ф. Соотношение понятий «Язык», «Мышление» и «Сознание» в психологии и когнитивной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 5–15.
6. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
7. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Из лекций об основах художественного творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1911. Т. 1. С. 1–19.
8. Пропп В. Я. Трансформация волшебных сказок // Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 153–173.
9. Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989.
10. Сент-Бев Ш. Из работ разных лет / пер. с фр. В. П. Большакова, Г. К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 39–53.
11. Франц М. Л. Психология сказки / пер. с англ. Р. Березовской, К. Бутырина. СПб.: Б.С.К., 2004.
12. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. уч.-педагог. изд-во Минпросвещения РСФСР, 1957. С. 113–129.
13. Геннекен Э. Опыт построения научной критики: эстопсихология / пер. с фр. Д. Струнина. М.: Либроком, 2011.
14. Гумбольд В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода / пер. с нем. П. Билярского. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1859.

15. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
16. Семенов В. Е. Исследование процессов восприятия произведений литературы и искусства // Психологический журнал. 1985. Т. 6, № 3. С. 142–150.
17. Шкловский В. Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. Петроград: Тип. З. Соколинского, 1917. Вып. 2.
18. Süskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. Zürich: Diogenes, 1985.
19. Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы / пер. с нем. Э. Венгеровой // Иностранная литература. 1991. № 8. С. 5–123.
20. Шафф А. Введение в семантику / пер. с польск. М. Я. Гловинской, Н. Г. Комлева, В. Ф. Конновой. М.: Иностранная литература, 1963.
21. Гладиллин Н. В. Интертекстуальные референции в романах «Парфюмер» П. Зюскинда и «Сестра сна» Р. Шнайдера // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. 2009. № 4. С. 134–138.
22. Goethe J. W. Die Leiden des jungen Werthers. Leipzig: In der Weygandschen Buchhandlung, 1774.

Информация об авторах.

Трофимова Нэлла Аркадьевна – доктор филологических наук (2009), доцент (1998), профессор департамента иностранных языков НИУ «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, 190008, Россия. Автор более 140 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистическая прагматика, теория речевых актов, когнитивная лингвистика.

Коваленко Дарья Дмитриевна – студентка (3-й курс) образовательной программы «Филология» НИУ «Высшая школа экономики», ул. Союза Печатников, д. 16, Санкт-Петербург, 190008, Россия. Сфера научных интересов: психолингвистика, посмодернизм.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.04.2024; принята после рецензирования 06.05.2024; опубликована онлайн 20.11.2024.*

REFERENCES

1. Belyanin, V.P. (2000), *Osnovy psikholingvisticheskoi diagnostiki (modeli mira v literature)* [Fundamentals of psycholinguistic diagnostics (models of the world in literature)], Trivola, Moscow, RUS, 2000.
2. Barthes, R. (1989), "The Death of the Author", *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics], Transl. by Zenkmin, S.N., Progress, Moscow, USSR, pp. 384–391.
3. Vinokur, T.G. (1993), *Govoryashchii i slushayushchii. Varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and listener. Variants of speech behavior], Nauka, Moscow, RUS.
4. Vygotskii, L.S. (1934), *Myshlenie i rech'. Psikhologicheskie issledovaniya* [Thinking and speech. Psychological studies], Gos. sots.-ekonom. izd-vo, Moscow, USSR.
5. Kornienko, A.F. (2013), "Relationships of the Concepts Language, Thinking and Consciousness in Psychology and Cognitive Linguistics", *Issues of Cognitive Linguistics*, iss. 3 (36), pp. 5–15.
6. Leont'ev, A.A. (1969), *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, speech, speech activity], Prosveshchenie, Moscow, USSR.
7. Ovsyaniko-Kulikovskii, D.N. (1911), "From lectures on the foundations of artistic creativity", *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva* [Questions of the theory and psychology of creativity], vol. 1, Khar'kov, RUS, pp. 1–19.
8. Propp, V.Ya. (1976), "Transformation of fairy tales", *Fol'klor i deistvitel'nost': Izbrannye stat'i* [Folklore and reality: Selected articles], Nauka, Moscow, USSR, pp. 153–173.

9. Rubinshtein, L.S. (1989), *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General Psychology], in 2 vol., Pedagogika, Moscow, USSR.
10. Sainte-Beuve, C.-A. (1987), "From Works of Different Years", Transl. by Bol'shakov, V.P. and Kosikov, G.K., *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv.: traktaty, stat'i, esse* [Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th–20th centuries: treatises, articles, essays], Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, USSR, pp. 39–53.
11. Franz, M.-L. (2004), *The Interpretation of Fairy Tales*, Transl. by Berezovskaya, R. and Butyrin, K., B.S.K., SPb., RUS.
12. Shcherba, L.V. (1957), "Modern Russian literary language", *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language], Gos. uch.-pedagog. izd-vo Minprosveshcheniya RSFSR, Moscow, USSR, pp. 113–129.
13. Hennequin, É. (2011), *La Critique scientifique*, Transl. by Strunin, D., LIBROKOM, Moscow, RUS.
14. Humboldt, W. (1859), *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, Transl. by Bilyarskii, P., Tip. Imp. Akad. nauk, SPb., RUS.
15. Demyankov, V.Z. (1994), "Cognitive Linguistics as a Type of Interpretative Approach", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 4, pp. 17–33.
16. Semenov, V.E. (1985), "Study of the processes of perception of works of literature and art", *Psychological J.*, vol. 6, no. 3, pp. 142–150.
17. Shklovskii, V. (1917), "Art as a device", *Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* [Collections on the theory of poetic language], iss. 2, Tip. Z. Sokolinskogo, Petrograd, RUS.
18. Süskind, P. (1985), *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*, Diogenes, Zürich, CHE.
19. Süskind, P. (1991), "Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders", Transl. by Vengerova, E., *Russian Studies in Literature*, no. 8, pp. 5–123.
20. Schaff, A. (1963), *Wstep do semantyki*, Transl. by Glovinskaya, M.Ya., Komleva, N.G. and Konnova, V.F., Foreign Literature, Moscow, USSR.
21. Gladilin, N.V. (2009), "Intertextual References in the Novels "Perfume" by P. Süskind and "Sister of Sleep" by R. Schneider", *Lomonosov Philology J.*, no. 4, pp. 134–138.
22. Goethe, J.W. (1774), *Die Leiden des jungen Werthers*, In der Weygandschen Buchhandlung, Leipzig, GER.

Information about the authors.

Nella A. Trofimova – Dr. Sci. (Philology, 2009), Docent (1998), Professor at the Department of Foreign Languages, 16 Soyuza Pechatnikov str., St Petersburg 190008, Russia. The author of more than 140 scientific publications. Area of expertise: pragmatics, theory of speech acts, cognitive linguistics.

Daria D. Kovalenko – Student (3rd year) of the "Philology" program, Higher School of Economics, 16 Soyuza Pechatnikov str., St Petersburg 190008, Russia. Area of expertise: psycholinguistics, postmodernism.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 07.04.2024; adopted after review 06.05.2024; published online 20.11.2024.

На излете летнего месяца августа 2024 г. ушел из жизни замечательный сибирский мыслитель, член редакционной коллегии нашего журнала Михаил Петрович Яценко. В очередной раз (ранее, в августе 2023 г., ушел из жизни член редакционной коллегии журнала Марков Борис Васильевич) такое печальное событие переводит духовный и эмоциональный багаж Михаила Петровича в модус идейного наследия – наследия, которое может и становится актуальным источником биения философской и исторической мысли прежде всего на просторах Сибири, о чем и свидетельствует следующее эссе единомышленников, коллег и друзей Михаила Петровича.

ПАТРИОТ, ФИЛОСОФ, ИСТОРИК **Памяти Михаила Петровича Яценко**

30 августа 2024 г. ушел из жизни Михаил Петрович Яценко.

Теперь его нет с нами. Его место за письменным столом пустует, но он навсегда останется в нашей памяти и наших сердцах.

Философ, историк, преподаватель, поэт, писатель, фотограф Михаил Петрович Яценко был ярким и многогранным человеком, который, несмотря на фактический возраст (почти 67 лет), в душе был намного моложе паспортного возраста. До своих последних дней он сохранял активность, любознательность, поиск новых идей.

Михаил Петрович Яценко родился 9 ноября 1957 г. на Украине. Окончил Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (1980). В 1980-е гг. преподавал в Львовском политехническом институте, где начал серьезно увлекаться литературным творчеством. С 2005 г. перешел на преподавательскую работу в Красноярский технический университет, который позже вошел в состав Сибирского федерального университета. Доктор философских наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики СФУ, в дальнейшем сотрудник Центра глобалистики и геополитики СФУ, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций. Член диссертационного совета. Лауреат премии ректора Сибирского федерального университета за научное наставничество (2013). Член редколлегии журнала «Дискурс» (г. Санкт-Петербург). Член редколлегии журнала «The Newman in Foreign Policy» (г. Красноярск).

Михаил Петрович Яценко продвигал идею Русского мира. Он был наилучшим знатоком Украины в Красноярске. Он всегда считал, что будущее Украины возможно только вместе с Россией. Будучи свидетелем майдана 2013–14 гг. в Киеве и снимая происходившее незадолго до перехода майдана в кровавую фазу на видеокамеру, Михаил Петрович Яценко уже тогда понимал, что проевропейские и антирусские настроения приведут Украину к великой трагедии.

Михаил Петрович, уроженец Центральной Украины советской эпохи, сформировавший свой преподавательский опыт на Западной Украине, человек, любивший свою родную страну, превосходно знал украинский менталитет с его тонкими отличиями в разных обла-

стях, которые зачастую недооцениваются. Он любил свою малую родину в Житомирской области, любил всю Украину, но никогда не противопоставлял ее России, считая Украину исторической частью Русского мира, чувствуя неразрывную связь Русского мира, несмотря на исторически временно разделяющие его политические границы. Коростынь, Киев, Львов, Усть-Илимск и Красноярск – города, в которых жил Михаил Петрович, были для него частью нашей некогда единой страны.

Как ученый Михаил Петрович был автором идей, которые могли идти наперекор западноцентричным концепциям философии истории, рассматривающим страны Запада как универсальный идеал человечества, к которому должны стремиться все народы. Он обличал Запад как морально разложившийся мир, который рассматривает человека и общество как предмет для самых ужасных и извращенных экспериментов, как «антицивилизацию», в XX в. развязавшую две мировые войны, породившую концлагеря, отравляющие газы и атомную бомбу, а в XXI в. начавшую расчеловечивание человека на биологическом уровне. В противовес западному диктату Михаил Петрович отстаивал идею равноправия и своеобразия различных цивилизаций, уделяя особое место уникальному Русскому миру, в исследовании развития которого старался не противопоставить разные исторические эпохи, а объединить их общей линией. Все эти идеи Михаила Петровича нашли отражение в 11 монографиях и научных статьях (более 200).

Помимо научной и преподавательской деятельности Михаил Петрович Яценко был членом Союза писателей России, поэтом, автором стихов, печатавшихся в различных периодических изданиях Сибири. Вместе с другими писателями и поэтами он развивал литературное творчество, объединяющее Русский мир. Его стихи составили ряд авторских поэтических сборников: «Веко века», «Тоска по эху», «ПроСВЕТ», «Сторица». Как поэт Михаил Петрович находился в постоянном поиске новых подходов, новых образов, новых форм слова и звука, ломал привычные схемы стихосложения, но сохранял лучшие традиции русской поэзии.

Как фотограф Михаил Петрович продолжал развивать идеи своей философии истории. В фотографических путешествиях он объездил многие уголки России: был в Крыму, в Карелии, на Алтае, на Байкале, в Якутии, на Дальнем Востоке. Везде запечатлевал он уникальность местной природы, местных людей, архитектуры, объединяя огромную и многоликую Россию своим объективом.

В мае 2023 г. на страницах научного журнала «Новый человек в международной политике» профессор резюмировал: «...устойчивость современной России напрямую связана с ее геополитической субъектностью, потому что ведущей тенденцией современности является формирование и сохранение гармоничного глобально-регионального мироустройства, где должны отразиться изменения статуса российского государства в глазах членов мирового сообщества путем повышения его реальной значимости в Истории»¹.

В январе 2020 г. на страницах этого же журнала в интервью корреспонденту Елизавете Комаровой на вопрос «Какие рецепты нравственной безопасности для молодых и взрослых людей вы могли бы дать сегодня?» М. П. Яценко ответил: «*Первое – это историческая память, причем и в широком смысле слова. Сегодня невозможно быть гражданином, если не*

¹ Яценко М. П. Устойчивость современной России как следствие ее геополитической субъектности // *The New-
man In Foreign Policy*. 2023. Vol. 3, № 72 (116). С. 12.

знаешь о Ледовом побоище, Куликовской битве, Бородинском сражении... Если в тебе нет ощущения принадлежности к стране, в которой ты живешь, ты не будешь нравственным. Второе – это глубинное понимание причастности к христианским ценностям, в основе которых – заповеди, не позволяющие человеку опуститься до тварного состояния. Особое значение приобретает православие как набор культурных ценностей ввиду того, что для Западной Европы сегодня характерна дехристианизация. Православный человек – это человек, который постоянно соотносит свои поступки с неким идеалом, поэтому он всегда в состоянии покаяться. Сегодня многие считают, что нашему развитию мешает «досто-евщина», однако я уверен, что именно способность человека постоянно размышлять о смысле своего существования гарантирует ему будущее. Следующий момент – это уход от понимания русского мира как чего-то агрессивного. Мы, как было уже отмечено, к сожалению, сейчас проходим стадию милитаризации, потому что мы вынуждены защищаться. Как только такая необходимость отпадет, мы срочно должны вернуться к нашим глубинным смыслам. Русский человек – самый творческий человек, у которого всегда много идей и нестандартных мыслей, направленных на улучшения мира и себя. Нам нужно возродить наше умение самосовершенствоваться и быть небезразличными к окружающему миру. Русский мир стоит возродить для того, чтобы помочь другим, всему человечеству построить гармоничное мироустройство».

Творчески развивая свою идею многоцивилизационного развития человечества, которую он активно обсуждал со своими друзьями и соавторами, Михаил Петрович совершал фотографические путешествия по странам Востока за новыми впечатлениями и аргументами в дискуссиях. Например, в мае 2024 г. он посетил Узбекистан, а в августе Индию, Китай, Южную Корею. В Японии, во время фотографирования японской природы, он скончался от инфаркта. Михаил Петрович планировал, вернувшись из поездки по азиатским странам, организовать новые дискуссионные круглые столы и фотовыставки. Но вместо свежих выступлений Михаила Петровича сейчас на мероприятиях звучат речи воспоминаний о нем...

Прощай, единомышленник, соратник, учитель, друг!

Из поэзии Михаила Петровича Яценко (2017 г.):

ИНЫЕ ПЛАНЫ

*В тот день у Бога планы на меня
Были иные, только я не ведал,
Когда билет на Питер поменял,
Когда «У Бени» смачно пообедал,

Когда листал кварталы не спеша,
Кафешки как гербария листочки,
А оказалось, что надежду воскрешал
По крошке, по горбушке, по кусочку.

Но только вдруг зашлись колокола,
Мне облачко на голову роняя, –*

*Она ждала, по-прежнему ждала,
Услышав Господа, но не меня ли?!*

*И этот дом двенадцать с буквой «Б»,
А в том камине даже прежний пламень
Седой диван, наверно, оробел...
У Господа были другие планы...*

Иван Алексеевич Пфаненштиль,
д-р филос. наук, профессор,
руководитель Центра глобалистики и геополитики
Сибирского федерального университета

Василий Валентинович Никуленков,
канд. истор. наук, доцент кафедры истории России,
мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института
Сибирского Федерального университета;
старший научный сотрудник лаборатории исторических
и социально-экономических исследований
Сибири и Центральной Азии
Красноярского научного центра СО РАН

Леонид Леонидович Молодых,
сотрудник Центра глобалистики и геополитики
Сибирского федерального университета

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; межстрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают

публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 19.11.24. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 19,37. Печ. л. 18,75. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 147.
Цена свободная.

Signed to print 19.11.24. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 19,37. Conventional printed sheets 18,75. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 147.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56